

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№3 МАРТ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2019

**ВОСЕМНАДЦАТЫЕ
МОЛОДЕЖНЫЕ
ДЕЛЬФИЙСКИЕ
ИГРЫ РОССИИ**

**РОСТОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**

19-24 апреля 2019 года

Забытые страницы

Борис Рябухин **Одно лишь утро** 4

Из российской истории

Алла Зубкова **Императрица и ее фаворит** 10

Рассказ

Юлия Попова **Леди и Сашка** 26

Леонид Доброхотов **Жажда славы** 103

Забытые усадьбы

Дмитрий Зелов **Проклятое место?..** 36

Так было

Олег Осетинский **Как моя мама шла домой** 43

Замечательные современники

Иван Переверзин **Мой Глазунов** 46

Елена Воробьева **Елизавета Арзамасова: «В моем странном случае учителем моим является сама профессия...»** 75

Шедевры

Ирина Опимах **«Сафо и Фаон» Жака-Луи Давида** 65

Посмеемся вместе

Евгения Дериземля **Сваха** 80

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **Магия Бабеля** 87

Это интересно

Светлана Бестужева-Лада **Анна Павлова. «Облако, парящее над землей»** 110

Итоги конкурса «Знаки судьбы»

Ольга Смирнова **Суженый** 126

Звезды не гаснут

Евгения Гордиенко **Людмила Целиковская. Народная красавица Советского Союза** 130

Детектив

Анна и Сергей Литвиновы **Мама против** 140

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Киноактриса Елизавета Арзамасова
(фото из личного архива)

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.02.2019

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

« В 1964 году на сцене ЦДЛ давала концерт легендарная звезда мирового экрана Марлен Дитрих. Она согласилась выступить перед писателями бесплатно, но в качестве ответной любезности попросила устроить ей встречу с... Константином Паустовским, так как давно мечтала увидеть автора рассказа «Телеграмма», который прочитала в переводе на английский в каком-то сборнике. 65-летняя Дитрих блестяще провела тот концерт. А когда на сцену вышел Паустовский с букетом цветов, она опустилась перед ним на колени...»

Юрий **Осипов** «Завидная жизнь»

« 70 лет назад вышел в свет ныне известный «Словарь русского языка» Ожегова. Сергей Иванович Ожегов был уникальным человеком эпохи, человеком-словарем энциклопедического масштаба. Как недавно сообщила его внучка, Екатерина Сергеевна Ожегова, скоро в российских книжных магазинах появится уже 28-е издание этой замечательной книги. Что можно сказать? Только одно — русский язык вечен!»

Валерий **Володченко** «В поступок превративший слово...»

«Ровно 33 года назад, 26 апреля 1986 года, произошла техногенная катастрофа в Чернобыле. Даже сейчас, спустя столько лет, больно вспоминать об этом. Больно, но людей, которые боролись с чернобыльской катастрофой в закрытой зоне, забывать нельзя, тех, кого Чернобыль разделил на «до» и «после». Нам остается лишь склонить голову перед людьми, вынесшими на своих плечах ту страшную беду...»

Предлагаем вашему вниманию воспоминания очевидца и участника как ликвидатора тех событий журналиста Николая Долгополова.

Николай **Долгополов** «Шрам на сердце»

«Этот уголок раскинулся вдоль берегов Яузы на северо-восточной окраине Москвы. Не много найдется таких мест в столице, где можно насладиться журчанием прохладной воды из родника (из которого, по преданию, пил сам Петр I) или услышать ближе к ночи изумительные трели соловьев. Именно здесь в начале позапрошлого века раздавался веселый смех счастливого Николая Карамзина, будущего автора «Истории государства Российского», и его горячо любимой жены Лизоньки, бродивших по тенистым аллеям усадьбы... А мы попытаемся приоткрыть завесу тайн этой старинной местности, название которой — Свиблово.»

Дмитрий **Зелов** «Приют муз»

« Окончание детектива Анны и Сергея **Литвиновых** «Мама против»

Одно лишь утро

Она жила в Петербурге на Васильевском острове. Ее семья давно обрусела. Пращуры выехали из Эльзаса в Московию еще в царствование Михаила Федоровича и поступили на военную службу. Отец служил корнетом у Суворова и погиб в бою. Мать была поденщицей. Стирала, гладила, шила на богатых. Семья

была большая. Все дети — самые обыкновенные. А она была — необычной.

Она говорила, пела и смеялась во сне. И боялась большой бараньей шапки. У нее был свой, сказочный мир. Снег ей представлялся просыпанными звездами, лунный свет — серебряной пылью. Бабушек она

считала волшебницами, а красивых девушек — феями.

Она не училась в школе — не было денег. Учителем ее был Гросс-Гейнрих, друг отца. Выручали усидчивость, память, наблюдательность. В десять лет она знала — помимо родного русского — немецкий и французский языки. В одиннадцать в совершенстве овладела итальянским. Читала наизусть Тассо. Писала поэтические произведения. Теперь она знала больше Гросс-Гейнриха. И он перестал быть ее учителем, но оставался большим другом. Языки она запоминала как музыку. Латинский, греческий, церковнославянский, английский, новогреческий, испанский, португальский. Весь многоязыкий мир зазвучал в ее сердце. Песни Анакреона в ее переводе на пять языков стали ее дебютом в поэзии. Она хорошо рисовала и играла на фортепьяно. Эти уроки ей давали из милости в Горном Корпусе. Вообще, природа заронила в ее душу целую горсть талантов. Но она скромно относилась к своим способностям:

*Один мне дар из многих
Природа уделила:
Высоким стихотворца
Напевом наслаждаться
И чувствовать глубоко
И радости, и скорби,
Им в песнях излианны.*

Для всех время бежало, а для нее замедляло бег. Потому она так много успевала делать.

Она и выросла быстрее сверстниц. Девочка в четырнадцать лет

превратилась в стройную девушку. Красивое лицо обрамлялось волнами каштановых волос, большие темно-голубые глаза всегда лучились. Чистое, доброе сердце еще более облагораживалось общением с миром прекрасного.

Но все это погибло бы от нужды и лишений. Ее преследовал постоянный голод. С квартиры прогнали — нечем было платить. Перо не слушалось окоченевших от холода рук. От слабости она засыпала, укутавшись в лохмотья.

Гросс-Гейнрих приходил в отчаяние, но не мог помочь. Сам был беднее церковной мыши. Все его богатство составляла переписка с великим Гете. Гросс-Гейнрих послал ему стихи своей бывшей ученицы. И вот что ответил поэт: «Объявите молодой писательнице от моего имени, от имени Гете, что я пророчу ей со временем почетное место в литературе, на каком бы из известных ей языков ни вздумала писать». От этих слов юная поэтесса разрыдалась. Обидно, что нужда губила ее талант...

Но вот однажды в дверь громко постучали. На пороге появился царский курьер:

— Ее императорскому величеству государыне императрице благоугодно было обратить внимание на поэтическое дарование девицы Кульман, поднесшей ее величеству свой перевод стихотворений Анакреона, в доказательство чего императрица пожаловала ей подарок

и назначила ежегодное пособие в 200 рублей из дворцовой конторы.

В черной бархатной коробке был бриллиантовый фермуар.

Нужда отступила в угол, но из дома не ушла.

Как-то Гросс-Гейнрих рассказал Лизе о Коринне, жившей в Древней Греции одновременно с Пиндаром. Она одерживала над ним победы на Олимпийских играх, но ее стихи пропали в глубине веков. И Елизавета заново написала песни Коринны, став достойной соперницей Пиндара. «...Постигла мир греческой красоты и наслаждалась его сокровищами в божественных звуках его собственного языка, — какое редкое, какое дивное явление нравственного мира!» — так писал о ней Белинский.

Таким образом, она второй раз победила время — смогла вернуться в прошлое и жить той жизнью. Но давалось это нелегко. Была распределена каждая минута. Ей требовался регулярный отдых. Но вместо отдыха на нее обрушилось новое испытание.

7 ноября 1824 года ночью поднялся страшный ветер. Сорвало мосты. В воздухе кружились листы кровельного железа. Хлынул ливень. Нева закипела и пошла вспять. Началось наводнение. Люди лезли на крыши, на фонари, на деревья. А она в это время металась в жару от воспаления легких. Простыла, потому что у нее не было пальто, когда они с матерью и с узлами побежали в Горный Корпус.

У Елизаветы началась чахотка. Больная, она была прекрасней прежнего. Обострились черты светящегося лица, казались огромными блестящие глаза. Но прозрачная рука уже не могла держать перо, и Гросс-Гейнрих стал ее секретарем. Смертельно больная, Елизавета в течение целого года писала жизнерадостные стихи... Однажды она попросила почитать ей любимого Тассо и во время чтения тихо покинула этот мир... Ей было всего семнадцать лет.

Ее похоронили на Смоленском кладбище. По повелению императрицы поставили памятник из белого мрамора со спящей музой. «Роза, она прожила, сколько живут розы, — одно лишь утро». Эти слова написали на четырнадцати языках, которые она знала.

Академия наук выпустила академическое собрание сочинений Елизаветы Кульман — стихи, переводы, сказки. На всех языках. Прочитав их, Карамзин воскликнул: «Что за необыкновенное восхитительное существо! Стихи ее лучше всех дамских стихов, какие мне случалось читать на русском языке, но сама она еще не в пример лучше своих стихов... не оставляю и я без приношения священной, девственной тени Элизы! Как жаль, что я ее не знал! Нет сомнения, что я в нее бы влюбился...»

Декабрист Кюхельбекер в сибирской ссылке написал в ее честь оду. Он представил ее на Парнасе среди поэтов всех времен:

Бард Фелицы провещал:
«Сын, ты прав: земная риза
Облачила идеал —
И явилася Элиза;

Но прекрасной (я горжусь)
Не далекое светило
Колыбелию служило.
Нет! Моя родная Русь! □

Элизавета Курьман

(1808–1825)

УТЕШЕНИЕ

Я слышу хохот твой обидный!
Но, звуки струн моих браня,
Знай, я избрала путь, завидный,
И не догнать тебе меня!

Надменная! С тобою в землю
И память о тебе сойдет;
Меня же смерть, я свыше внемлю,
Сияньем славы обведет!

Моими песнями утешит
Страдалец свой печальный дух,
И ими ж гости будут тешить
На празднествах сердца и слух!

***

Меня назвал ты бедной, —
Ошибся ты, мой друг.
Проснись с лучом рассвета,
Взгляни на мир вокруг:
Над хижиной моею
Струится свет зари,
И падает на кровлю

Дождь золота, смотри!
Под вечер луч багряный
Блеснет в последний раз,
Но дотемна мерцает
В моем окне топаз!
Меня назвал ты бедной, —
Ошибся ты, мой друг!..

Украсит игры ваши
Пленительным напевом
По смерти недалекой
Породы соловьиной,
Во славе устарелой,
Коль в почестях, в наградах
Певцам меньшим откажем?»
Судьи венец лавровый
Вручили песнопевцу;
Он, озираясь, ищет
Прелестную Коринну,
Старавшуюся скрыться;
Но взор всех, обращенный
К певице несравненной,
Явил ее Пиндару.
Он, с нежным соучастьем,
Держа в руке подъятой
Венец, дающий славу,
К трепещущей подходит
И кротко ей вещает:
«Прими венец победы
Из рук моих, Коринна!
И будь отчизны общей
Веселием и славой,
Как некогда был Пиндар».
Рек — и венец лавровый
В густых кудрях Коринны
Сам дивный укрепляет.
Ланиты юной девы,
Подобные двум розам,
Родившимся под лавром,
Которых блеск природный
Авроры слезы множат, —
Пылают от смущенья
Пред тронутым собраньем,
Кропясь струею слезной,
Рожденной умиленьем. □

ИМПЕРАТРИЦА И ЕЕ ФАВОРИТ

*Анна
Иоанновна*

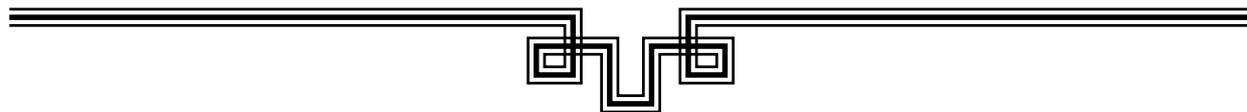

*Эрнст Иоганн
Бирон*

Императрица Анна Иоанновна и Эрнст Иоганн Бирон. Как случилось, что имя мелкого курляндского дворянина стало символом правления этой властительницы российского престола? Ведь о «бироновщине» слышал едва ли не каждый школьник. Десять лет продолжалось царствование племянницы великого Петра, и все это время рядом с троном стоял этот честолюбивый, беспринципный человек. Именно он стал первым «классическим» фаворитом в российской истории XVIII века. Все временщики эпохи Елизаветы и Екатерины II шли по его стопам.

Разумеется, уроженцу небольшого немецкого герцогства на берегу Балтийского моря помог «его величество случай». Именно благодаря ему сумел он не только войти в доверие, но и найти дорогу к сердцу Анны. Ее любовь к Бирону бросалась в глаза всем. Императрица не могла ни дня обойтись без фаворита. То, что он был женат, нисколько не мешало этим отношениям. Бирон, его супруга и императрица составляли как бы единую семью. Впрочем, история знает немало подобных любовных треугольников. Многие, в том числе и современные историки, полагают, что именно Анна Иоанновна является матерью младшего сына Бирона.

Фаворит пережил свою благодетельницу на тридцать два года, но жизнь его сложилась весьма драматично. Назначенный императрицей в ее завещании регентом Российской империи, он пробыл в этом качестве всего три недели. Арестованный заговорщиками, Бирон был приговорен к четвертованию, но затем помилован и провел в ссылке долгих двадцать лет. Получив разрешение вернуться, он был восстановлен в правах курляндского герцогства и умер в столице своих владений в возрасте 82 лет.

Будущая императрица появилась на свет 28 января 1693 года в Крестовой палате Московского Кремля. Ее отец, царь Иван V, приходился братом Петру I, соправителем которого он стал благодаря стараниям своей сестры, царевны Софьи, также считавшейся соправительницей. Желая окончательно устранить Петра от власти, Софья женила больного и слабоумного Ивана на юной красавице дворянке Прасковье Салтыковой. У них родилось пять дочерей. Предпоследней и была царевна Анна. В 1689 году Петр, свергнув Софью, заточил ее в монастырь и стал единолично править

Россией, не считаясь более с безвольным Иваном, который умер в 1696 году.

Царевна Анна с матерью жила в Измайлово, в старом загородном дворце своего деда, царя Алексея Михайловича. Помимо традиционных предметов: азбуки, грамматики, географии, ее обучали немецкому и французскому, а также танцам. Увы, французским она так и не овладела. С танцами дело также не ладилось. Анна не отличалась ни музыкальным слухом, ни грацией движений. Безмятежная жизнь в Измайлово продолжалась до 1708 года, когда Петр вызвал вдову брата

с дочерьми в Петербург. Поселились они во дворце неподалеку от современного Смольного. Впрочем, прожила там царица не так уж долго. Дядюшка довольно быстро приглядел ей жениха, руководствуясь, как у него обычно бывало, интересами государственными. Избранником стал юный курляндский герцог, племянник прусского короля, Фридрих Вильгельм. Курляндия была вассальным владением Речи Посполитой и стратегически очень важна для России. В конце октября 1710 года только что познакомившиеся молодые люди, обоим исполнилось всего по семнадцать, были торжественно обвенчаны. Церемония происходила в Меншиковском дворце. Там же был устроен и пир. Его открыл сам Петр, разрезавший кортиком два гигантских пирога, откуда, к изумлению гостей, появились две богато разодетых карлицы и исполнили, к восторгу присутствовавших, изящный менюэт на столе.

Молодые пробыли в Петербурге еще два месяца, а затем выехали в столицу Курляндии Митаву. Увы, на первой станции, где они меняли лошадей, герцог внезапно скончался. Как полагали современники, «с перепою», так как накануне молодой человек осмелился за столом состязаться в пьянстве с самим Петром. Анна вернулась в Петербург, где в беспокойстве провела полтора года, не имея ни малейшего понятия, что будет с ней дальше.

В конце июня 1712 года Петр принял решение отправить Анну в Курляндию, где она должна была иметь резиденцию в качестве вдовы герцога Фридриха Вильгельма. Вместе с ней в Митаву выехал представитель России П.М. Бестужев-Рюмин. Его пребывание в Курляндии нужно было русскому правительству лишь для того, чтобы, под предлогом защиты бедной вдовы, вмешиваться в дела герцогства. Сама Анна не имела никакой реальной власти и вскоре оказалась в полной зависимости от Бестужева, который не только управлял всем ее не очень богатым хозяйством, но вскоре стал ее сожителем. При этом Бестужев не стеснялся обворовывать свою любовницу, а ей приходилось с этим мириться. Нельзя сказать, что она любила Бестужева — тот был старше ее почти на двадцать лет, к тому же отличался необычайной блудливостью и изменял ей со всеми придворными фрейлинами. Нет, Анна просто привыкла к нему. Тем не менее она посылала в Петербург слезные письма «матушке-тетушке» и «батюшке-дядюшке», так она называла Петра и Екатерину, с просьбой найти ей жениха. Шли годы, а подходящей кандидатуры все не находилось.

И вот, в 1726 году, уже после смерти Петра, при курляндском дворе появился граф Мориц Саксонский, внебрачный сын польского короля Августа II, молодой, но уже известный всей Европе воин и покори-

тель женских сердец. Мориц мечтал о титуле герцога Курляндского. Дворянскому собранию Курляндии кандидатура Морица пришлась по вкусу, и они заявили о готовности пригласить его на герцогский трон. Что же касается Анны, то она сразу же попала под обаяние столь галантного и мужественного кавалера. О лучшем муже она не могла и мечтать. Всем этим планам, однако, не суждено было осуществиться. О курляндской короне мечтал также Александр Данилович Меншиков, и его вмешательство лишило Морица шансов на вождеденный трон, а Анну — получить, наконец, достойного супруга. Впрочем, вскоре она поняла, что потеря эта не так уж велика. Как-то январской ночью она встретила во дворе замка Морица, который тащил на плечах к себе в апартаменты очередную красотку — фрейлину, не желая, чтобы следы дамы на снегу ее скомпрометировали. Кстати сказать, Мориц отличался удивительной силой. Рассказывают, что однажды во время пирушки на столе не оказалось штопора. Не долго думая, граф обмотал длинный гвоздь вокруг пальца и выручил всю компанию, сделав из него штопор.

После отъезда столь блистательного жениха бедной герцогине пришлось продолжить свое монотонное существование в Митаве, скрашивая его скромными любовными радостями со стареющим Бестужевым. Однако вскоре она была лишена и это-

Муж Анны — Фридрих Вильгельм, герцог Курляндский

го удовольствия. Меншиков, раздосадованный тем, что курляндское дворянство отклонило его притязания на герцогскую корону, обратил свое раздражение на Бестужева, который, по его мнению, слишком уж разнежился и обмяк под боком у Анны. Бестужев был отозван в Петербург. Анна посылала в столицу слезные письма с просьбой вернуть советника, так как «она привыкла к нему».

Но уже к осени 1722 года упоминания имени Бестужева исчезли из ее посланий. Загадка эта решалась просто. К этому времени в жизни Анны появился человек, которому суждено было занять в ее сердце совершенно особое место.

*Анна
Иоанновна*

Звали его Эрнст Иоганн Бирон. Следует заметить, что он не был новым человеком в окружении герцогини. Бирон появился при митавском дворе еще лет за девять-десять до этого, однако, судя по всему, на Анну он тогда не произвел особого впечатления. Тем не менее, он достаточно быстро выдвинулся среди других придворных и благодаря своим деловым качествам и покровительству Бестужева стал оберкамер-юнкером. Вскоре Анна заметила и оценила импозантную внеш-

ность молодого человека, его военную выправку и отменное искусство наездника. Воспользовавшись опалой Бестужева, Бирон занял его место в опочивальне герцогини, и тот, вернувшись в Митаву, понял, что его бывший подчиненный «обошел» его. Негодованию старого придворного не было границ, но он был бессилен что-либо изменить.

И кто же все-таки он, этот Эрнст Иоганн Бирон? Родился он 23 ноября 1690 года в семье худородного курляндского дворянина. Правда,

позднее утверждал, что ведет родословную от французских герцогов Биронов. Разумеется, это было чистой выдумкой. Он учился в Кенигсбергском университете, однако курса не окончил. В молодости с ним произошла какая-то темная история. По слухам, он с друзьями, гуляя по ночному городу, повздорил со стражей и заколол одного человека, за что почти год пробыл под арестом и должен был уплатить довольно крупный штраф. После этого Бирон

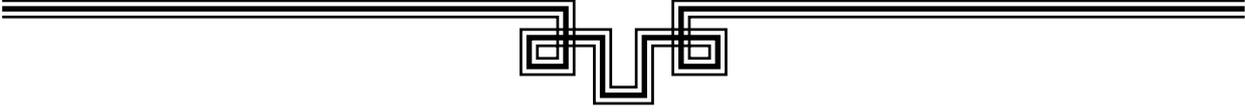
Российской империи племянницу Великого Петра, курляндскую герцогиню Анну Иоанновну. Еще ошеломленная случившимся, Анна торжественно прибыла в Москву, ставшую во время короткого правления Петра II столицей империи. Было бы неприлично сразу привезти с собой фаворита, зато она взяла с собой младшего сына Бирона, Карла Эрнста.

Здесь необходимо некоторое отступление. Дело заключалось в том,

---

Косени 1722 года в жизни Анны появился человек, которому суждено было занять в ее сердце особое место. Звали его Эрнст Иоганн Бирон. Этот молодой человек достаточно быстро выдвинулся среди других придворных благодаря своим деловым качествам и покровительству Бестужева. А на коронации Анны Иоанновны он находился рядом с ней уже как официально ближайшее к государыне лицо — обер-камергер

переехал в Россию. Позднее Бестужев взял его с собой в Митаву, и случилось то, что случилось.

Возможно, Бирон так и остался бы на всю жизнь фаворитом не имеющей реальной власти герцогини небольшого балтийского владения, если бы в начале 1730 года, после смерти императора Петра II, в судьбе его госпожи не произошел кардинальный поворот. Члены высшего государственного органа Верховного тайного совета единогласно приняли решение возвести на трон

что Бирон был женат. Его супругой еще в 1723 году стала фрейлина Анны, Бенигна Готлиб фон Тротта-Трейден. Некоторые современники утверждали, что она была безобразна и горбата. Другие, напротив, свидетельствовали, что довольно миловидна, хотя лицо ее после оспы было несколько «попорчено». Скорее всего, правы были последние. У Биронов было трое детей — сын Петр, дочь Гедвига-Елизавета и уже упоминавшийся Карл Эрнст. Этого полторагодовалого малыша будущая

тан-бомбардира Преображенского полка, в девять стал камергером, в двенадцать — кавалером ордена Андрея Первозванного. В то же время необходимо отметить, что прямых доказательств материнства Анны Иоанновны в распоряжении историков не имеется.

Вскоре после вступления на престол Анна вызвала Бирона с семьей в Москву. На церемонии коронации фаворит находился рядом с ней уже как официально ближайшее к госу-

---

Своим положением Бирон был обязан чувству, которое испытывала к нему императрица. Однако, чтобы занять столь высокое положение при дворе, этого было недостаточно. Современники отмечали удивительную способность Бирона во всех событиях схватывать самое главное и все устраивать в своих интересах. В то же время многие изображали его человеком ограниченным, алчным, жестоким, заносчивым и мстительным. По большому счету, так оно и было

императрица и повезла с собой в столицу. Современники, да и некоторые сегодняшние историки склоняются к мнению, что этот ребенок ... сын самой Анны Иоанновны. Причины подобного утверждения? Необыкновенная любовь, которую Анна испытывала к мальчику. Известно, что почти с самого рождения до десяти лет он всегда спал в кроватке, которую ему ставили в опочивальне императрицы. В четыре года Карл Эрнст уже имел чин капи-

дарыне лицо — обер-камергер. Кроме того, он получил орден Александра Невского, а немного позднее высший орден — Святого Андрея Первозванного.

Анна полностью подчинилась своему избраннику. Причем, подчинение это ни в коей мере не было для нее тягостным. Один из мемуаристов того времени писал: *«Никогда на свете не бывало дружнее четы, приемлющей взаимно в увеселении и скорби совершенное участие, как импера-*

трица с герцогом Курляндским (Бирон получил этот титул в 1737 году). Оба почти никогда не могли во внешнем виде своем притворствоваться. Если герцог являлся с пасмурным лицом, то императрица в то же мгновение встревоженный принимала вид. Буде тот весел, то на лице монархини явное отражалось удовольствие. Всех милостей надлежало испрашивать от герцога, и через него одного императрица на оные решалась». И это действительно было так. Бирон являлся постоянным докладчиком у императрицы, и при ее невежестве и нежелании заниматься делами именно его решения становились окончательными.

Безусловно, своим положением Бирон был обязан чувству, которое императрица испытывала к нему. Однако чтобы занять столь высокое положение не только в придворном мире, но и в куда более важной сфере выработки и принятия решений, этого было мало. Современники отмечали удивительную способность Бирона во всех событиях схватывать главное, все устраивать в своих интересах, а также великолепное знание всех тех приемов, которые могли бы пригодиться для осуществления его целей. В то же время многочисленные недоброжелатели изображали его человеком ограниченным, алчным, жестоким, заносчивым, несдержанным и мстительным. По большому счету, так оно и было. Но при этом нельзя отрицать и того, что Бирон был волевым

человеком и умел себя сдерживать, в нужное время с нужными людьми бывал любезным и даже очаровательным.

Что же касается Анны, то ее любовь к фавориту бросалась в глаза всем. Императрица ни дня не могла обойтись без него. У семейства Биронов, по сути, не было нормального дома. Их апартаменты всегда находились во дворце, рядом с покоями императрицы. Один из придворных служителей не без ехидства подтверждал слухи о том, что Бирон регулярно государыню «штанами крестит», добавляя, что ему «недалеко было такой милости искать, ведь обер-камергер недалече от государыни живет».

Близкий ко двору мемуарист отмечал, что фаворит постоянно присутствовал рядом с Анной, «которую не покидал, не оставив вместо себя свою жену. Герцог всеми мерами отворачивал и не допускал других вольно с императрицей обходиться и если не сам, то через жену и детей своих всегда окружал ее так, что она ни слова сказать, ни шага ступить не могла, чтобы он тем же часом не был о том уведомлен».

Разумеется, день за днем, год за годом постоянно находиться при государыне и при этом не надоесть, не вызвать раздражения — работа не легкая. Нужно было всегда вовремя замечать перемены настроения повелительницы, развлекать ее неожиданными и приятными сюрпризами — вроде того, как в 1734 году

*Эрнст Иоганн
Бирон*

несколько раз во дворце, «к высочайшему удовольствию» императрицы, показывались «астрономические наблюдения». Впрочем, с не меньшим интересом Анна любовалась доставленной по инициативе Бирона в 1737 году великой птицей «Струс» и ученым слоном из Ирана. В 1739 году фурор при дворце произвела «мужицкая жена» Аксинья Ивановна, обладавшая пышной черной бородой и усами. Ее также при-

везли по распоряжению Бирона. Придворные спорили, является ли Аксинья женщиной. Академики рассеяли сомнения: бородатую даму подвергли «научному осмотрению» и установили, что она — «подлинная жена и во всем своем теле, кроме уса и бороды, ничего мускова не имела».

За годы близости Бирон хорошо изучил свою государыню. Далеко не красавица, с грубоватыми чертами лица, тяжелым взглядом темных

*Анна
Иоанновна*

глаз, очень полной, далеко не грациозной фигурой, ее нельзя было назвать особо привлекательной. По характеру своему и поведению Анна была совершенно заурядной помещицей — не очень умной, мелочной, суеверной, скорой на расправу, только именем ее было не несколько деревенок, а огромная империя. Дворец, несмотря на его великолепие, чем-то напоминал барский дом. Фрейлины Анны всегда

должны были сидеть в соседней комнате и, как дворцовые девки, заниматься рукоделием. Соскучившись, Анна отворяла дверь и командовала: «Ну, девки, пойте!» Иногда она требовала к себе гвардейцев с их женами и приказывала им плясать «русского» и водить хороводы, в которых заставляла принимать участие присутствовавших вельмож. Обожала слушать всякие истории и городские сплетни.

Как и Анна, Бирон не был обременен излишней утонченностью и интеллектом, и это еще больше сблизало их. Его увлечения становились ее увлечениями, и наоборот. Зато он оказался страстным лошадиником и тонким знатоком благородных животных. При нем наступил настоящий расцвет придворной конюшни. Ее штат состоял из 393 служителей и мастеровых и 379 лошадей, содержание которых ежегодно обходилось в 58 тысяч рублей — огромная по тем временам сумма. Бирон покупал породистых животных где только возможно — в Дании, Германии, Италии, даже в Турции и Иране. Почти каждое утро он проводил несколько часов либо в конюшнях, либо в манеже. Не в силах сносить даже кратковременной разлуки с любимым человеком, императрица не только часто к нему туда приходила, но и возымела желание учиться верховой езде. В ее не юные годы и при изрядной полноте, это была задача далеко не простая, но она добилась своего и, по свидетельству современников, *«успела настолько, что могла по-дамски с одной стороны на лошади сидеть и летом по саду в Петергофе проезжаться»*.

Зная о страсти Анны к стрельбе в цель, Бирон оборудовал в своем манеже тир, где императрица с удовольствием демонстрировала свое искусство. Она на самом деле была превосходным стрелком. Стрельба по мишени или по птицам была ее любимым занятием, особенно в Пе-

тергофе. Более того, она вовлекала в это занятие и придворных, суля им щедрые подарки — золотые кольца или алмазные перстни. Почти во всех простенках ее дворца Монпле-зир специально расставляли ружья и штуцеры, которые Анна хватала, едва увидев пролетающую мимо ворону, галку или чайку. Била она и по птицам, которых в большом количестве содержали в вольерах. Порой в Петергофе устраивались крупные охоты с так называемых «ягт-вагенов», особых высоких повозок, установленных в центре поляны, на которую сотни загонщиков, охватывая кольцом огромные лесные массивы, гнали всю живность. Постепенно круг сужался, звери через длинный и высокий полотняный коридор попадали на поляну, посреди которой стоял «ягт-ваген» императрицы и ее вооруженной свиты. Собственно говоря, это была не охота, а стрельба по живым мишеням. Неудивительно, что счет трофеев исчислялся десятками. В 1740 году за два месяца своего пребывания в Петергофе императрица подстрелила 9 оленей, 16 диких коз, 4 кабанов, 1 волка, 374 зайца.

Кроме заботы об увеселении государыни Бирон взвалил на себя обязанность следить за ее здоровьем. Порой это было сложно, так как сама императрица, страдавшая каменно-почечной болезнью, *«оную свою болезнь сами всегда изволили таить, и разве ближние комнатные служительницы про то ведали»*.

Бирон консультировался с придворным медиком, доктором Лестениусом. Преодолевая сопротивление Анны, нерегулярно принимавшей предписанные лекарства, он, по свидетельству современника «припадал к ногам ее императорского величества и слезно просил, чтоб теми от докторов, определенными лекарствами изволила пользоваться». Должно быть, не просто было ему сопровождать государыню и к зубному лекарю.

Не стоит сомневаться в том, что эти обязанности свои Бирон выполнял не за страх, а за совесть — он действительно любил Анну, но, наверное, все-таки главным было сознание того, что его личное благополучие неразрывно связано с присутствием Анны на троне. Какие же материальные ценности лежали в основе этого благополучия? Прежде всего, это были подарки и пожалования императрицы. К примеру, по случаю завершения в 1739 году не очень-то успешной войны с Турцией фаворит получил награду — полмиллиона рублей, сумму по тем временам астрономическую, поскольку все расходы на армию и флот составляли тогда около шести миллионов.

Осенью 1734 года Бирон предложил гениальному Растрелли построить ему дворец (Рундальский) и лично утвердил план и рисунки его фасадов. Став герцогом, он решил построить себе резиденцию в Митаве, и Анна Иоанновна поручила тому

Жена Бирона — Бенigna Готлиб фон Тротта-Трейден

же Франческо Растрелли строительство дворца. Из Петербурга были посланы мастера разных ремесел, везли материалы, и дворец начал быстро расти. Было видно, что средств на его строительство хозяин не жалеет. Откуда берутся эти деньги, никто спрашивать не смел. В народе говорили, что Бирон вывез в Курляндию два корабля денег. Разумеется, это был миф, но то, что карман герцога и подвалы штатс-коллегии, где хранилась государственная казна, были чем-то вроде сообщающихся сосудов, неоспоримо.

По сути, Бирон и его семейство находилось у императрицы на полном иждивении. Анна пожаловала любовнику все свои имения в Кур-

Мориц Саксонский

ляндии и Лифляндии. Однако богатства герцога в немалой степени прирастали и за счет крупных взяток от самых высокопоставленных вельмож империи. Он получал «подарки» за оказанные услуги в виде денежных сумм, предметов роскоши, редких драгоценных камней. Наиболее приятными были подарки в виде дорогих чистокровных лошадей. Их ему посылали даже монархи соседних государств.

Своим внешним видом фаворит обязан был поддерживать блеск императорского двора, и делал это с успехом. Его орденский знак, звезда на груди, застёжки на плече и шляпе, шпага, пуговицы на рубашке и пряжки обуви были сплошь усыпаны бриллиантами. Посуда, хранившаяся в многочисленных шка-

фах (к примеру, столовый сервиз из серебра, весивший 36 килограммов и редкий китайский сервиз, особенно им любимый) поражала видавших виды иностранных послов. Удивительного тут было мало, ведь он пользовался щедротами своей царственной возлюбленной, которая в год порой тратила на приобретение бриллиантов около 160 тысяч рублей, а на покупку сервизов — до 25 тысяч.

Да, Анна обожала Бирона, однако возникает вопрос, не было ли у императрицы кроме него других сердечных привязанностей? Скорее всего, нет, хотя в мемуарах того времени в этой связи проскальзывает имя Рейнгольда Левенвольде, графа, камергера и в прошлом фаворита Екатерины I. Поговаривали, что в самом начале царствования Анны Иоанновны, его покои, как и апартаменты Бирона, находились в московском дворце императрицы. Тем не менее, прямых подтверждений этому нет. Примерно в это же время при дворе появился человек, который вполне мог положить конец карьере курляндца. Это был приехавший в Россию португальский принц Эммануэль, и у него были серьезные матримониальные планы в отношении Анны Иоанновны. Лишь решительное вмешательство ближайших министров императрицы расстроило это сватовство.

Шли годы. В 1740 году Анне исполнилось 47 лет. Многое ей уже надоело в жизни, и лишь страсть к Би-

рону не становилась меньше. Летом случилось событие, которое сильно порадовало стареющую императрицу. У ее племянницы, Анны Леопольдовны, родился мальчик. Его назвали Иваном, в честь прадеда. Анна верила, что ему суждено занять российский трон.

Тем временем здоровье самой императрицы оставляло желать луч-

к государыне с просьбой назначить именно его регентом империи. Однако тут возникло непредвиденное препятствие. Суеверная императрица наотрез отказалась подписывать какое бы то ни было завещание, опасаясь, что, как только сделает это, то немедленно умрет. Бирон был в отчаянии. Жизнь уходила из Анны буквально на глазах. Фаворит пони-

---

Анна Иоанновна скончалась в октябре 1740 года. Умирая, она до самого конца смотрела на стоявшего в ее ногах плачущего Бирона. А после ее смерти он продолжал считать, что ему ничего не угрожает, как регент он был всемогущ и неуязвим. Увы, Бирон неверно оценивал обстановку — властвовать ему оставалось всего три недели

шего. Симптомы каменно-почечной болезни становились все более угрожающими. 5 октября 1740 года ей стало плохо прямо за обеденным столом. Началась кровавая рвота. Анна, жестоко страдая от болей, слегла в постель. Состояние ее ухудшалось день ото дня. Горе Бирона было искренним. По словам одного из послов, он громко и безутешно рыдал, метался по комнате и даже упал в обморок. Несмотря на это, ему было жизненно необходимо в оставшееся время упрочить свое положение при дворе. Действуя весьма тонко и изощренно, герцог добился, чтобы собравшиеся высшие сановники подписали петицию

мал, если завещание не будет подписано, регентами при Иване Антоновиче станут его родители, а он сам останется не у дел. Он на коленях умолял императрицу подписать завещание и, в конце концов, добился своего.

Анна Иоанновна скончалась 17 октября 1740 года. Умирая, она до самого конца смотрела на стоявшего в ее ногах плачущего Бирона, а затем с трудом произнесла всего одно слово: «Небось», что означало — «не бойся».

Но Бирон считал, что ему уже ничего не угрожает, как регент он был всемогущ и неуязвим. И все-таки он неверно оценил обстановку. Властвовать ему оставалось всего три

Карл Эрнст Бирон — младший сын Бирона. Существует мнение, что это сын самой Анны Иоанновны и Эрнста Иоганна Бирона

недели. Его тайный недруг, фельд-маршал Миних, с благословения матери наследника, Анны Леопольдовны, организовал первый в истории России классический дворцовый переворот, совершенный группой офицеров и солдат. Заговорщики, отряд преображенцев, проникли в Летний дворец, резиденцию герцога, а затем в его спальню. Будучи человеком достаточно сильным физически, Бирон, вскочив с постели, некоторое время сопротивлялся солдатам, не давая себя скрутить. Однако те, в конце концов, утихомирили его ударами ружейных прикладов. Затем связали его шарфом одного из офицеров и потащили по залам дворца к выходу. Шум, поднятый во время этой

сцены, поднял на ноги всех обитателей дворца. И только покойная императрица Анна Иоанновна тихо лежала в своем роскошном гробу в парадном зале и не видела, как мимо проносят мычащего и брыкающегося Бирона. Она уже ничем не могла помочь своему возлюбленному. Ее похоронили 23 декабря 1740 года, уже при новой власти. Ну, а ее фавориту пришлось испытать еще немало превратностей судьбы. Приговоренный судом к четвертованию, Бирон был помилован и вместе с семьей сослан в Сибирь, в затерянный в тайге городишко Пелым. Он был лишен титула герцога, а имущество его было конфисковано. Впрочем, в Пелыме он пробыл не так уж долго — всего два с половиной месяца. В Петербурге снова изменилась власть, и Елизавета, взошедшая на престол, причем также в результате государственного переворота, своим указом милостиво изменила Бирону место ссылки, повелев доставить его в Ярославль. Там условия содержания опального вельможи были несравненно более мягкими. Ему было определено довольно щедрое содержание. Были возвращены библиотека, мебель, посуда, охотничьи собаки, ружья и несколько лошадей. Он получил даже два сундука со своими нарядами. Тем не менее, это все-таки была ссылка, и продолжалась она ровно двадцать лет.

Лишь в начале марта 1762 года взошедший на престол Петр III объявил об освобождении бывшего гер-

*Анна
Иоанновна*

цога и разрешил ему прибыть в Петербург. Ну а в августе того же года пришедшая к власти в результате очередного гвардейского переворота Екатерина II объявила, что Бирону возвращается Курляндия, которая именовалась уже княжеством.

Эрнст Иоганн Бирон скончался в своем дворце в Митаве 17 декабря 1772 года на 83 году жизни. От инфаркта. Так закончил свои дни чело-

век, который в течение десяти лет стоял у подножия самого могущественного в Европе трона. Возможно, история любви не слишком популярной и симпатичной русской императрицы к ничем особенно не примечательному курляндскому дворянину представляется сегодня не самой романтической на свете, но сами действующие лица, скорее всего, думали иначе, а это главное. Не так ли? □

Леди и Сашка

Вячеслав Найденов напряженно вглядывался в дорогу. Машина послушно наматывала на спидометр пройденные по шоссе километры. Видимость была относительно нормальной, но Вячеслав внутренне был натянут, как струна, и делал вид, что внимательно следит за дорогой, потому что смотреть в сторону сидевшей рядом жены он откровенно боялся. А сама Даша вообще, казалось, не подавала признаков жизни. Дышала, сердце ее билось, но она почти не шевелилась и молчала. Молчала всю дорогу. И вчера было то же самое. И вообще так было с того времени, когда она, выплакавшись, рассказала о том, что ей сказали врачи. А приговор был однозначен и суров — Даша никогда не сможет родить ребенка. Ничто не может помочь — ни огромные деньги, никакие операции и лечение. И даже модное ЭКО и суррогатное материнство им не подарят долгожданного малыша. Что-то там такое именно в Дашином организме — не хочет он делиться одной единственной правильной клеточкой...

Если честно, сам Вячеслав воспринял врачебный приговор вполне адекватно. Уже не первый год они обивали пороги разных лечебных заведений, не побрезговали даже несколькими народными целителями. Денег и так уже выложили кучу, но результат был все тот же. В душе он уже смирился с поражением, но не знал, как сказать об этом Даше. Она не поймет, только расстроится еще больше, решит, что он сдался, что не будет больше ей союзником в борьбе за ребенка. А он, если честно, уже устал от этой борьбы. Нет, Вячеслав не меньше жены хотел малыша! И жену любил по-прежнему!

Ему было все равно — родит она ему наследника или нет. Главное, чтобы у них самих было все нормально, а то эта безумная гонка уже начала превращаться в издевательство над ними обоими. И самое обидное, что результат все равно был нулевым.

Выслушав жену, Вячеслав сразу же принял решение — им надо уехать на дачу. В прошлом году они купили небольшой деревенский домик в паре десятков километров от города. Жить там было можно, но все-таки требовалось приложить еще немало усилий. А Найденовым было некогда, поэтому и приезжали они сюда всего раза три за все время. На даче нужно было топить печь и носить воду из колодца, что кланялся им почерневшим от времени журавлем недалеко от калитки. Таких диковинных колодцев ни Вячеслав, ни Даша никогда еще не видели, и он стал одним из аргументов «за» при выборе дома. А сейчас Найденев целенаправленно вез жену из плена городской квартиры на сельский простор. Чтобы именно это таскание воды в ведрах, разжигание печи и прочие бытовые заботы отвлекли ее от тяжелых дум. Дома молчание и холод могли измучить кого угодно, так недолго и до психоза домолчатся...

На въезде в деревню Вячеслав заметил какое-то шевеление в большой луже на обочине. Глянул мельком, но разглядеть ничего не успел. Асфальтовое покрытие неожиданно кончилось, и ему пришлось вцепиться в руль, чтобы начать аккуратный объезд всех прелестей разбитой сельской трассы. В сотне метров впереди брели, не спеша, двое подростков. Видимо, они возвращались из школы — за их спинами висели ранцы. Мальчишки что-то активно обсуждали, размахивали руками и, запрокинув головы, громко смеялись. Молодость есть молодость, Вячеслав и сам когда-то вот так ходил, хохотал, жестикулировал, пару раз даже подраться удосужился. Пацан ведь рос, не девица сопливая! Встречая порой таких вот мальчишек, он всегда улыбался, вспоминая себя. А сейчас улыбаться ему не хотелось. Было в этих мальчишках что-то агрессивное, неприятное. И одеты вроде чисто, и сами ничего худого не делают, а вот улыбаться, глядя на них, не было никакого желания. А если бы он услышал, как они говорят! Порой пьяные мужики так не выражаются! Нормальных слов в их речи — «по пальцам сосчитать», да и те в основном предлоги и местоимения... Буквально минуту назад мальчишки отошли от той самой большой лужи, которую объезжал на своей машине Вячеслав, и теперь активно обсуждали, как смешно бултыхались в воде крохотные щенки. Насколько их, интересно, хватит? Когда через четверть часа к ним подошел мальчик лет восьми, шевеление в луже почти прекратилось. Только маленькими островками блестели от грязи спинки щенячьих трупиков...

Сашку Калинина одолевали тяжелые мысли. Он брел из школы домой, но идти туда совсем не хотелось. Мамка уже с утра раздобыла где-то бутылку и, пока он еще спал, успела к ней приложиться. Как можно именно «приложиться» к бутылке, Сашка представлял плохо, прикладываться можно, например, к теплomu боку печки. Но так говорила соседка, баба Катя, когда ругала Сашкину мать: «Люд, ты кончай к бутылке прикладываться! Сопьешься, не ровен час! А у тебя мальчонка совсем маленький! Возьми себя в руки! Молодая же еще и здоровая, чего себя гробишь?!»

Раньше Сашкина мамка не пила. И папка у них был. Только теперь Сашка его уже совсем не помнил. Папка разбился на машине, когда сыну было три года. Вот тогда-то и начала мамка выпивать. Если кто и пытался ее образумить, как баба Катя, например, Людмила Калинина объясняла, что ей так легче пережить смерть любимого человека. А она точно любила папку — Сашка раньше, если не успевал сразу уснуть, часто слышал, как мамка плакала и что-то шептала, глядя весьма потрепанную фотографию красивого молодого мужчины.

Потом Людмила стала выпивать чаще и плакать перестала. А фотография куда-то задевалась. Зато в доме теперь все чаще появлялись разные мужики. Сашкину кровать мамка переставила в маленькую комнатку и заставляла закрывать туда дверь, когда в гостях у нее оставался кто-нибудь из этих дядек.

В доме теперь стало грязно, а временами даже бывало холодно. Убираться еще Сашка кое-как научился, а вот печку топить не мог. Да и чем топить-то, поленица во дворе почти растаяла. Едой тоже пахло редко — в основном мамка с ее мужиками питались дешевой колбасой и черным хлебом. Тем же кормили и Сашку. Спасало его то, что в школе в начальных классах питание было бесплатным, а иной раз соседка зазывала его к себе и почти насильно усаживала за стол. Сашка жутко стеснялся и всегда отнекивался, но старенькая баба Катя не желала ничего слушать. И с собой всегда чего-нибудь давала.

Вот и сейчас Сашка возвращался домой с огромной неохотой. Вчера к ним приезжали какие-то тетеньки, долго разговаривали с мамкой. Она под конец даже расплакалась, и Сашка бросился ее утешать. Многого из того разговора он не понял, но главное уяснил — тетеньки ругали мамку, просили перестать пить и навести порядок в доме. И еще пригрозили забрать Сашку. Вот тут-то мамка и разревелась.

Вечером она поругалась с дядей Сережей — он был последним частым гостем в их доме. Поссорились они сильно — он грязно бранился и даже замахнулся на маму. А потом ушел, хлопнув дверью так, что со стола упала полная окурков тарелка. Окурки рассыпались, но тарелка не разби-

лась. Сашка стал собирать окурки, а мамка стояла рядом и задумчиво смотрела на него. Потом тяжело вздохнула:

— Даже посуда на счастье не разбилась... Хотя... какое уж тут счастье...

А под утро она куда-то ушла, но довольно быстро вернулась. Дзынькнула на кухне стаканом, а потом завалилась спать. И даже когда Сашка собирался в школу — не проснулась. Хотя это дело уже привычное — ее сын давно научился справляться сам.

Мальчик, погруженный в свои невеселые размышления, проходил мимо лужи, когда в ней что-то булькнуло. Один из маленьких «островков» чуть заметно шевельнулся. Сашка сначала даже испугался, но потом, едва сообразив, что это кто-то живой, не раздумывая, кинулся прямо в глубокую лужу. Щенок! Это был едва живой щенок! Мокрый и грязный, он из последних своих крохотных силенок пытался противостоять смерти. Не замечая, что в кроссовках булькает холодная грязная жижа, что единственные — «на выход» — брюки намокли и испачканы почти до колен, Сашка занялся спасенным щенком. Но перед этим проверил — не осталось ли в живых еще кого из пяти, безжалостно кинутых кем-то в придорожную лужу.

Повезло только одному. Но и этот крохотный комочек был на грани жизни и смерти. Сашка торопливо сунул его себе за пазуху и побежал домой.

А дома было как раз то, чего больше всего он боялся — дядя Сережа вернулся. Сам он это сделал, или мамка за ним сбегала, но только, поднявшись на крыльцо, Сашка услышал те звуки, которые доносились до него по ночам из-за закрытой двери. Слушать дяди Сережино кряхтение и протяжные материны стоны было невыносимо, и он остался сидеть прямо на крыльце. В носу предательски защипало... А он-то размечтался — прибежит сейчас домой со спасенным щенком, мама обрадуется маленькому комочку, и они вместе будут мыть его теплой водичкой и по очереди согревать за пазухой.

Потерев грязным кулачком глаза, Сашка шмыгнул носом. И тут его увидела вышедшая из своего дома баба Катя. Она посмотрела на мальчика, потом до нее донеслись звуки из дома — форточка была открыта. Баба Катя охнула и замахала руками, подзывая его к себе.

А потом он, вымытый и переодетый в шерстяные носки и чистые спортивные брюки приезжавшего на лето бабы-Катиного сына, проделывал со старенькой соседкой все то, что мечтал делать с матерью. Сначала они отмыли щенка, потом Сашка действительно согревал его за пазухой, а баба Катя наливала ему самому горячего супа и разогревала на сковородке испеченные утром блины с творогом.

Когда щенок обсох, и стало окончательно понятно, что он выживет, Сашка и баба Катя внимательно его рассмотрели. Это оказалась обычная дворняжка серого окраса, да к тому же и женского пола.

— Ишь, ты какая! — улыбнулась баба Катя, глядя на собаку. — Прямо леди!

Сашка не знал, что такое «леди», и на всякий случай спросил у бабы Кати. Узнав значение слова, он радостно улыбнулся. Слово ему понравилось. Щенок тоже. И тогда он решил назвать найденыша именно так — Леди.

Баба Катя хотела оставить щенка у себя — Сашке самому-то впору выжить, но мальчик неожиданно заупрямился. Он попросил только об одном — пусть соседка дает немного молока для малыша. У самого Сашки денег не было, мамка тоже не даст. «А я к вам каждый день буду приходить, любые дела делать — хоть посуду мыть, хоть полы мести! Я умею!»

Едва сдержав тяжелый вздох, баба Катя согласилась.

С тех пор так и повелось — соседка снабжала Сашку молоком для маленькой Леди, а он, чем мог, помогал ей самой. Никаких дел для него у бабы Кати, в общем-то, не было, зато время от времени она, сославшись на какую-нибудь мелочь, могла позвать его к себе и как следует накормить.

Щенок оказался очень смышленным. Леди быстро росла. И с каждым днем она и ее маленький хозяин все сильнее прикипали друг к другу. Мать Сашки восприняла появление собаки в доме на удивление спокойно, если не сказать равнодушно. Никогда не обижала, иной раз даже скупо проводила рукой по ее холке — вроде бы как гладила...

Прижившийся в доме дядя Сережа попытался несколько раз пнуть собаку ногой, но Леди смогла увернуться. А когда подросла — даже оскалилась так, что он трогать ее больше не стал.

Так и жили — все у Сашки с Леди было пополам — и радости и печали, и последний кусок хлеба или принесенная из школы конфета. Даже спали вместе — мальчик на кровати, а собака рядом, на полу. По утрам вместе шли до школы, потом Леди дожидалась хозяина где-нибудь поблизости, а после занятий друзья возвращались в часто не топлёный и не прибранный дом. И все равно Сашке не было уже так тоскливо, ведь рядом были любящие глаза Леди и ее шершавый язык, всегда готовый слизнуть с его щеки слезы.

А еще в доме напротив стали часто появляться молодые мужчина и женщина. Раньше они почти не приезжали, и Сашка про них ничего не знал. А потом они стали приезжать в деревню каждые выходные. Баба Катя познакомилась с Найденовыми и сказала Сашке, что они люди хорошие, простые и приветливые.

Потом и Сашка познакомился с новыми соседями. Дядя Слава ему сразу понравился, и мальчик даже немного помогал Найдену в ремонте дома. А вот его жена Даша часто бывала грустная, и Сашке было ее немного жаль. Но, когда к ней ласкалась Леди, молодая женщина словно оттаивала и начинала улыбаться.

Зиму кое-как перезимовали. А в конце февраля случилась беда. Запой Сашкиной мамки и дяди Сережи по случаю празднования Дня защитника Отечества затянулся на целую неделю. Причем пили они на этот раз, как выразилась баба Катя, «вусмерть». Так и вышло.

Когда Сашка и Леди вернулись из школы, возле дома его встретила баба Катя и сразу увела к себе. Там она, вздыхая и тщательно подбирая слова, рассказала мальчику, что дядя Сережа в очередной раз поссорился с его мамкой и собрался уходить. А она, схватив за чем-то нож со стола, ринулась за ним, да не удержалась на ногах и упала прямо на нож.

— Это он мамку убил! — закричал Сашка, сжав кулаки. — Не верю! Не могла она! Сама...

Мальчик зашелся в горьких рыданиях, а баба Катя, глядя его по худеньким плечам, сказала, что мама была еще жива и в сознании, когда приехала «скорая». И сама все рассказала. Просила не наказывать дядю Сережу. Не знала она, что он уже сам себя наказал — сначала прибежал к соседям, попросил позвонить в больницу, а потом нашел в сарае веревку покрепче да и...

— Управился, одним словом, побоялся, что его в убийстве обвинят, — вздохнула баба Катя.

Что уж там между Сашкиной мамкой и этим мужиком на самом деле произошло, так и осталось никому не ведомым. А за мальчиком уже ближе к вечеру приехали те же тетеньки, что уже однажды были в их доме. Они хотели куда-то забрать его, но он так перепугался, что вцепился в бабу Катю мертвой хваткой. Пожилая женщина встала на колени перед работницами собеса — оставьте мальчонку у меня хотя бы до похорон, пусть с матерью по-людски простится. Тетеньки дрогнули, да еще и самая главная из них была дальней родственницей бабы Кати...

Так и прожил Сашка в соседском доме целых три дня. Спал на чистой теплой постели, ел, сколько хотел и когда хотел. Играл с Леди, готовил уроки. Только вот телевизор баба Катя не включала, объяснив это непонятным словом «траур». Вроде бы и мелочь — простая жизнь была у Сашки все эти три дня. Но она у него впервые за несколько лет была ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ. Если честно, то он даже по мамке не сильно скучал...

— А ты смог бы полюбить чужого ребенка? — спросила вдруг стоявшая у окна Даша.

— В смысле? — не понял ее Вячеслав. Он сидел на диване, читал газету.

— В том смысле, что... Может быть, мы возьмем приемного ребенка? — Голос жены дрогнул, и Вячеслав почувствовал, что ей совсем не просто дались эти слова.

Он ответил не сразу, хотя догадался, с чего это вдруг Даше пришла в голову такая мысль. Они оба были в недельном отпуске, жили здесь, в деревне. И все, что случилось у соседей, видели своими глазами. Вчера из дома бабы Кати забрали Сашку. Верную Леди пришлось закрыть в сарае, так она и его чуть в клочья не разнесла. Пришли проводить мальчика и Найденовы. В последнее время они все уже перезнакомились, а Вячеславу Сашка вообще стал добрым приятелем. И у Даши взгляд теплел, когда ребенок был рядом. Вот и надумала, видимо, она...

После долгого обсуждения Найденовы пришли, наконец, к общему решению. Простудировали Интернет и на следующее утро поехали в город, в отдел социальной защиты. Они договорились, что не будут пока ставить жестких рамок при выборе ребенка. Пусть сердце подскажет, а вернее — целых два сердца.

Сашке сказали, что его отправят в детский дом в другой город. А пока его положили в больницу — видимо, сказались все передрыги, и мальчишка, года два ничем не болевший, сильно закашлял. Все ночи, проведенные в больнице, он почти не спал. Закрывал глаза, и тут же виделись ему то мама, причем такая, как раньше — молодая, красивая и совершенно трезвая, то баба Катя с ее пышными оладьями... А больше всего он скучал по Леди. Сашка знал, что баба Катя оставила собаку у себя и никогда ее не обидит, но так без нее было грустно, что подушка к утру намокала от слез...

А в день выписки из больницы Сашка сбежал. Сделать это было не трудно — никто его за руку не держал. Приглядывали, конечно, но не так уж внимательно. Если честно, то он не собирался поступать плохо. Просто хотел еще раз увидеть бабу Катю и Леди. И дядю Славу с тетей Дашей, только они, наверное, уже уехали с дачи. Баба Катя не сможет его навещать, если его увезут в другой город — она и по деревне-то далеко не ходит, у нее сильно болят ноги. Но больше всего Сашке хотелось еще хоть разок увидеть Леди. Обнять ее, вдохнуть запах густой волнистой шерсти, подставить щеки под ее горячий шершавый язык...

В кармане, туго завязанные в носовой платок, лежали данные ему в дорогу деньги. Баба Катя постаралась. Он брать не хотел, но она силком всунула их ему в руку и велела не потерять. Сашка и не потерял, даже на ночь аккуратно пристегивал платок булавкой к краю футболки. Теперь вот пригодятся на билет до дома. А там уж — будь что будет, лишь бы еще раз с любимыми своими повидаться!

Мальчик очень спешил. В их деревню в будние дни ходил только один автобус, и Сашка на него опаздывал, поэтому прибавил ходу, а затем и вообще побежал.

Вокзал был уже недалеко. Оставалось лишь пройти по большому мосту. Сашка приостановился буквально на секунду. Перевел дух, прикинул расстояние. Спросил у какой-то девушки, сколько времени. Нет! Если через мост, то не успеет! Он повернул голову и посмотрел на реку. Это она — не такая уж и широкая — была сейчас главным препятствием... На улице уже несколько дней стояла плюсовая температура, да и вообще морозов нынешней зимой сильных не было. Сашка рос в деревне и знал, что некрепкий лед — это серьезная опасность. Но ему почему-то не было в этот момент страшно. Гораздо больше его пугало то, что он больше никогда не увидит самых своих любимых... Так же, как мамку...

...Баба Катя с тревогой потеряла левую сторону груди. Что ж ты разнылось-то, сердце? Щемит и щемит с самого утра... Да еще Леди, которую пришлось пока держать в сарае (так она рвалась удрать за Сашкой!), то скулит, то воет, как по покойнику... Она тяжело вздохнула и пошла кормить собаку. Леди, едва заслышав хруст снега под ее ногами, замолчала, приготовилась к прыжку и, как только дверь сараюшки чуть приоткрылась, бросилась на нее всей грудью и пулей вылетела во двор...

... Лед хрустнул под ногой, когда Сашке оставалось до противоположного берега всего несколько метров. Мальчик вздрогнул, невольно взмахнул руками, и в этот момент снег вокруг него начал темнеть от выступившей воды...

...Выскочившая, откуда ни возьмись, большая серая дворняга замерла на том самом ближнем берегу...

...Сначала тело обжег страх, а уже потом ледяной холод мертвой хваткой облепил его вместе с намокшей одеждой и сапожками. Сашка провалился под лед, не издав ни звука, даже не охнув, успел только подумать, что как странно ему вдруг привиделась Леди. А он-то к ней торопился...

— Слава!!! Смотри!!! — Даша закричала так истошно, что Вячеслав чуть не оглох.

— Что?..

Договорить он просто не успел. Каким-то чудом ему удалось вырваться на обочину и, включив «аварийку», припарковаться. Побелевшее, как полотно, лицо жены было повернуто в сторону реки. Вячеслав посмотрел туда и весь похолодел. Недалеко от берега в полынье барахтался человек. И в этот же миг с берега к нему устремилась большая серая собака.

В доли секунды Вячеслав выскочил из машины. Мозг, ставший вдруг каким-то чужим и жестким, резко посылал команды, и он автоматически выполнял их. Так — в багажнике есть трос. Схватил трос. Куртку надо растегнуть — если что, ее легче будет снять, даже если ее просто распахнуть, давление на хрупкий лед уже меньше. И — бегом!!

Когда он пополз навстречу полынье, собака тоже провалилась в воду. Но всем, кто стал невольным свидетелем случившегося, было хорошо видно, что она все равно пытается удержать тонущего ребенка на поверхности воды. А сам Вячеслав, поняв, что в полынье барахтается ребенок, только судорожно сглотнул и на мгновение прикрыл глаза.

Кто-то уже бежал по берегу с ярким пластиковым щитом, кто-то разматывал еще одну веревку...

Леди сорвала несколько когтей и сильно изрезала подушечки на лапах, но сумела извернуться и посмотреть в глаза своему маленькому хозяину. В ее же глазах не было ни капли страха и отчаяния, был только призыв к действию. Только бы он понял ее! Она же не умеет говорить! Лишь бы понял!!!

И Сашка понял. Он перестал барахтаться и вцепился обеими руками в собачью шерсть. Защемил даже шкуру, но сейчас было не до этого! Теперь только бы дотянуться до спасительного троса, который бросил в полынью лежащий на льду мужчина!

Весь мир замер в это мгновение...

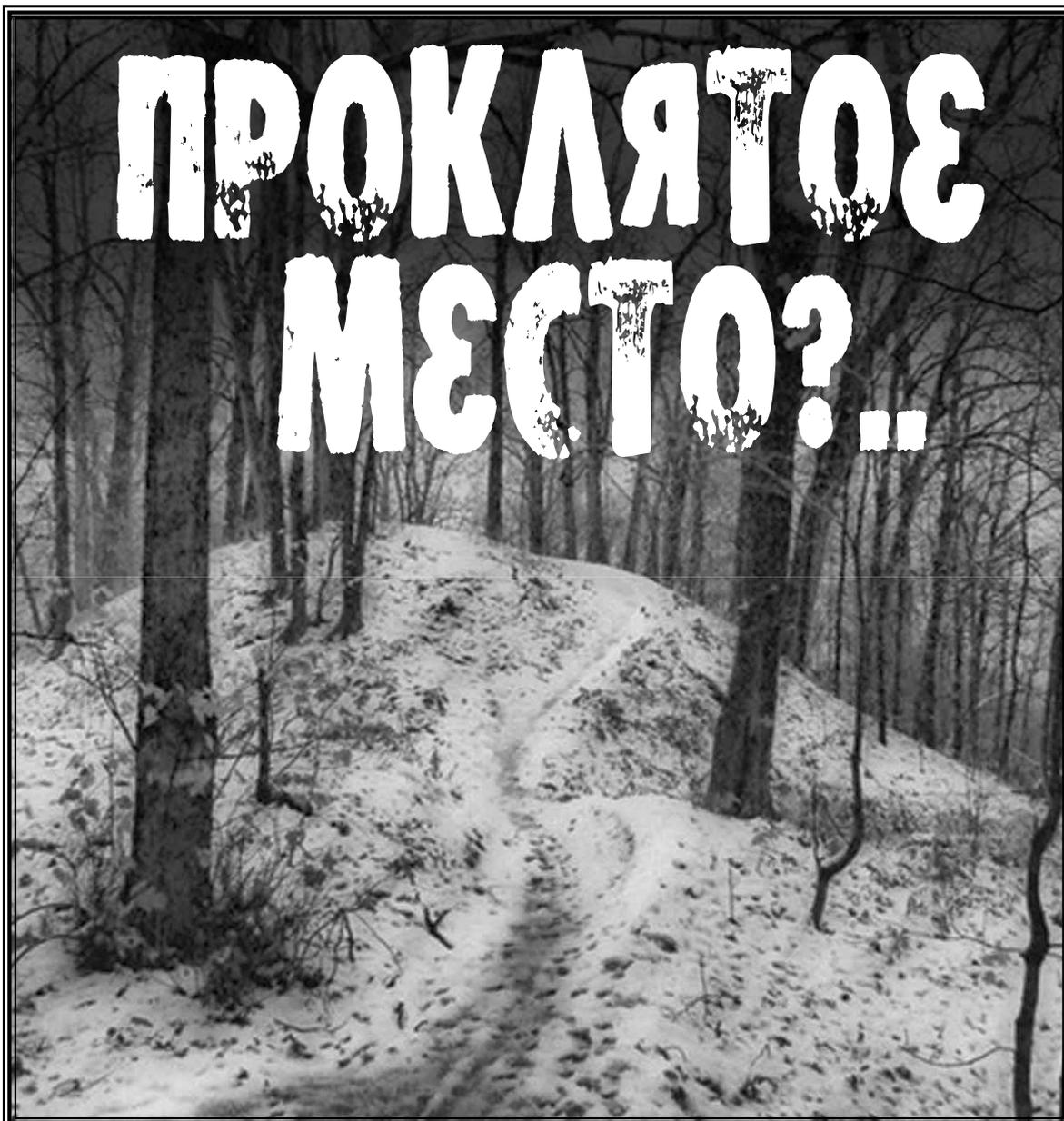
И Леди сделала это!!!

Из десен ее потекла кровь — синтетический трос резал, как бритва. Но, пока жива, Леди ни за что не выпустит его!

... Едва ступив на берег, Вячеслав скинул с себя куртку, чтобы закутать сидевшего на снегу мокрого до нитки мальчика. А тот так крепко обнимал собаку, что они казались единым целым.

У подбежавших людей перехватило горло.

Из глаз Сашки и его Леди текли крупные слезы... □

Кунцевское городище — проклятое место

На западе столицы, в излучине Москва-реки находятся овечьные стариной бывшие подмосковные деревни, вотчины и даже города. Ныне они все уже влились в состав огромного мегаполиса, став его районами. Но, тем не менее, в глубине своей исторической памяти они продолжают хранить свои тайны и загадки...

Наш путь лежит в загадочное Кунцево, одно из древнейших поселений столицы, где еще в середине позапрошлого века местные жители справляли, следуя стародавней традиции, теряющейся во мраке веков, мистические языческие ритуалы. Затем переместимся в расположенное на противоположном берегу Москва-реки не менее таинственное Хорошево, с церковью времен первого выборного русского царя. А между ними находится (вы только подумайте, почти в центре современного мегаполиса!) затерявшаяся во времени и пространстве самая что ни есть обычная... деревня. С водой из колонки, геранью на окошках уютных одно-двухэтажных деревянных домиков и брехливыми собаками на улицах. Автор этих строк сам бы ни за что не поверил, что в эпоху нанотехнологий и сверхскоростного Интернета такое возможно, если бы не убедился во всем лично. Итак... приглашаем наших читателей последовать за нами, распутывая клубок тайн и загадок столичных древностей.

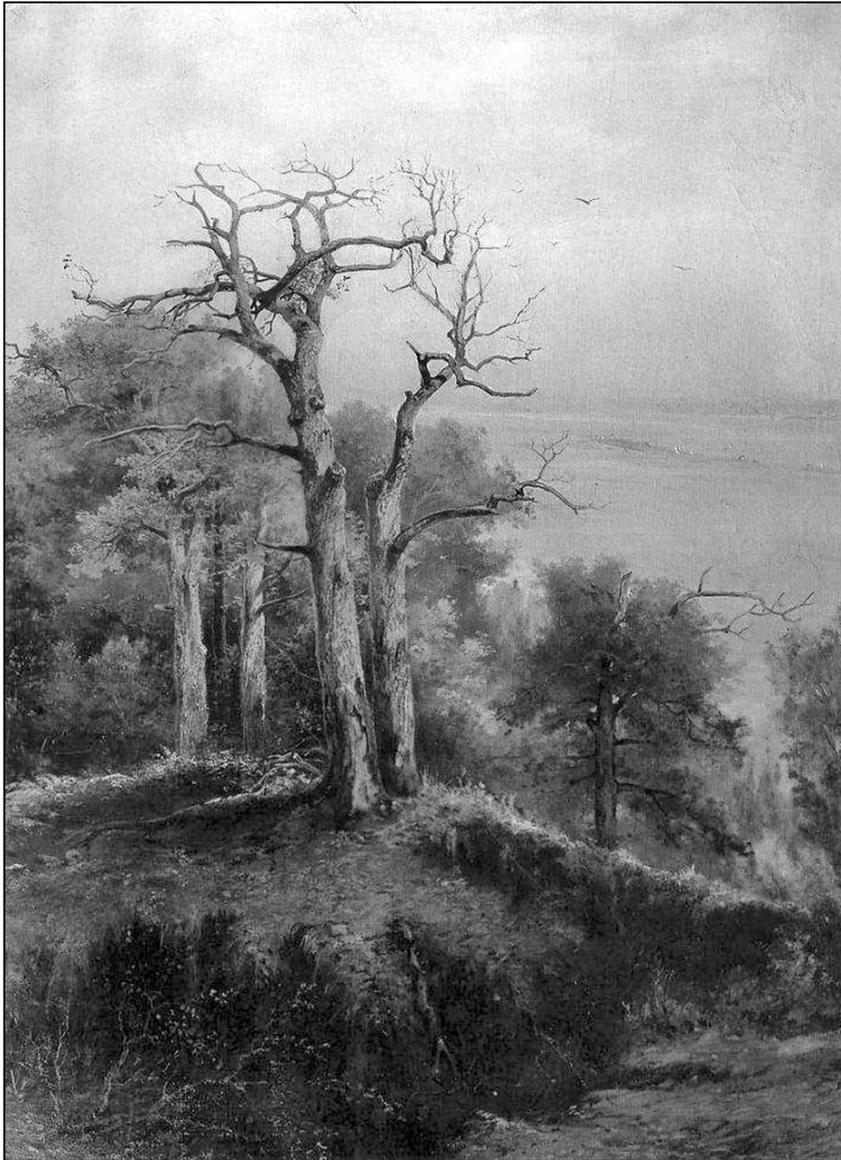
Кунцево: приют нечистой силы?!

— Да чего ж его бояться — этого места-то, бабушка?

— *Как чего, родимый? Ведь, не даром же оно слывет проклятым местом! На путном народ православный не проваливается, да еще во время обедни. Говорят, и доселе тут в ночное время иногда слышатся колокола, да голоса поющие...*

Это строки из опубликованного почти два века назад и имевшего в свое время невероятный успех романа (аж в четырех частях!) «Проклятое место». Его автор — Михаил

Ильич Воскресенский (1803–1867), ныне совершенно забытый плодовитый писатель-беллетрист. Есть и пронзительно-тоскливая, навевающая, если внимательно в нее вглядеться, какую-то неведомую (но идущую, видимо, из глубин подсознания) мрачно-готическую жуть, картина 1872 года «Осенний лес. Кунцево (Проклятое место)» Саврасова. Да, да, того самого Алексея Кондратьевича, который в зените славы вдруг по неведомым причинам невероятно быстро спился, но до конца своих дней, пока еще был способен держать раз от разу все более слабеющей и предательски дрожащей рукой кисть, все повторял в различных

*А.К. Саврасов
«Осенний лес. Кунцево
(Проклятое место)»*

вариациях свой непревзойденный шедевр «Грачи прилетели».

Итак, Кунцево. Здесь, на берегу Москва-реки, в парке Кунцево-Фили до сих пор можно встретить оплывшие и густо заросшие подлеском остатки древнего славянского городища. Окрестности Кунцева и сейчас невероятно живописны, что ж говорить о прошлых веках! Пожалуй, стоит лишь согласиться с Николаем Михайловичем Карамзиным, высказавшемся о Кунцеве как-то в духе

«нет ничего ему подобного красотой». Увы, русская Смута начала XVII века стала роковой для бытия городища — иноземные вороги в лице войск польского гетмана Жолкевского прервали многовековой ход его истории. Однако еще в середине позапрошлого столетия видный отечественный историк и археолог Иван Егорович Забелин лично засвидетельствовал очень любопытный обычай у жителей соседнего села Терехово, которое существует и поныне.

*Кунцевское
городище —
его оплывшие
и заросшие лесом
валы отлично
читаются
даже спустя
много столетий*

Внизу:

*Дуб сгорел,
но корневища его
глубоко вросли
в подножье холма,
и сохранились
до сих пор*

На Троицу сельчане подходили к берегу Москва-реки и бросали в воду загодя сплетенные венки. Забелин справедливо усмотрел в этом обычае рудименты древнего славянского языческого культа, отметив что «Кунцевское городище есть памятник глубочайшей древности, показывающий, что эта сторона была заселена с незапамятных времен, задолго до того времени, с которого мы начинаем свою историю». Историком была предложена и ориги-

нальная версия происхождения названия — Кунцево. По мнению Забелина, «куна» — это природная котловина, чаша вдоль берега реки. И действительно, Москва-река, протекая вдоль кунцевской котловины, истари делала здесь крутой изгиб.

Интересно, что вплоть до конца XIX века Кунцевское городище с округой считалось у местных жителей «проклятым местом». Масла в огонь добавляли и во множестве находимые мальчишками на берегу Москва-реки «чертовы пальцы». При желании и везении их можно найти там и сегодня. Конечно, речь идет о древних окаменелостях, белемнитах, которые суеверный люд той поры принимал за очередное доказательство связи Кунцевского городища с нечистой силой.

Вплоть до начала прошлого столетия, на высоком речном мысу, в дупле огромного, в четыре обхвата, разлапистого старого дуба

Храм Живоначальной Троицы в Хорошеве

Справа:
Деревенская идиллия Терехова на фоне небоскребов Москва-Сити

стояла огромная «баба». Именно этот чудо-великан изображен на уже упоминавшейся картине Саврасова, посвященной Кунцеву. Упоминает об этом необыкновенном дубе и лично видевший его Климент Аркадьевич Тимирязев в своей не утратившей актуальность и сегодня книге «Жизнь растений» (1878). Дуб простоял до начала прошлого века, пока не сгорел до основания прямым попаданием небесного огня.

Впрочем, была ли та «баба» древним языческим изваянием, или просто местные жители придали необычной глыбе камня мистическо-магические свойства, сейчас уже восстановить невозможно. А может, в памяти местных жителей она отождествилась с одной из половецких «баб», привезенных из южных степей России и стоявших в парке расположенной по соседству Кунцевской усадьбы? Кто знает, после револю-

ции следы этой самой таинственной кунцевской «бабы» теряются.

«Хорошее название» для царской усадьбы

Первый выборный правитель Московии, Борис Годунов, на исходе XVI столетия возвел в своей подмосковной резиденции Хорошево, что на берегу Москва-реки, великолепный храм Живоначальной Троицы, который сохранился до нашего времени и служит ярким украшением московского района Хорошево-Мневники. Архитектором храма выступил талантливый зодчий Федор Конь, тот самый, что возвел в столице стены и башни Белого города, а на западных рубежах Руси выстроил Смоленскую крепость — самую протяженную на тот период крепость России.

Вот как описывал царскую резиденцию в Хорошево побывавший

в ней в начале XVII столетия голландский путешественник и дипломат Иссак Масса в своем труде «Краткое известие о Московии»: «Среди всех домов Бориса Годунова был один весьма красивый, на расстоянии мили от Москвы, называвшийся Хорошево, что значит — красивый. И был он построен на горе у реки Москвы; здесь он часто веселился, нередко приглашая к себе иноземных докторов и других подобных людей, превосходно угощая их, и дружески обходился с ними, нисколько не умаляя своего достоинства».

Последующие правители российской державы также не обходили стороной Хорошево. Здесь бывали и любитель соколиной охоты «ти-

шайший царь» Алексей Михайлович, и его дети — царевна Софья, и будущий великий преобразователь Руси Петр I, и многие другие. Что же их так влекло в Хорошево? Только ли необычайная красота подмосковной местности с ее ароматным воздухом, зелеными, заливаемыми лугами, густыми лесами и обилием рыбы в реке? Кстати, с рыбой связана еще одна из загадок этой местности, зашифрованная в ее названии. Современное — «Мневники» хранит память о «мневе», ухе из осетров, которые в изобилии водились несколько веков назад в московских водах. Сейчас нам, из сегодняшнего XXI столетия в это не то что сложно поверить, просто невозможно даже себе пред-

ставить, что такое могло быть! Но факты, как известно, вещь упрямая, к тому же исторические хроники времен русского средневековья подтверждают правоту вышесказанного.

Возвращаясь к временам Бориса Годунова, выдвинем все же предположение, что склонный к мистике, живо интересовавшийся загадками и тайнами, первый русский выборный царь просто не мог не посетить расположенное на противоположном берегу Москва-реки, овеянное многочисленными легендами соседнее Кунцево. Тем более что в годы его правления оно процветало (в городище имелась даже каменная церковь), счастливо не ведая, что дни его существования уже сочтены на карте Истории.

Деревня посреди мегаполиса

Терехово — это, пожалуй, единственная настоящая и до сих пор еще живая деревня внутри огромного города. Еще в начале 90-х годов Мневниковскую пойму, на которой как раз и расположилось Терехово, хотели отдать под «Парк чудес», этаким российским вариантом Диснейленда. Несмотря на громадь предложенных проектов, воз, как говорится, и ныне там: в Терехове до сих пор сельская пастораль.

А еще, много десятилетий, начиная с 1937 года, в расположенное в москворецкой излучине Терехово

ходил автобус №38. Примечателен он был тем, что вплоть до 2014 года (отмены маршрута в связи с незначительностью загрузки пассажиров) сохранял неизменной одну из конечных точек своего пути следования. С исчезновением 38-го из своей жизни немногочисленные жители Терехова действительно попали в этакий «парк чудес» — вроде бы и почти в центре Первопрестольной, а в то же время на фоне их домов и образа быта не нужны никакие декорации для натуральных съемок полувековой давности...

Оказавшись в Терехове, просто диву даешься, как такое вообще возможно: сочетание несовместимого. Какая-то фантазмагория: деревенские улочки и быт середины прошлого века и тут же, в зоне видимости, суперсовременный и невероятно модный нынче, отражающийся блесками на водной глади в лучах закатного солнца, хай-тек Москва-Сити из стекла и бетона. Впрочем, это очень по-русски. Вспомним гениальные строчки нашего замечательного поэта Федора Тютчева: «Умом Россию не понять... В Россию можно только верить». Может быть, именно поэтому, несмотря на все невзгоды и заговоры, глобальные кризисы и мировые катаклизмы, наша страна (к изумлению всего «просвещенного» мира), вопреки всякой логике и прогнозам маститых ученых существовала, существует и, дай Бог, будет существовать и дальше еще очень много столетий. □

Олег Осетинский

КАК МОЯ МАМА ШЛА ДОМОЙ

Yòà èñòî ðèÿ ñëó÷èëàñü â àì ðãëà 1939 ãî äà,
â ïîðó òàé íàçûâààì íé åæî àùèí ù - òí
ãñòü ïðãàíèçîâàííû â ÑÑÑÐ ìàññîâî
ðàññòðàëèâ èíòèëëèãàíòè è ïðè-
íòîðî ÷òî íàðèííè áîððàíèëè äæè áùè
Íèèèèèè Èààííèèè: Àæèâ.

— Муся, беги! Женю взяли! — Истерически выкрикнув эту фразу, директор банка, сидящий в открытом «форде», умчался по пыльной и жаркой улице нового еще только строящегося города Магнитогорска.

Моя мама, донская казачка Мария Дмитриевна Пашкова, человек бесконечно добрый, была к тому же очень решительной женщиной. А наш отец, Евгений Михайлович Осетинский, был одним из тех людей, которые строили самый крупный в Европе сталеплавильный комбинат.

Мама Муся, немного подумав, быстро подошла к машине, в которой под присмотром шофера на заднем кожаном сиденье резвились мы — я и мой голубоглазый ангелочек годовалый братик Юрочка. Мне же, Олегу, или как тогда говорили Алику, было три года.

Бросив свертки в машину, мама села рядом с шофером, быстро и серьезно что-то ему сказала, и он, открыв рот от изумления и страха, нажал на педали. Заезжать к нам они не стали, а заехали домой к водителю. Он быстро вынес из дома легкую курточку, зонтик, легкий рюкзак, бутылку воды и пачку денег, которую отдал маме. И мы с бешеной скоростью помчались к выезду из города. Все это время мама настойчиво кормила нас всякими сладостями из пакетов.

Промчавшись около пяти километров к югу от города, мы остановились. Нас с братом вывели из машины. Шофер нас поцеловал, потом мама поцеловала его, а он смотрел на нее, и в глазах его были слезы. Мама перекрестила его и толкнула в машину. Он сел за руль и, тяжело вздохнув, нажал на педаль.

Мама решила отвезти нас к своей бабушке, которая жила в Киргизии, в городе Фрунзе. И вот мы уже стояли на шоссе втроем: мама и двое очень маленьких детей. А вокруг расстилались огромные поля, усеянные алыми маками до самого горизонта. Мимо нас проносились машины, и мама иногда поднимала руку.

Нас, конечно, подбирали — сначала огромный грузовой ЗИС, груженный кирпичами, потом хлебный фургон с веселым татаринном за рулем, затем военная «эмка» с пожилым майором, трактор, везущий картофель, небольшой автобус, набитый школьными учебниками, подвода со стариком колхозником... Нас везли то километр, то пять, то десять, то пятьдесят, кормили хлебом, вареными яйцами. А если начинался дождь, устраивали в избу дорожного инспектора, укладывали спать на полу или на кроватях. Везде нас принимали очень тепло, помогали чем могли — это все благодаря, я думаю, доброжелательной улыбке моей мамы, от которой всегда исходило тепло и благодарность. Она рассказывала людям, что ее мужа арестовали, и они сочувственно кивали, не спрашивая, за что, а когда у нас кончились деньги, совали ей рубли и объясняли, в какую сторону нам ехать, давали еду в дорогу и дарили нам с братом обувь вместо порванной.

И везде алели поля мака, десятки, сотни километров... У нас болели ноги, и маме приходилось нести Юрочку на руках, а у меня начался понос, и один милиционер довез нас до фельдшера. Мы пробыли в его деревенской больнице двое суток, а потом снова шли по пыльной узкой опасной дороге, и нас снова подвозили, давали еду и воду, спасали от дождя, от пыли и грохота, от подозрительных людей, шедших иногда за нами. Юрочка постоянно плакал, да и я тоже — от бесконечной усталости и, главное, от неверия, что мы когда-то придем домой. А мама ухитрялась с нами поиграть, отойдя от дороги на полянку, несмотря на то, что ей самой было очень тяжело — она была уверена, что отца уже расстреляли, — тогда при Ежове расстреливали мгновенно. Она еще не знала, что самого Ежова тоже расстреляли 10 апреля.

И опять мы махали руками, и нас подвозили суровые на вид, но добрые шофера, делились бутербродами, подвозили к колодцу. Мама ни разу не заплакала, поэтому мы, дети, не боялись ничего. Мы знали: если даже танк на нас наедет, наша добрая, но неприступная, когда надо, мама Муся его остановит.

А маки, сказочные весенние маки, все пели свою степную песню, и мы шли вперед, не останавливаясь. Мама всю дорогу пела и пела — она всегда пела, когда была возможность, а еще умела играть на гитаре, на домбре, и на мандолине.

И мы продолжали идти и ехать, когда нас подсаживали, обходя стороной города и поселки: Янгельский, Сытинский, Сибай, Сосновка, Ургазы, Комсомольск, Подольск, Акъяр, Новый Зиран, Новониколаевка, Писаревка, Поповка, Гай, Жосалы, Бадамша, Багетсай, Белькопа, Аральск, Байконур, Туркестан, Камышановка, Кордай.

До Фрунзе, где жила наша бабушка, оставалось немного, только пересечь реку Аламедин. Уже стали попадаться киргизы на верблюдах, один раз нас даже подвезли на повозке, в которую был впряжен верблюд. Арбузов еще не было, но нас угощали ранней клубникой и вкусными киргизскими лепешками, а маму — жареной бараниной. А еще кумысом, хотя мама и сопротивлялась.

И вот, наконец, мы въехали в город Фрунзе. Водитель, подвозивший нас, быстро нашел улицу Молотова, и мы вылезли из кабины грузовика, увидев ворота, под которыми тек ручей или арык, как сказала мама. Она стала громко стучать в ворота, а мы — громко кричать. Послышался грозный лай собак, калитка со скрежетом отворилась, и бабушка в белой косынке на голове бросилась к маме и обняла ее с криком: «Мария!»

Мы с братиком вбежали в огромный двор и, не боясь собак, сразу кинулись в сад рвать малину, красную смородину, ежевику, крыжовник.

А потом все — огромная казацкая семья Пашковых, Черныхов, Сельяновых — уселись на огромный ковер пить чай из большого самовара. Мама рассказывала, как мы шли, а бабушка говорила, что, получив от нее телеграмму о приезде, стала звонить в Магнитогорск, но там никто не отвечал, и она не знала, что думать, и плакала. Дедушка, Филипп Иванович Пашков, поднимал чарки за наш невероятный поход, и казаки стали петь казацкие песни. Но никто не знал, что сейчас с нашим отцом, и мама горько плакала на плече у бабушки. Десять дней мы отдыхали, ели фрукты, ездили на дедушкином верблюде. А через десять дней калитка неожиданно открылась, и во двор вошел наш папа, Евгений Михайлович Осетинский — бодрый, крепкий, веселый. Он прилетел в город на своем самолете. Счастьем нашей семьи не было предела.

Через какое-то время, оставив нас с братом у бабушки, мама с папой вернулись обратно в Магнитогорск.

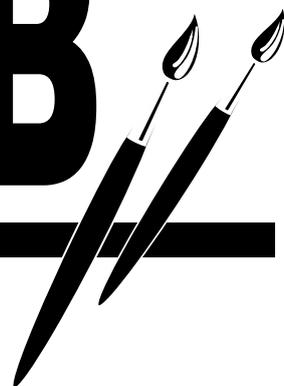
В самолете он рассказал ей, что всех арестованных при Ежове партийных работников Магнитогорска расстреляли. Папу спасло то обстоятельство, что он был в то время беспартийным, а Берия, когда стал наркомом внутренних дел вместо Ежова, из каких-то соображений освободил всех беспартийных. Папу освободили раньше других, еще десятого мая, он был хорошо знаком со Сталиным, часто играл с ним в бильярд и знал, что «вождь народов» в нем очень заинтересован как в профессионале.

Мы прожили у бабушки с дедушкой целый год, а через год началась война, и Сталин вызвал моего отца с семьей в Москву.

А дальше началась уже другая удивительная история... ▢

МОЙ Иван Переверзин

ГЛАЗУНОВ

11

Увы, но я должен был признать, что переубедить великого художника в его непростых, во многом просто не понятных отношениях с Руцким мне не удалось, тем не менее, в этот раз я пришел к своему, сразу скажу, суровому мнению неуступчивости Глазунова! На это натолкнула меня одна очень характерная черта в художнике, которая, с одной стороны, и верна, а с другой — не очень! Дело в том, что, по своей исключительной природе являясь максималистом во всем, о чем бы он ни думал, какого бы образа ни касалась его виртуозная кисть, которую можно сравнить разве что со смычком бессмертного Паганини, он должен был, как порой любил выражаться только он — умереть, не встать! — выходить исключительно лишь на

победный результат! Если вдруг этого по какой-то важной причине, виной которой он мог быть и сам, не происходило, то Глазунов духовно и физически впадал не то чтобы в горькое уныние, но в самоедство, при этом теряя всякий интерес как к неудавшемуся делу, так и к конкретному человеку, не сумевшему взять намеченную высоту!

Точно в оговоренный срок Николай Сидоров закончил пейзаж «Старый Иркутск» и по мобильному телефону сообщил мне об этом. В ближайшую субботу я уже был у него в академической мастерской и, детально рассмотрев написанное по моему заказу полотно, в общем остался доволен работой. Единственное, что меня не устраивало, так это фигура кучера, как-то неестественно и очень уж статично сидевшего в ожидании посадки путника на козлах. Тут же указал Сидорову на недопустимую небрежность и попросил ее исправить при мне. Он охотно согласился, а я, поскольку работы художнику

Продолжение. Начало в №№11–12, 2018
и №1–2, 2019

было не больше чем на час, взял и прямо от него позвонил по мобильнику в Курск Донченкову:

— Юрий Викторович! Пейзаж «Старый Иркутск» готов! Могу даже себе позволить от всей души похвастаться, что он получился удачным, ну, просто на загляденье — замечательным! И, конечно же, тороплюсь вам выразить свою глубокую благодарность за тесное содействие в моем собирательстве классической живописи для создания народного музея... Но я и понимаю, с каким нетерпением вы ожидаете возвращения дорогой вашему сердцу открытки, чтобы украсить ею свой новый краеведческий альбом! Поэтому, будьте добры, сообщите, как мне скорей и удобней для вас вернуть ее? Может, отправить по почте? Если согласны, то диктуйте адрес!

Донченко обрадовался моему неожиданному звонку, тепло со мной поздоровался, поинтересовался, буду ли я с женой и этой весной отдыхать в Карловых Варах, а насчет открытки по-деловому сказал:

— Я очень, очень рад, что ее величество Судьба так круто повернула, что наши пути, пусть вдалеке от родного дома, аж за границей, но все же пересеклись! Признаюсь, я даже удивлен, что оказался в определенной мере причастным к вашему большому делу — конкретно смог, казалось бы, старой открыткой, но сильно помочь! И в дальнейшем смело обращайтесь ко мне — посчитаю за честь еще раз оказать вам по-

сильную помощь! Но, в связи с отвратительной работой нынешней российской почты, прошу вас отказаться от ее услуг — еще неизвестно, когда отправленная вами открытка дойдет до меня, если вообще где-нибудь с концами не затеряется. Поэтому давайте поступим проще — пожалуйста, запишите номер мобильного телефона моего зятя Александра Руцкого, вот уже несколько лет из-за причин своего небольшого бизнеса проживающего вместе с семьей в Москве, — и он в любое время приедет за открыткой, куда укажете. Заодно и познакомитесь, а лучше было бы вам подружиться!

— Хорошо! Диктуйте телефон своего московского зятя! — ответил я, а пока записывал, в голове мелькнула мысль: «А зять Юрия Викторовича не состоит ли в родственных отношениях с самим Руцким?! Или просто однофамилец?» И, записав номер телефона, спросил:

— Юрий Викторович! После того как вы назвали фамилию Руцкого, меня так и распирает любопытство! Если не трудно, не развеете его?

— Что именно вас, Иван Иванович, так заинтересовало?

— Извините, но я хочу прояснить — не является ли ваш, надеюсь, любимый зять каким-нибудь родственником известного вице-президента?

— Является! И по прямой линии он — сын Александра Руцкого!

— Значит, Александр Александрович?!

— Точно так!

— Да, ничего не скажешь, мир действительно тесен! Еще раз вам, Юрий Викторович, огромное спасибо за открытку! И — всего доброго!

— И вам не хворать, Иван Иванович!

Не откладывая в долгий ящик исполнение своего обещания, я вскоре созвонился с сыном Руцкого и договорился, что за открыткой он придет ко мне на работу в грядущий понедельник, прямо с утра пораньше, чтобы не срывать намеченные планы.

В точно условленное время секретарь по внутренней связи доложила, что в приемной находится некто Руцкой и просит его немедленно принять по очень важному вопросу, суть которого он может раскрыть только вам лично!

— Я вас, Наталья Васильевна, понял! Проводите, пожалуйста, гостя ко мне и попросите помощника угостить нас крепким индийским чаем!

— Хорошо!

Не дожидаясь, когда гость войдет в кабинет, я встал из-за стола и направился к дверям. Увидев меня, он остановился на пороге, приветливо и белозубо улыбаясь, ну, как две капли воды похожий на отца. Такие же густые темные волосы, вьющиеся, умеренно постриженные и зачесанные назад; чуть суженные, то ли от природы, то ли от яркого солнца, проникавшего через не зашторенное окно, карие глаза искрились доброжелательным светом. На стройной,

спортивной, довольно высокой и плечистой фигуре, как влитой, сидел строгий черный костюм, но без галстука — воротник светлой рубашки был свободно расстегнут. По-мужски поздоровавшись с ним за руку, я пригласил его к столу совещаний, где мы и сели напротив друг друга и сразу же, не дожидаясь чая, стали разговаривать, свободно и непринужденно, как будто не с его тестем я был столько лет знаком, а с ним!

Дав гостю возможность ответить на мои немногие вопросы, касавшиеся исключительно его московской суматошной работы, и, конечно, в том же плане выслушать себя, любимого, я, наконец, перешел к делу, очень для меня щепетильному, но еще больше важному, поскольку я все время помнил желание Ильи Сергеевича купить колесниковский, написанный еще до революции-переворота, пейзаж — и, передавая открытку для отца, аккуратно вложенную в целлофановый файл, спросил:

— Александр Александрович, а вам отец, случайно, не говорил, что он позировал самому Илье Сергеевичу Глазунову?

— Речь идет об известном портретисте, Иван Иванович?

— О нем!

— Нет, не говорил!

— Но так знайте, что не только, как я думаю, перед самыми октябрьскими событиями с танковым расстрелом здания Думы, позировал, но и в результате этого великий ма-

стер написал его прекрасный портрет, который я совсем недавно видел точно так, как сейчас вижу вас!

— И где же видели?

— У художника дома, вернее, в мастерской! — ответил я и облегченно выдохнул, ибо считал первую часть своей так называемой доброй миссии вполне выполненной.

И увидел, как васильковые, открытые настежь глаза на молодом, с легким белесым пушком, лице Александра Александровича загорелись радостным светом, но, к сожалению, пока мне не до конца понятным — просто, ради любопытства, ознакомиться с написанным портретом или быть готовым завести разговор о возможности его покупки. Но сын Руцкого тут же все и объяснил:

— У моего отца вот-вот юбилей! И, конечно, лучшего подарка, чем его портрет кисти самого гениального Ильи Сергеевича, мне придумать трудно! Я был бы очень признателен вам, Иван Иванович, если бы вы как можно быстрее смогли устроить мою с Глазуновым встречу!

Помня о чрезмерно охладевшем отношении великого художника к бывшему вице-президенту России, я предусмотрительно пояснил:

— Александр Александрович! Ради такого исключительно важного события и для вашего отца, и для вас лично, я, конечно, непременно поспособствую вашей встрече по вопросу приобретения портрета отца, более того, сделаю это с большим удовольстви-

ем, но продаст ли Глазунов портрет, гарантировать не могу — тут, как говорится, хозяин — барин!

Сказал, а сам подумал: «Да быть не может, чтобы Илья Сергеевич, так сказать, на сторону не продал своей работы! Во-первых, и деньги для покупки пейзажа Колесникова позарез нужны, во-вторых, ну, в самом деле, нет никакого смысла свою же работу, отнявшую столько времени и сил, предавать забвению только из-за того, что человек, из-за причин от него не зависевших, не оправдал твоих надежд, пусть и великих!..»

Сын Руцкого, словно прочитав мои мысли, бросил на меня взгляд, откровенно исполненный чуть ли не мольбой:

— Иван Иванович! Мы же с вами, как мне кажется, реалисты! И значит, опираясь на весь мировой финансово-экономический опыт, должны понимать, что всегда решение любого вопроса, в конце концов, определяли деньги, вернее, крайняя потребность в них! Исходя из этого, надо признать, что в настоящее время эти презренные казенные бумажки, особенно в американской валюте, к сожалению, вообще вышли на первый план!

— Согласен, ибо, пусть и с глубочайшим сожалением, это действительно так! Тем не менее, я должен вас, Александр Александрович, предупредить и о том, что свои работы, как и положено делать всемирно признанному мастеру, Глазунов ценит очень высоко! Будьте готовы

выложить за отцовский портрет, может, даже и сто тысяч американских долларов!

Услышав названную сумму, благодарный сын Руцкого на некоторое время хмуро и глубоко задумался. Но по тому, с каким жаром он ухватился за возможность преподнести отцу в дар невероятный подарок, я понял, что его терзает не мысль — брать или не брать портрет, а другая — где взять такое огромное количество денег! Наконец Александр Александрович решительно поднял на меня взгляд:

— Не думаю, что Глазунов запросит какую-нибудь заоблачную сумму, тем более в долларах, ведь, по сути, я не крупный заказчик, а всего-навсего обычный покупатель одной единственной работы! Тем более что ему от нее, хранящейся где-то в подвале, причем с неизвестной перспективой использования ее хоть с какой-то выгодой, пока что одни убытки!

— Прямо скажу, рассуждаете-то вы верно! Но никогда в таких затянувшихся по времени хлопотных случаях нельзя забывать о пресловутом принципе, которому свойственно меняться — и какие мысли в настоящее время правят Глазуновым, только ему одному да Господу известно!

— Но кто может запретить мне с вашей помощью попытаться счастья в приобретении отцовского портрета? Никто, если, конечно, вы вдруг не откажетесь посодействовать в столь благородном поступке!

— Вот и ладно! — ответил я и тут же созвонился с художником: — Илья Сергеевич, здравствуйте!

— Здравствуйте! А кто это мне звонит, всеми забытому, оставленному один на один со своими многочисленными проблемами?

— Дорогой мастер, ну как же вы не узнали самого пылкого и верного почитателя вашего огромного таланта!

— Иван Иванович, это вы?!

— Ну, конечно же, я!

— Простите, что сразу и не узнал вас по голосу! Но так скверно могло случиться только из-за того, что вы и в самом деле очень долго меня не навещали. А мне так не хватает общения с вами! Но, как говорится оставим в этот раз лирику, сразу перейдем к прозе — чем обязан?

— Верьте не верьте, но я, пусть случайно, но нашел покупателя портрета Руцкого вашей кисти! Он готов хоть завтра встретиться с вами и по-деловому обговорить условия сделки. Можно, я дам ваш мобильный телефон покупателю, чтобы он мог с вами оговорить место встречи? Ему ведь, сами должны понимать, на портрет надо взглянуть!

— Иван Иванович, странный вы человек, то, словно сильно рассердившись на меня, больше месяца глаз не кажите, то вдруг, как единственный спаситель, появляетесь и непросто, а с уже готовым предложением, как мне выбраться из чертового безденежья! Ну, да ладно! А ваш протекте, если не секрет государственной важности, то что это за

добропорядочный человек, изъявивший желание приобрести чужой портрет?

— Ну, во-первых, не чужой, а, во-вторых, уже потому хороший, что является родным сыном небезызвестного вам Руцкого!

В телефонной трубке воцарилось молчание столь продолжительное, что я, не выдержав ожидания, вынужден был громко спросить:

— Алло! Алло! Илья Сергеевич, вы меня слышите?

— Слышу, Иван Иванович! Но ответьте мне на один вопрос: вы действительно можете поручиться за сына Руцкого?

— Признаюсь честно, не могу, поскольку только сегодня встретился с ним, и то совсем по другому делу, хотя в некоторой степени через его тестя, коллекционера старых, еще императорских времен почтовых открыток, имеющего отношение к живописи, вернее к тому пейзажу, который я по вашей просьбе заказал Николаю Сидорову!

— Вон как все непросто! Но тем и лучше, ибо, как вы сами знаете, не люблю на бегу решать даже самые незначительные вопросы! В общем, я согласен встретиться! Сыну Руцкого номер телефона дайте мобильный, но не говорите, что я вот так, сходу готов продать портрет, хоть и его отца! К тому же портрет еще надо одеть в стоящий багет!

— Понял!

— До свидания!

— До свидания, Илья Сергеевич!

Неделю спустя ко мне на работу приехал Александр Александрович, сын Руцкого, с бутылкой дорогого коньяка в подарочной упаковке:

— Иван Иванович! Хочу отблагодарить вас за то участие, которое вы проявили в приобретении мной у великого Глазунова портрета отца. Если бы видели, как он обрадовался моему подарку! У него от неожиданности даже на глазах выступили слезы! — и поставил на стол коньяк.

Я был очень занят, поэтому только поблагодарил Александра и на прощание крепко пожал ему руку:

— Александр Александрович! Как замечательно, когда все хорошо заканчивается! Нам с вами удалось не просто порадовать вашего отца, но и заполнить смыслом еще, пусть небольшую, но духовную пустоту! Да поможет нам Бог и дальше жить участливо, то есть — по совести!

После неожиданных, но оттого не менее интересных событий, связанных с приобретением портрета Руцкого, я несколько раз встречался с Ильей Сергеевичем, но он, к моему недоумению, не только даже словом не обмолвился о выгодно проданной с моей помощью своей работы, но не сказал мне простого, но порой такого важного в человеческих отношениях слова, как «спасибо»! Или хотя бы по-мужски благодарно пожал руку, мол, ты настоящий товарищ... Не скажу, что это сильно меня расстроило, но неожиданно навело на вопросительную мысль: «Неужели Илья Сергеевич специ-

ально сделал вид, словно никакой, чуть ли не детективной истории, непосредственно связанной с продажей залежавшегося портрета Руцкого, не было, из-за мелочной боязни, что я попрошу у него оплату процентов за посреднические услуги, как это, по его же словам, произошло, когда он по доброй воле или по требованию Геннадия Михайловича вынужден был отдать ему соответствующий процент за пейзаж, который я с превеликой радостью купил у художника в первый день нашего счастливого знакомства?!» И я тут же сам себе ответил: «Чушь, причем, самая несусветная!» Отогнав мрачные мысли на самые дальние задворки, увы, ничего до конца не забывающей памяти, я все равно был рад, что в совсем не простую минуту смог подставить свое твердое плечо великому мастеру живописи!

12

Два раза в год: поздней, насквозь промозглой осенью и ранней солнечной весной — в Москве, в Центральном доме художников, расположенном в ста шагах от знаменитого Крымского моста, происходит, с торжественным открытием и с не менее торжественным закрытием при огромном стечении разношерстной художественной публики и просто людей, ради любопытства тратящих драгоценное время хоть на что-нибудь поглазеть, очередной антикварный всероссийский салон. Хотя,

в основном, он представляется московскими и Санкт-Петербургскими любителями, а точнее, профессионалами антикварных дел. На всех трех этажах огромного здания на период работы салона скапливается такое количество старых работ, что при осмотре их глаза знатоков лихорадочно горят, сердце гулко, как пойманный в силки воробышек, трепещет. А как иначе, когда перед тобой выставлены напоказ тщательно отреставрированные, начищенные до солнечного или лунного блеска удивительные изделия из золота, серебра, жемчуга, разнообразные фарфоровые, живописные работы мастеров, как российских, так и европейских. Все огромные площади Центрального дома художников разбиты на множество палаток, в которых каждый антикварный магазин выставляет на продажу самые лучшие из старинных работ, которые имеются в наличии. Ни для кого не является секретом, что в рыночном мире антиквариата широко распространено, я бы даже сказал, поставлено на поток производство фальшивых работ, особенно прославленных мастеров прошлого. К примеру, известно, что Иван Айвазовский за всю долгую творческую жизнь написал вместе с этюдами около шести тысяч живописных работ, а на антикварном рынке всего мира ежегодно находится в обращении свыше тридцати тысяч! И поди разбери, какая из работ великого художника настоящая, а какая — фальшивая,

ведь на каждую продающуюся работу у продавца есть самые авторитетные заключения о ее бесспорной подлинности! И как же наше любимое отечество, имея все необходимые контрольные, исследовательские и судебные службы, борется с нарушением закона? Можно со всей ответственностью, не боясь быть пойманным на гнусной лжи, ответить, что почти никак. Правда, к каждому открытию салона под приглядом Министерства культуры печатается шикарный цветной каталог подлинных работ, выставляемых на продажу. Но сколько репродукций живописи, скульптуры, прикладного искусства можно напечатать в одном, пусть и толстом альбоме? Пятьсот, шестьсот, может, даже тысячу — но не больше! А, между тем, на каждом салоне антикварами выставляется в несколько сот раз больше! Так что стать обладателем за бешеные деньги старинной или даже древней вещи, которая, являясь искусной подделкой, на самом деле гроша ломаного не стоит, можно запросто! Но кто же эти важные заключения, свидетельствующие о подлинности работ, как бы хладнокровно выдает? Все те же наши специалисты, работающие в самых больших музеях России в качестве научных работников, искусствоведов и получающие на это у государства соответствующие лицензии. Нетрудно посчитать, какие огромные суммы, с молчаливого согласия правительства, крутятся и укрываются от упла-

ты налогов на антикварном рынке. Да что считать, можно навскидку сказать — это миллиарды и миллиарды полновесных рублей, с которых ни единой копейки в качестве налога не идет в государственную казну, как известно, не очень-то богатую!

В свое время, по примеру знаменитого Павла Третьякова дав себе твердое слово приобретать для собрания живописи исключительно классические произведения современных мастеров кисти, я, ради удовлетворения художественного любопытства и просто для того, чтобы потолкаться по узким коридорам между многочисленных палаток, все же спустился на первый этаж, не занятый экспозициями предметов старины, чтобы там в спокойной дружеской обстановке поговорить со знакомыми продавцами картин о новостях живописного рынка, а у самых добропорядочных даже и купить картины, так сказать, на веру, что они подлинные. Самому же выйти непосредственно на мастеров я не мог себе позволить по нескольким причинам! Первая, самая важная, — мне никак не хотелось отбирать не такой уж и большой заработок у торговцев, людей большей частью порядочных. Вторая, менее значимая, зато более хлопотная для меня, заключалась в том, что знакомые художники, как правило, жили не в столице, а где-то в московской области, да и не в ней одной. При моей бешеной общественной и творческой занятости посещать

еще и их — было бы слишком большой роскошью... А вот третья причина, как сегодня говорят, являлась чисто виртуальной: когда не знаешь художника и не бываешь у него непосредственно в мастерской, то почему-то навязчиво кажется, что свои лучшие работы он еще только собирается написать! Но для этого ему надо напрочь, как это порой ни тяжело, порвать все связи с перекупщиками и, как монах в церковной келье, до конца дней своих покорно уединиться в мастерской, а если широко общаться, то только с природой, в ней одной находя ответы на многие философские вопросы и, как из глубинного колодца, черпая вдохновение и силы...

В общем, определенная необходимость для еще большего расширения своего художественного кругозора у меня по случаю оказывалась два раза в год при посещении знаменитого всероссийского салона. Естественно, без каких-либо намерений вообще что-нибудь из антиквариата приобрести, как бы он меня порой, прямо скажу, до глубины души ни волновал. Да и разве можно покупать второсортные, а то и третьесортные работы того же славного девятнадцатого века, когда в свое время самые лучшие были для своих музеев приобретены императором Александром II и незабвенным Павлом Третьяковым, в основном на известных столичных выставках художников-передвижников, ежегодно широко проходивших в север-

ной Пальмире и собиравших многие тысячи любителей прекрасного со всей неоглядной матушки-России. Эти работы вот уже больше двух столетий являются нашей национальной культурной гордостью, достойно представленные на обозрение всех любителей прекрасного, в том числе и зарубежных, в Русском музее в Санкт-Петербурге и в знаменитой Третьяковке в столице.

Ныне все продавцы в салоне выглядят на один манер: мужчины — строго в черных костюмах, белых рубашках, воротнички которых скрепляют эффектно сияющие серебряной пудрой матерчатые бабочки, женщины, как правило, симпатичные, молодых лет, — в темных коротковатых юбочках и ослепительно белых, гладко выглаженных накрахмаленных рубашках с расстегнутой верхней пуговицей. Поскольку потенциальных покупателей немного, то свободное время продавцы проводят за разговорами между собой, попивая дорогой, как правило, французский, коньяк под бутерброды с черной икрой, большей частью из Астрахани. Но стоит тебе на несколько секунд задержать пристальный, как бы изучающий взгляд на какой-нибудь с виду интересной работе, как кто-то из них тут же с обвораживающей улыбкой подходит к тебе:

— Уважаемый господин, может, вам что-нибудь подсказать? Не стесняйтесь, спрашивайте — мы всегда готовы вам услужить.

— Спасибо, спасибо! Пока мне все понятно, но если будут вопросы, то я, конечно же, обращусь к вам! — так же любезно отвечаешь на предложенные услуги и стараешься как можно быстрее пройти дальше.

Из своих, скажу так, обзорных посещений салона я сделал вывод, что торговля-то у антикваров идет не слишком уж бойко. Редко какой отчаянный, хотя и очень богатый, «новый русский» решается на покупку сомнительных, пусть и выглядящих, как новенькие, старинных вещей. Да и цены на них, как сговорившись между собой, все продавцы антиквариата на время работы салона поднимают до таких космических высот, что от удивления только языком прищелкиваешь да головой качаешь. Поэтому мой хороший знакомый, художник Божьей милостью, Дмитрий Слепушкин, словно по совету своего великого учителя Глазунова, подсевший, слава Богу, не основательно на старинные вещи, посещает салон в самом конце его работы только для того, чтобы узнать, какому антикварному магазину принадлежит понравившаяся ему работа, а большей частью его интересует мебель и оружие Отечественной войны 1812 года. После закрытия салона он приходит к владельцу — и уже там, с глазу на глаз, основательно поторговавшись с продавцом, по умеренной и доступной для него цене приобретает приглянувшуюся ту или другую подлинную работу.

Как-то вечером вдруг раздался звонок моего мобильного телефона:

— Иван Иванович, здравствуйте! Это забытый вами Илья Глазунов беспокоит! — услышал я знакомый слегка хрипловатый голос.

— Здравствуйтесь, дорогой Илья Сергеевич! Как же я могу посметь хоть на день-другой забыть о вас! Просто вконец замотался с многочисленными судами всех уровней — от районного до Верховного! — увы, до сих пор никак не прекращающимися, на которых неумоимо стараюсь защитить от хищнического растаскивания некоторыми писателями от литературы, у которых, к великому сожалению, как с настоящим творчеством, так не совсем в порядке и с совестью и человеческою моралью, я уже не говорю о чести, — грустно оправдываюсь я и живо спрашиваю: — А как у вас дела? Наверное, написали за время моего непосещения вашей мастерской уйму новых прекрасных работ?

— Уйму, не уйму, но действительно, несмотря на свою занятость в Академии и в музее моего имени, слава Богу, наконец-то, открывшего свои двери для любителей живописи, кое-что действительно сотворил. А сейчас я вам, Иван Иванович, звоню вот с каким философским вопросом: «Нет ли у вас желания убедиться, какие мы с вами нищие?»

Не сразу поняв сути заданного вопроса, я тотчас в душе, как хорошо закаленная пружина, напрягся, ведь можно было запросто посчи-

тать, что Глазунов решил меня подружески невинно разыграть. «Да, в общем, не должен, за ним, сколько его знаю, такие вещи не водятся..» — всерьез подумал я, тем не менее, решить ответить неопределенно:

— Илья Сергеевич! Конечно, в отношении вашего материального положения я ничего сказать не могу, да и не имею никакого права. А вот в отношении себя справедливо считаю, что живу неплохо: во-первых, имею надежную крышу над головой, во-вторых, — пусть старую, но надежную машину шведского производства, прекрасную библиотеку, естественно, ни в какое сравнение не идущую с вашей, но которую вот уже целых пятьдесят лет страстно собираю.

— И все-таки, Иван Иванович, извините меня, но я, хоть и не был у вас дома в гостях, должен начистоту сказать, что вы — почти нищий человек, как, впрочем, и я! — не унимался Илья Сергеевич.

Так и не сообразив до конца, о какой такой нищете, заслуживающей сожаления, убеждает меня мой старый товарищ, я, наконец, сдался и произнес:

— Хорошо! Согласен убедиться в своей, если вам угодно, нищете! Но что для этого от меня требуется?

— Только одно, Иван Иванович, завтра к двенадцати дня приехать к Центральному дому художников, который, как вам известно, находится за Крымским мостом. Там на парадной лестнице и встретимся. Да,

чуть не забыл — пригласите с собой свою прелестную супругу.

— Договорились! Завтра в назначенное время вместе с женой, как штык, буду! — без какого-либо энтузиазма, просто из чувства уважения к великому художнику и патриоту земли русской пообещал я.

Выключив телефон, посмотрел на календарь — и вспомнил, что завтра открывается очередной всероссийский антикварный салон. «Вот тоже мне, невидаль!» — подумал я сердито, поскольку в то время мог заниматься своим профессиональным писательским делом только по выходным! Но данное другу слово надо, хоть плачь, хоть криком кричи, во чтобы то ни стало выполнять. И на следующий день мы с женой, заранее подъехав к Дому художников, поднялись, не спеша и высматривая в толпе Глазунова, на верхнюю площадку лестницы. Но так и не найдя его, решили, что он еще не приехал, и, купив в уличной кассе входные билеты, стали дальше поджидать художника. Он, к счастью, — ибо на улице было очень сыро и по-октябрьски знобко и ветрено, — долго ждать себя не заставил. Ровно в двенадцать часов — минута в минуту! — к крыльцу с шиком подъехал знакомый серебристый «мерседес», и из него, как всегда с иголки одетый, в этот раз в черное демисезонное импортное пальто и, конечно, без шапки, но с перекинутым через плечо белоснежным шарфиком, вышел Илья Сергеевич, почтительно

сопровожаемый Инной Дмитриев-ной. Тепло, как давно знающие друг друга люди, трехкратно облобызавшись, прошли в огромное здание, разделись. Илья Сергеевич, уже причесываясь у продольного зеркала, висевшего на одной из несущих квадратных, отделанных под мрамор колонн, строго спросил супругу:

— Гардеробщице на чай дала?

— Конечно, дала, — кивнула она.

Я, случайно видевший, что она действительно, получая номерки, передала пожилой женщине, бедно одетой в вязаную кофточку и черную мятую юбку, целую тысячу рублей, готов был подтвердить, но вовремя сдержался, хотя излишний надзор за Инной Дмитриевной меня расстроил!

И мы все вчетвером дружно поднялись сразу на второй этаж, где располагался самый центр салона. По узкому длинному коридору, образовавшемуся из-за буквально прижатых друг к другу антикварных палаток, начали протискиваться через узкую толпу таких же, как мы, ротозеев, в глубь помещения. И тут я не без удивления отметил, что практически каждый продавец хорошо знает Илью Сергеевича и горячо его приветствует. А он, не оставаясь в долгу, всем им, благостно улыбаясь, жеманно пожимает руку, как бы заботливо спрашивает, как идут дела, и обязательно — по какой цене продается приглянувшаяся его взгляду работа. В ответ, конечно, ничуть не смущаясь даже перед ним, называют и для денежного человека умо-

помрачительную цену. Тем не менее художник оставался невозмутимым и шел дальше, пока не остановился у лавки антикварных изделий из бронзы, в отличие от других находящихся под толстым стеклом. Показав рукой на массивную античную фигуру с мастерски вмонтированными в нее часами, сверкающую золотом в лучах электрической подсветки, спросил, к какому периоду изготовления эта замечательная вещь относится. Ему не только вежливо назвали, если мне не изменяет память, то ли семнадцатый век, то ли восемнадцатый, но и поставили перед ним на прилавок, чтобы можно было получше разглядеть. Илья Сергеевич и в этот раз остался таким же невозмутимым, но сказал: «Это надо же, как вы начистили бронзу! Молодцы, товар надо уметь представлять! — Потом повернулся ко мне и прошептал на ухо: — Максимум, неделю назад отлили! X-мы...» И все же, видимо, для того, чтобы не обидеть продавца, всерьез поинтересовался ценой бронзовой фигуры. Ему и здесь, как само собой разумеющееся, назвали астрономическую сумму. Но он не растерялся и на полном серьезе произнес: «Да, действительно, вещь ценная, а красивая какая — умереть, не встать!»

За все время нашего посещения салона единственная палатка, где Илья Сергеевич не интересовался ценами, была одна, в которой продавались его давнишние и не совсем работы. Почему? До сих пор вновь

и вновь задаю себе этот вопрос, но ответа на него найти не могу... В общем, беглый осмотр палаток продолжался. Наши дорогие, симпатичные терпеливые, милые дамы, как привязанные, следовали за нами, тихонечко разговаривая между собой о чем-то своем, женском.

Наконец мы вошли в угловую просторную палатку, ярко освещенную верхним светом. Увидев Илью Сергеевича, из-за лакированного с фигурными ножками и круглой столешницей низкого столика вскочила молодая, симпатичная женщина и с широко распростертыми руками быстрыми, мелкими шажками направилась к дорогому гостю! Троекратно поцеловавшись с Глазуновым, она схватила своими изящными, тонкими руками его руку и, не отпуская ее, подобострастно заговорила:

— Дорогой Илья Сергеевич! Ваш петербургский заказ полностью выполнен. — И, показав рукой на упакованные на совесть, видимо, какие-то живописные работы, вежливо и с чувством выполненного обещания продолжила: — Вот они, все три, как вы и просили! Можете забирать!

Глазунов тепло поблагодарил женщину за оказанную услугу, которая, судя по его искрящимся добрым светом довольным глазам, являлась для него очень важной, и между ними завязался какой-то только им понятный дружеский оживленный разговор. Чтобы не терять время даром, я стал с видом знатока рассматривать развешенные по стенам в до-

рогих рамах под стеклом старинные гравюры. Одна из них, мастерски выполненная каким-то известным западным художником, мне с первого взгляда понравилась, но не до такой степени, чтобы всерьез задаться вопросом ее приобретения. И все-таки я невольно остановился перед ней и стал внимательно, во всех деталях, разглядывать ее, словно хотел найти какие-нибудь недоработки. Сразу скажу, что передо мной висела подлинная работа, можно даже сказать — шедевр! На ней были мастерски изображены первые каменные улицы Санкт-Петербурга времен Петра I с весело гуляющими по Невскому проспекту влюбленными парочками из высшего общества, по многоводной Неве плыли в обоих направлениях большие весельные лодки, чем-то напоминающие поморские ладьи, наполненные разношерстной публикой, видать, страстно охочей до речных воскресных прогулок. В куполообразном безоблачном, светло-синем небе ярко горело полуденное солнце, озаряя остроконечные шпили Адмиралтейства и Петропавловской крепости прицельно, словно лезвия длинных и узких шпаг.

Мой неприкрыто живой интерес к гравюре, вернее, к действиям, мастерски выписанным на ней, не остался незамеченным востроглазой хозяйкой палатки. Она, любезно извинившись перед Ильей Сергеевичем, неожиданно порхнула ко мне:

- Нравится?
- Признаюсь, очень!
- Так покупайте!

— А что, может быть, и впрямь решусь на замечательное приобретение в подарок любимой дочери, она как раз со своим дружным семейством переезжают в новую квартиру. Но для начала назовите настоящую цену и, пожалуйста, не жадничайте! — зная, что ни в коем случае гравюру не приобрету, полушутливым тоном вдруг сказал я и тут же мысленно себя одернул: «Смотри, не заиграйся!..»

Илья Сергеевич, как мне стало совершенно ясно, что салон он посетил только ради того, чтобы забрать выгодно купленные им еще в Санкт-Петербурге у знакомых продавцов антикварные вещички, видимо, куда-то сильно опаздывал и, подходя к нам, произнес:

— Иван Иванович! Если работа понравилась, то обязательно ее купите. Не пожалеете — она действительно подлинна. Ну а насчет цены, думаю, вы договоритесь. — Пожелав нам удачи, он попрощался и, сопровождаемый Инной Дмитриевной, направился напрямик к центральному выходу.

Проводив его с женой долгим взглядом, я, честно говоря, впал в некоторую растерянность по нескольким причинам. Во-первых, зачем надо было меня, да еще с супругой, приглашать туда, где он сам и не думал долго находиться, тем более приобретать что-нибудь из любимого

им антиквариата? Во-вторых, с чего ради предлагать приобрести работу восемнадцатого века, пусть и очень хорошую, если известно, что я покупаю исключительно только живопись современников? Но, вскоре придя в себя, я вдохновенно решил: «Играть так играть!» — и на полном серьезе обратился к продавщице, напряженно продолжавшей стоять рядом:

— А вы мне так и не назвали цену гравюры.

— Простите, пожалуйста! Сто пятьдесят тысяч! — не моргнув глазом, проговорила она.

— Рублей? — съязвил я.

— Каких рублей?! Долларов, конечно!

— А торг уместен? — не унимался я.

— Если в разумных пределах, то — конечно!

— В таком случае цена в сто тысяч меня бы устроила!

— Извините, а как вас по имени-отчеству?

— Иван Иванович!

— Знаете, Иван Иванович, к сожалению, собственник этой работы на некоторое время отошел. Вы не могли бы немного подождать?

— Извините, но ждать здесь в такой духоте, тем более с женой, я не буду. — Тут я посмотрел на часы — они показывали без пятнадцати минут час дня — и воскликнул: — Так и есть — время давно обеденное! Пока собственник занимается своими неотложными делами, мы, пожалуй, подкрепим свои силы, в такой

карусельной суматохе изрядно поистратившиеся.

И, не прощаясь, взял под руку недоумевающую супругу, и мы с ней спустились на первый этаж в японский ресторан. Но даже не успели сделать заказ официантке, конечно, казашке или киргизке, но никак не японке, за которую она себя и не утруждала выдавать, как продавщица гравюр, словно из-под земли, выросла перед нами:

— Уважаемый Иван Иванович! С собственником я уже обстоятельно переговорила — он с вашими условиями согласен! Но только потому, что, как я успела заметить, вы находитесь с дорогим Ильей Сергеевичем в дружеских отношениях! — И, замолчав, выжидающе посмотрела на меня светло-зелеными круглыми глазами через толстые линзы очков в коричневой оправе.

Немного подумав, словно окончательно решая для себя, приобретать мне или нет понравившуюся гравюру, я спокойным голосом ответил:

— Передайте, пожалуйста, уважаемому собственнику гравюры, что я решил и в этот раз остаться верен за многие и многие годы сполна устоявшейся и никогда меня не подводившей привычке приобретать особо ценные работы только после нескольких просмотров. Салон, слава Богу, в этот раз будет работать целых две недели, и за это время я постараюсь побывать здесь не раз. Когда мое мнение по стоимости полностью сформируется, я незамед-

лительно дам вам окончательный ответ. Надеюсь, вы меня правильно поймете, поскольку вещь, особенно приобретенная за достаточно большие деньги, должна при любом состоянии духа бесконечно радовать и радовать глаз!

— Иван Иванович, я с вами совершенно согласна! Но, как я поняла по прежним словам, вы уже вроде решились на покупку?

— Извините, но вам это показалось! До встречи!..

Едва продавщица дорогущей стариной, покачивая плотно обтянутыми черной юбкой бедрами, отошла на значительное расстояние, как жена набросилась на меня:

— Ваня, ты все это время шутил или говорил серьезно? Если шутил, то зачем тебе это надо было делать? Ты же взрослый человек, должен отдавать отчет каждому своему поступку, каждому слову. Если же нет, то я тебя вообще не понимаю, да и как понять, когда, образно говоря, у нас с тобой в кармане вша на цепи да блоха на аркане. Где собираешься брать такие огромные деньги, квартиру продавать или душу?..

— Успокойся, Света! Я и не шутил, и не говорил всерьез. Я просто, заразившись поступком Ильи Сергеевича, играл, как самый заправский артист, коль даже тебя, от природы наделенную редкими прозорливыми качествами, и ту ввел в недоумение!

— Ну, хорошо, пусть так! Но зачем? Ничего плохого не вижу в том,

что человек решил в окружении добрых знакомых посетить этот ежегодный салон, который сама терпеть не могу, ибо ходишь-бродишь, натываясь на людские спины, получая под ребра локтевые удары невежественными зеваками, в людской толкучке, как дура, впустую пялишь глаза на вещи, которые тебе назойливые продавцы чуть не до срыва голоса наперебой предлагают, а при этом прекрасно знаешь, что ничего, ну даже какой-нибудь безделушки женской не купишь!

— Дорогая, говоришь верно! А несколько часов, с учетом дороги, потеряешь — и это в единственный выходной, когда собирался наконец-то приступить к написанию последней главы романа, ведь сроки сдачи рукописи в издательство прошли — и только отсутствие в договоре пункта штрафных процентов делают для тебя его выход в свет интересным с материальной стороны дела. А в наше весьма скудное гонорарное время, когда писатели, душа и сердце народа, и со стороны своих финансовых прав никаким законом не защищены, ох, как важно!

— Ваня, успокойся! Ладно, пропал выходной, и что теперь по нему горькими слезами заливаться? Конечно, нет, хотя бы потому, что ты мог бы запросто Илье Сергеевичу еще вчера вечером, когда он приглашал на аукцион, вежливо отказать, вернее, обставить обоснованными фактами свою занятость так, что он бы на тебя нисколько не обиделся, в край-

нем случае, несколько дней не звонил бы — и только!

— Мог! Но не стал! Потому что мне даже в голову не приходило, как можно так безоглядно, а самое главное, беспричинно поступать с людьми! Ведь даже не спросил, есть ли у нас с тобой свободное время! А ведь сам-то свой план на сегодняшний день выполнил — заказанные еще в Санкт-Петербурге предметы антиквариата забрал.

— И ты тоже решил поиграть, ведь худое дело заразное!

— Знаешь, я и сам эту дурацкую игру, о которой уже страсть как жалею, в толк никак не возьму! Все получилось как-то спонтанно, автоматически, словно на время сознание напрочь вырубил! Но, давай честно признаемся, что так скверно вышло потому, что и Илья Сергеевич, в общем-то, тоже сегодня не без присутствующего ему вдохновения играл — и не раз, и не одну роль, причем, и с нами, дорогая! — И, поймав чуть ли не молящий взгляд жены, ясно говоривший, что пора наскучившую, а главное, ничего сущего не дающую тему переменить, я нежно обнял ее точеные плечи и шутливо произнес: — Ты права: война войной, а обед по расписанию!

— Да, от вкусной еды я не откажусь!

— Может, дорогая, к твоим любимым морским устрицам по бокалу хорошего французского сухого вина для поднятия настроения?

— Вина? Ни в коем случае! Ты же за рулем!

— Это точно! Как и то, что пост ДПС стоит сразу на выезде с автомобильной площадки! Но мы его обманем!

— Это каким таким чудесным образом?

— Дождемся, когда гаишники все свое внимание обратят на остановленную ими переднюю машину, вывернем в это время из первого ряда во второй и по нему преспокойненько минуем их!

— Это не выход, а чистой воды ребячество! Да и потом, ты, как только выпьешь, так сразу же начинаешь настолько увлеченно говорить о своих молодых художниках, что я и слово вставить не могу!

— Милая, в твоем голосе несправедливо звучат нотки какого-то предвзятого отношения к тем, кого выпестовал, как птенцов, в своем орлином академическом гнезде сам Илья Сергеевич Глазунов! Или ты просто обижаешься на меня, что я почти все свободное время, включая воскресенья, провожу в их теплом, дружеском окружении?

— Обижаюсь, точно! Но не на тебя!

— А на кого?

— Именно на них, твоих будущих гениев!

— За что же, ведь они такие увлеченные этой быстротекущей, как горная река с порогами и водопадами, жизнью, добропорядочные люди?!

— А вот хотя бы за то, что, приехав из глубинки, они как были по натуре необтесанными парнями, так, к сожалению, ими и остались, хотя, что-

бы покорить своим природным талантом художественный Олимп Москвы, успешно окончили академию имени своего учителя!

— Не суди других, и сам не будешь судим! — кажется, так со стародавних времен в народе справедливо сказано?

— Так! Но, вместе с тем, как спокойно реагировать на то, что почти все художники, которые приезжают к нам с большими связками всевозможных картин, не только заранее не удосуживаются хотя бы подрамники начисто тряпкой вытереть от пыли, так еще и сами выглядят неприлично, даже неряшливо! Прости, но от них краской пахнет так, будто они насквозь до конца своих дней пропитались ею, а потом несет, как от загнанной лошади! Я, едва дождавшись, когда они уйдут, вынуждена тут же все окна открывать, чтобы проветрить квартиру! Но, может, я бы с этим, в конце концов, смирилась, и твои друзья-художники для меня тоже стали бы дорогими и желанными гостями, если бы не одно очень важное «но»!..

— «Но», да еще важное! — спокойно перебил я жену. — И какое же, не скажешь?!

— Скажу! Для этого и повела речь! Только сразу прошу понять меня правильно — без укоров и осуждений! Дело в том, что от картин некоторых живописцев идет такой сильный отрицательно заряженный энергетический фон, от которого у меня сразу же начинается от боли рас-

калываться голова, появляется чувство глубокой апатии! Это на моей душе сказывается настолько сильно, что я могу безошибочно определить, какой художник по сути своей добрый, а какой — злой, завистливый и вообще плохой человек, с которым лучше вовсе не иметь никаких дел!

— Интересное заключение! — выслушав жену, расстроено произнес я. — Ты раньше мне ничего такого не говорила! Странно...

— Говорила, говорила! И ты должен об этом хорошо помнить, поскольку я не раз жаловалась на то, что порой, особенно после умственной, тяжелой работы, от тебя исходят такие внутренние волевые потоки, что меня, как былинку, чуть ли не сносят с ног! Неужели ты и сам не замечал, что, иной раз встретив и накормив тебя, я сразу же ухожу в другую комнату и затихаю там, словно полевая мышь в норке!

— Точно, замечал! Но не придавал этому большого значения, ведь в жизни по мелочам чего только не бывает! Прости, впредь буду вести себя более осмотрительней! И все-таки, надо заметить, что, помимо моей воли, я весь трудовой день от людей, посещающих мой кабинет в огромном количестве, заряжаюсь не только положительной, но и отрицательной энергией, а потом, не растратив ее, сам того не ведая, безжалостными волнами выплескиваю на тебя, бедную, — и получается у нас с тобой не вечер нежного отдыха, а печального одиночества вдвоем!

— Ну вот, дорогой, ты наконец-то и понял, как мне нелегко!..

— Понял и должен тебе сказать, что народная поговорка: «Лучше поздно, чем никогда!» — очень замечательная! И пришла мне на ум вовремя — раз она напрямую относится к художникам, то я ее незамедлительно применю и к ним! С этого времени все картины, которые они привозят на просмотр с целью продажи в мое собрание, я буду принимать там же, в хранилище, где лежит основное количество полотен! И все же твое принципиальное решение бывать в гостях у Глазунова реже продиктовано тем, что по своей природе он, ни дать ни взять, вампир?!

— Ты угадал! Только зачем в отношении великого человека одно-моментно применять такое жесткое определение?!

— Ну а куда еще мягче, если ты после каждого посещения мастерской Ильи Сергеевича несколько дней подряд чуть ли ни пластом лежишь? — вместо примиряющего ответа в лоб спросил я.

— И все же... мне моих сил для него не жалко, ведь он их употребит на замечательное служение высокому искусству!

— Ай, да молодец, жена! Вот такой ты и любима мной! Нет, совсем недаром, словно в оплату за твое жертвенное отношение к своей природе, Глазунов нежно называет тебя нашей боярыней Морозовой!

После обеда, когда приятно сытый человеческий организм все свои

органы настраивает на размеренный, спокойный лад, меня вдруг осенила, можно сказать, пустяковая, но, поскольку в большой дружбе мелочей не бывает, значит, совсем незряшная мысль-догадка, которая, надо признаться, долгое время не давала мне покоя, а тут неожиданно вновь народилась, и, чтобы в ней окончательно утвердиться, я предложил жене сходить еще раз в ту палатку, где продавались в основном живописные работы Ильи Сергеевича, тем более что уж больно меня заинтересовало безучастное отношение художника к продаже написанных им работ.

Не сходу, а с немалым трудом, покружив по залу с полчаса, мы с женой, наконец, отыскали нужную палатку, поскольку она располагалась очень невыгодно — в самом конце ряда. Кроме этого галерейщики явно поскупились на дополнительное электрическое освещение. Положение кое-как спасал свет, падающий из окна напротив, но, с учетом уличной пасмурности, он не хватывал потоком света картины, а лишь едва освещал их. За прилавком стояла миловидная женщина

откровенно бальзаковского возраста с аккуратно уложенными на голове и скрепленными блестящими заколками темно-русыми волосами, с внимательным, благодушным взглядом. Когда я обратился к ней, она с готовностью назвала мне цену каждого выставленного на продажу полотна кисти Ильи Сергеевича. Услышав их, я пришел в некоторое психологически-нравственное замешательство, поскольку названные стоимости картин были на двадцать пять, тридцать процентов ниже, чем те, по которой я покупал картины у самого мастера в мастерской! А ведь каждый раз, называя мне цены своих работ, Глазунов говорил, что делает для меня исключение — другим продает намного дороже. Вот тут-то и разрешился мой вопрос: «Почему при нас с женой он не остановился у своих работ и не любопытствовал, по какой цене торгует ими галерея?»

Обиделся ли я на Илью Сергеевича или осудил его? Нет, конечно! Просто стало очень неловко за него — и все, пожалуй. □

Продолжение следует.

Ирина Опимах

«Сафо и Фаон»

Жака-Луи Давида

(История приобретения картины князем Юсуповым)

*«Сафо и Фаон».
Жак-Луи Давид*

Одна из жемчужин эрмитажной коллекции французского искусства — картина Жака-Луи Давида «Сафо и Фаон».

Богиня Афродита подарила простому лодочнику Фаону вечную молодость и красоту. Увидев прекрасного юношу, знаменитая поэтесса

Сафо воспыалала к нему страстной и вполне земной любовью. Однако чувство ее осталось безответным. Решив в отчаянии расстаться с жизнью, она бросилась в море с высокой Левкадийской скалы (художник изобразил ее на заднем плане). На картине Давида Сафо еще жива, а на коленях у нее лежит свиток с ее стихами: «Счастлив, кто подобится в блаженстве богам, / Кто близко от тебя сидит и по тебе воздыхает»...

История этого полотна весьма примечательна. Главные ее герои — выдающиеся люди начала XIX века: конечно же, ее автор, блестящий французский живописец Жак-Луи Давид, российская императрица Екатерина II, но, прежде всего, — ее верный подданный, вельможа, дипломат и коллекционер князь Николай Юсупов.

Николай Борисович Юсупов (1750–1831), представитель славного и весьма богатого княжеского рода, был весьма колоритной фигурой. Важный государственный деятель, политик и дипломат, а еще — любитель и большой ценитель искусства, создавший одну из крупнейших в России коллекций (наверное, с ней могло соперничать только собрание Эрмитажа). Гостями его подмосковных имений Архангельское и Васильевское были лучшие умы тогдашней России. А какие только посты он не занимал — главный управляющий Оружейной палаты и Экспедиции кремлевского строения, директор Императорских театров (он любил театр драматический и музыкальный, прекрасно разобрался

в музыке), директор Эрмитажа, глава дворцовых стекольных, фарфоровых и шпалерных заводов, сенатор, действительный тайный советник, министр Департамента уделов, член Государственного совета... Но при этом главным в его жизни было коллекционирование шедевров мирового искусства, и князю удалось собрать великолепную коллекцию.

Образование Юсупов получил за границей — в 1774–1777 годах он учился в Голландии, в Лейденском университете. В те же годы он совершил большое путешествие по Европе — посетил Англию, Португалию, Испанию, Францию, Италию, Австрию. Высокое происхождение дало ему право быть представленным европейским монархам, а в Па-

*Николай
Борисович
Юсупов*

риже его более всего заинтересовали Дидро и Вольтер. Наверное, в то время и зародился в нем интерес к западноевропейской культуре — наукам, философии, искусству. Бывая в картинных галереях приглашавших его аристократов, он мечтал, чтобы и его дом украшали прекрасные произведения искусства. Так родилась в нем страсть к коллекционированию, которая уже не оставляла его до конца дней.

В 1780-х годах Юсупова уже знали как блестящего знатока искусства. Именно поэтому великий князь Павел Петрович и великая княгиня Мария Федоровна пригласили его в качестве сопровождающего лица в путешествии по Европе. Во время

этого турне Юсупов познакомился со многими художниками, пользовавшимися успехом в свете, и покупал для Павла картины, не забывая, естественно, и про себя. Понятное дело, лучшее шло в личное собрание Юсупова.

В 1799 году князь вернулся в Италию. Несколько лет он прослужил посланником в Риме, на Сицилии, в Сардинии и Неаполе. Живя в Италии, Юсупов на одном из званых вечеров, куда его приглашали весьма охотно — он был хорош, прекрасно танцевал и умел вести умные беседы, — познакомился с Антонио Кановой. Они подружились — в молодом русском князе великий скульптор нашел тонкий вкус и блестящий

*Татьяна
Васильевна
Энгельгардт —
супруга
Николая
Юсупова*

Справа:
*К. Лоррен.
«Похищение
Европы»*

ум. Позже, когда уже Юсупов оставил Италию, они переписывались, и именно для Николая Борисовича Канова создал один из вариантов «Амура и Психеи», «Амура» и бюст «Гений смерти».

Екатерина II всегда питала нежные чувства к Юсупову. Молодой, красивый, умный, широко образованный — он не мог не войти в число ее фаворитов. Ко всем своим достоинствам, Юсупов был блестящим дипломатом и великолепно защищал

интересы России, выполняя явные, а порой и тайные поручения Екатерины. Императрица доверяла ему во всем. Доверяла и в отборе полотен для императорского собрания. Елизавета Петровна Янькова (урожденная Римская-Корсакова, оставившая чудесные воспоминания о жизни Москвы «за пять поколений», так пишет о Юсупове:

«Князь Юсупов — большой московский барин и последний екатерининский вельможа. Государыня

очень его почитала. Говорят, в спальне у себя он повесил картину, где она и он писаны в виде Венеры и Аполлона. Павел после матушкиной смерти велел ему картину уничтожить. Сомневаюсь, однако, что князь послушался».

Когда в 1804 году князь приехал в Париж, важного российского вельможу принял сам Наполеон. Император проникся к Юсупову теплыми чувствами, с большим удовольствием смотрел в его компании театральные спектакли, а перед отъездом князя на родину даже подарил ему на прощание две гигантские севрские вазы и три гобелена «Охота Мелеагра».

В 1808 году князь Юсупов снова посетил Париж, конечно же, с очередным государственным поручением (к нему относились с уважением не только Екатерина, но и Павел I, и сменивший его Александр I) —

приобрести для эрмитажного собрания лучшие полотна. Он выполнял возложенную на него миссию, но, конечно же, учитывал, как всегда, и собственные интересы. Так, среди купленных им картин для себя — настоящие шедевры: «Дама со страусовым пером» Рембранта, «Похищение Европы» К.Лоррена, «Портрет дамы» Корреджо, «Геркулес и Омфала» Буше, «Встреча Антония и Клеопатры» Дж. Тьеполо.

Юсупову очень хотелось пополнить в свою коллекцию картину самого известного тогда в Париже художника Жака-Луи Давида. Но Давид был официальным художником императора, «художником императора и императором художников», как его тогда называли, а потому ему не полагалось выполнять работы для других заказчиков. Но неожиданно художник согласился написать картину для русского князя

*Буше.
«Геркулес
и Омфала»*

(делалось это втайне от французских властей). 9 июля 1808 года сделка состоялась, определили цену — 12 тысяч ливров, и Давид стал раздумывать над сюжетом, а в сентябре того же года принялся за работу. Почему только в сентябре? Давид писал Юсупову: «Я только что набросал на холсте сюжет картины о чувствительной Сафо и ее возлюбленном Фаоне, в котором Амур, наконец, зажег огонь любви. Если я так медлил с тем, чтобы предоставить Вам воз-

можность наслаждаться ею, то только потому, что ждал счастливого момента вдохновения...» Когда работа над картиной была закончена, Юсупов увез ее в Петербург. Она украсила его дворец на Мойке.

Во время своих последних зарубежных вояжей князь покупал в основном работы французских художников, как старых мастеров, так и своих современников. В результате у него сложилось блестящее собрание французской живописи. Тут

*Рембрандт.
«Дама
со страусовым
пером»*

были картины не только Давида, но и Герена, Гро, Прудона, Ораса Верне, Виже-Лебрэн, Лорана Монье и многих других замечательных живописцев.

В 1810 году Юсупов купил большую усадьбу Архангельское под Москвой и вскоре, вложив немалые средства, превратил ее в настоящий образец дворцово-паркового ансамбля. Здесь, в Архангельском, он поначалу разместил все свои коллекции — а это были не только картины, но и скульптуры, шедевры

прикладного искусства, редкие книги, фарфор...

У Юсупова был особняк и в Москве — в Большом Харитоньевском переулке. Здесь, кстати, в 1801–1803 годах в одном из флигелей жила семья Пушкиных (будущий поэт был тогда еще совсем ребенком). Позже Пушкин бывал у Юсупова в Архангельском, а в 1831 году князь был приглашен на торжественный ужин в арбатскую квартиру молодоженов Пушкиных, он был посажен-

ным отцом на их свадьбе. И неслучайно появилось знаменитое пушкинское «Послание», посвященное Юсупову:

*...Ступив за твой порог,
Я вдруг переносюсь во дни
Екатерины.
Книгохранилище, кумиры,
и картины,
И стройные сады свидетельствуют
мне,
Что благосклонствуешь ты музам
в тишине,
Что ими в праздности ты дышишь
благородной...*

В конце 1830-х князь перевез собрание картин в Петербург, в свой роскошный дворец на Мойке. В те годы юсуповская коллекция была признана одной из лучших в Петербурге. Недаром Луи Виардо, тот самый, не только муж блистательной Полины Виардо, но и известный критик, искусствовед, писал о юсупов-

ском собрании. «Кабинет Юсупова: группа “Похищенная Психея” Кановы, “Битва на мосту” и “Похищение Европы” Клода Лоррена, — сверх того, большая картина нашей современной школы, которую я с трудом осмеливаюсь назвать из уважения к ее автору, это жалкая композиция “Сафо и Фаон”, подписанная LouisDavid, 1808». (Забавно видеть, как менялись вкусы, и как менялось отношение критики к картине Давида.)

В свое время императрица Екатерина решила женить Юсупова — к его 40 годам он должен был уже обзавестись супругой, справедливо полагала она. И быстро нашла ему подходящую партию — ею стала племянница Потемкина Татьяна Васильевна Энгельгардт. Это была вполне достойная дама — внешне привлекательная, умная, интересовавшаяся искусством и умевшая вести дела в своих имениях. Однако, похоже, верность не была главным до-

Слева:
Дж. Тьеполо.
«Встреча
Антония
и Клеопатры»

Корреджо.
«Портрет
дамы»

стоинством князя — он привык к легким нравам европейских столиц, к тому же никогда не мог устоять перед женской красотой. В его жизни всегда были любовницы — как высокородные дамы, так и простые крепостные девушки. Янькова вспоминала: «А что до князевой ветрености, так причиной тому его восточная горячность и любовная коллекция. В архангельской усадьбе князя — портреты любовниц его, картин более трехсот. Женился он на племяннице Потемкина, любимца государыни, но нравом был ветрен и оттого в супружестве не слишком счастлив...

Князь Николай был пригож и приятен и за простоту любим и двором, и простым людом. В Архангельском задавал он пиры, и последнее празднество по случаю коронования Николая превзошло все и совершенно поразило иностранных принцев и посланников. Богатств своих князь и сам не знал. Любил и собирал прекрасное. Коллекции его в России, полагаю, нет равных. Последние годы, наскуча миром, доживал он заперти в своем московском доме. Когда бы не распутный нрав, сильно повредивший ему во мнении общества, он мог быть сочтен идеалом мужчины».

Князь Юсупов пережил почти всех известных персонажей екатерининской и павловской эпохи. Возможно, ему помогло определенное философское отношение к жизни, умение не обращать внимания на мелочи и не лишать себя больших и малых удовольствий. Но, скорее всего, тут сыграли роль его увлечение искусством, непрерывная работа ума, чтение книг и интерес к людям, «избегание скуки», страсть к коллекционированию и все, что с этим связано. До последних дней он размышлял, любил, наслаждался, искал новых радостей, впечатлений... Он жил как настоящий аристократ и умер как аристократ — достойно.

Герцен вспоминал в «Былом и думах»: «Он пышно потухал восьмидесяти лет, окруженный мраморной, рисованной и живой красотой. В его загородном доме беседовал с ним Пушкин, посвятивший ему чудное послание, и рисовал Гонзага, которому Юсупов посвятил свой театр».

Скончался князь в 1831 году, в Москве, в собственном доме в приходе церкви Харитония в Огородниках. Ему было 80 лет, немалый по тем временам возраст. И умер он не от старческих болезней — убила его холера, унеся в тот год множество жизней. Похоронили Николая Борисовича в селе Спасское-Котово Можайского уезда Московской губернии, в старинной церкви Спаса Нерукотворного. «Мой Юсупов умер», — так с горечью сообщил А.С. Пушкин о смерти князя в письме к П.А. Плетневу. В этих трех словах — глубокая

скорбь и неподдельное горе. И понимание масштаба личности князя Юсупова.

Представители последующих поколений семейства Юсуповых также были большими ценителями прекрасного. Они продолжали дело Николая Борисовича, хранили и пополняли семейные собрания, руководствуясь уже своими вкусами. После Октябрьской революции все коллекции князей Юсуповых были национализированы. (Что-то Юсуповым, эмигрировавшим за границу, все же удалось вывезти, и это что-то помогло им выжить на чужбине.)

Сегодня в Юсуповском дворце на Фонтанке можно увидеть в залах, где когда-то размещалась картинная галерея, репродукции шедевров, принадлежавших князьям Юсуповым. Среди них в основном те, что были приобретены Николаем Борисовичем. Там висит и репродукция «Сафо и Фаон» Давида. Как и другие шедевры итальянских, французских и голландских живописцев из княжеских собраний, в 1925 году эта картина украсила эрмитажную коллекцию живописи. Сегодня это — признанный образец французского классицизма, и, как считают многие историки искусства, одно из лучших творений «императора живописцев» Жака-Луи Давида. И то, что она, как и многие другие шедевры мирового искусства, сегодня в России, — заслуга выдающегося представителя русского дворянства, блестящего собирателя и коллекционера, князя Николая Борисовича Юсупова. □

А Елизавета Арзамасова

Лиза Арзамасова — молодая, яркая и очень популярная актриса. Она начала сниматься в кино в четыре года и снялась уже в 54 фильмах и сериалах. Зрители запомнили ее работы в сериале «Папины дочки», «Братья Карамазовы», «Поп», «Рябиновый вальс», «Любовь в большом городе» и многих других картинах.

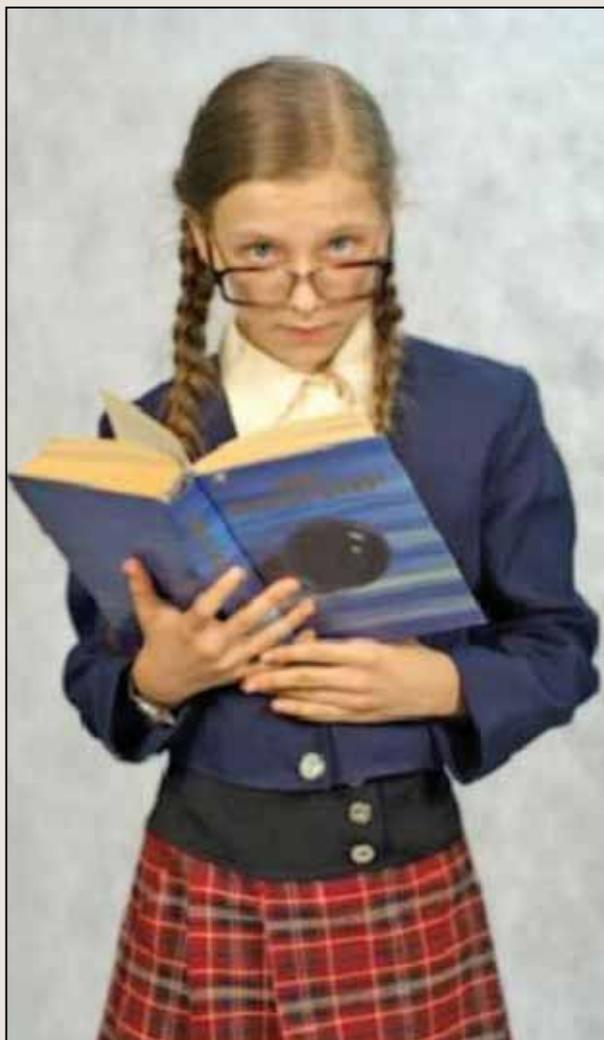
Арзамасова — попечитель фонда «Старость в радость». В конце декабря прошлого года Лиза и музыкант Родион Газманов со своей творческой командой и волонтерами фонда посетили около десятка домов престарелых. Сама Лиза говорит: «Наверное, это логичнее всего, правильнее всего тратить на то, чем я сейчас занимаюсь. Я часто думаю о том, что, если будем везунчиками, то и мы когда-то доживем до преклонных лет, и хотелось бы, чтобы наша старость была красивой...»

«В моем странном случае учителем моим является сама профессия...»

— Лиза, что нового в вашей творческой жизни происходит сегодня?

— Всегда происходит что-то новое, но я не люблю делиться информацией в процессе. Больше люблю,

когда зритель уже сам видит результаты. Эти результаты могут быть всегда разными — заметными и совершенно незамеченными для широкой аудитории, успешными и провальными. Поэтому анонсировать и делиться своими ожиданиями — не мое. Только в том случае, когда продюсеры какого-то из проектов устра-

ивают пиар-кампанию, и тогда уже артисты подключаются к рассказам о проекте.

— Вы занимаетесь благотворительной деятельностью, расскажите, пожалуйста, об этом.

— Уже третий год я являюсь попечителем благотворительного фонда «Старость в радость», который занимается одинокими пожилыми людьми в домах престарелых.

В попечении фонда больше 170 домов в 25 регионах страны.

Ну что тут рассказать? Всегда можно посмотреть на моих страницах в социальных сетях и на официальном сайте фонда, чем мы занимаемся. Но лучше всего — отправиться в качестве волонтера в одну из поездок к бабушкам и дедушкам, которые проходят каждую неделю, и вы сами все поймете. Если дрогнет сердце, почувствуете потребность помогать, то каждый из сотрудников и волонтеров скажет, с чего начать. Самое главное для наших подопечных — простое человеческое внимание, которое спасает от чувства одиночества и незащищенности.

— Первая роль в вашей жизни — в мюзикле «Энни», как это произошло?

— Это моя первая театральная роль, и играла я ее в 8 лет. А первый эпизод в кино был в 4 года. Попала на кастинг в детской театральной студии на Чистых прудах, а потом, наверное, данные попали в теа-

тральную и кинобазу. Оттуда и пришло предложение попробоваться в мюзикле «Энни».

— Вы с детства мечтали быть актрисой? Кто стал вашим учителем в профессии?

— Я всегда хотела быть актрисой, но не стала бы называть это мечтой.

и пламя», почему решили в нем участвовать?

— Да просто все: интересно стало — смогу ли. И потом, глупо отказываться от шанса научиться кататься на коньках, да еще с такими талантливыми людьми на льду. Я вспоминаю этот опыт с большой благодарностью.

Слева: *сериал «Папины дочки»*

К/ф «Бесы»

Это был интерес, восторг и желание играть. А учителем в профессии в моем странном случае является сама профессия и все люди, которые встречались мне на съемочных площадках и в театре.

— Вы заняли второе место в проекте Первого канала «Лед

— Сложно было идти к победе?

— А я не шла ни к какой победе. Просто получала огромное удовольствие и радовалась «до неба».

— У вас богатая фильмография, а есть ли любимые роли? И в какой картине, у какого режиссера вам было бы интересно сыграть?

— Сложно и часто почти невозможно ответить на такой вопрос. Это же профессиональная этика. Похвалишь одного — обидишь других. Мне дорого все, что было. А играть всегда интересно. Каждый новый опыт — большой подарок.

— Какой у вас характер? Какие люди вам нравятся?

— Характер, наверное, сильный, но я — тихая (*смеется*), хотя сейчас как раз во мне происходят серьезные перемены, как и положено. Каждому возрасту и этапу жизни — свое.

леустремленные, трепетные нравятся, ранимые, великодушные.

— Есть ли места, куда хочется возвращаться снова и снова (путешествия, гастроли и так далее)?

— Да, из российских — люблю Питер, Владивосток. А вообще, очень много разных точек на карте... И везде свой шарм.

— Что пожелаете тем, кто решил связать свою жизнь с актерской профессией? Какими каче-

К/ф «Портрет второй жены»

Какие люди нравятся?.. Странный вопрос. Кого люблю, те и нравятся. Талантливые нравятся, це-

ствами нужно обладать, чтобы быть успешным в этой профессии?

— Успешным?..
Вот, вообще, не
знаю (смеется).
В актерской про-
фессии встречаю
совершенно раз-
ных людей, с со-
вершенно разны-
ми характерами
и судьбами. Могу
только лишь ска-
зать: как и в любой
сфере деятельно-
сти, быть собой —
очень славно. □

Беседовала
**Елена
Воробьева**

Наверху:
к/ф «*Екатерина.
Взлет*»

СВАХА

Жила в одном маленьком селе семья Сидорчуков. Жили дружно, что называется душа в душу: муж Василий, жена Глафира и дочка Анфиса. Вот, наконец-то, подошла пора Анфису замуж выдавать. Да только жениха найти ох как трудно оказалось — красотой Анфиса не в мать удалась. Глафира-то по молодости лет очень видной девкой была — высокой, статной, пышнотелой, да и на косу богата, а дочери от материнской красоты ничего не досталось. Нос картошкой, редкие рыжие ресницы, куцая коса и лицо все конопатое. Только для своих родителей пригожей девицы не сыскать. Уж очень любил свою единственную дочь Василий да по-всякому баловал, ни в чем ей отказа не было, семья-то зажиточная.

Так и выросла Анфиска белоручкой, ничего по дому не делала, потому что не умела и учиться ничему не хотела. Ну кто такую замуж возьмет? Долго родители своими силами дочку пристроить пытались, да все напрасно. Приходили в дом женихи, на девку смотрели и уходили быстрее, чем пришли. Тогда родители решили к услугам свахи прибегнуть:

— А что, мать, — пробасил Василий, задумчиво потирая могучей рукой волевым подбородок и тяжело опускаясь на лавку возле жены, — раз своими силами выдать замуж родимую кровинушку не получается, надобно сваху на помощь звать!

Женщина грустно вздохнула, у нее ведь таких проблем в девичестве не было, женихи за Глафирой в свое время табунами ходили, а тут и калачом даже самого завалящего жениха под венец не заманишь.

— Да ты не грусти, Глашка, — Василий крепко обнял жену за плечи, успокаивая ее. — Выдадим Анфисушку замуж!

— Да скорей бы уж! — Глаша смахнула со щеки скатившуюся слезинку. — Годы-то девичьи идут!

— Ничего, — махнул рукой мужик, — не падай духом, придет сваха и поможет нам в нашей беде.

— Так эта сваха волшебницей быть должна, чтоб нашу дочку замуж выдать, — покачала головой Глафира. — Вон мы уже, почитай, два года бьемся, что рыба об лед, а Анфиску так никто и не просватал!

— Ну-у-у-у... — медленно протянул Василий. — Есть у меня на сей счет мыслишка одна! — и, хитро прищурившись, ущипнул себя за ус.

— Какая? — вмиг встрепенулась потерявшая уже всякую надежду мать.

— Слышал я, что в соседнем селе сваха одна живет, что называется, от бога дар у нее нелепых красотой девок замуж выдавать! Помнишь, мать, как конюх Федотыч в том году хвастал, что самую лучшую невесту в округе своему сыну просватал? — И Василий хохотнул, вспоминая тот забавный случай.

— Да, да, припоминаю... Это когда после венчания оказалось, что невеста косая?! — прыснула со смеху Глафира.

— Вот именно! — следом за женой зашелся заливистым хохотом и Василий. — А Федотыч, как индюк, по селу ходил, все уши мужикам прожужжал про неписаную красоту невестки.

— То-то смеху было, когда после венчания с девки покрывало сняли, — припомнила Глафира лицо жениха в тот момент — его будто оторопь взяла, стоял, только глазами хлопал. Так до конца свадьбы и слова не обронил.

— Так он теперь с отцом из-за этого поссорился! Ну а с косой женкой так по сей день и живет!

— Ну, так что ж ему остается? — покачала головой Глафира. — Ничего, как говорится, стерпится-слюбится!

— Вот и я про то, Глашенька, — поучительно поднял вверх мозолистый указательный палец Василий. — Раз та сваха косую замуж выдала, разве не сможет пристроить нашу Анфиску?

Долго тянуть с исполнением задуманного не стали. Уже на следующий день чудо-сваха Аглая — дородная матрона средних лет, предстала перед семейством Сидорчуков, которое возлагало на нее столько надежд. Окинув опытным взглядом Анфису, она задумчиво покачала головой:

— Уж больно тоща! А жених ведь не волк, чтобы на кости бросаться!

— Были бы кости, а мясо нарастет! — заступилась за дочку Глафира.

— Оно-то, конечно, так, — крикнула сваха, наморщив лоб, — да только ждать некогда.

Но, заметив в глазах девушки недовольство, ну еще бы, никогда она не позволяла к себе подобного обращения, протянула уже совсем другим, заискивающим голосом:

— Ничего, это дело поправимое! — и продолжила тщательный осмотр невесты, поворачивая ее то одной стороной, то другой. — Волосенки-то совсем жиденькие, — бесцеремонно вцепилась Аглая в косу Анфисы, и так, и этак ощупывая «девичью красу».

— Ой, больно! — взвизгнула та.

— А ты как хотела? Терпи, дорогая, раз замуж невтерпеж! — С этими словами сваха толстыми пальцами полезла в рот к невесте, чтобы посмотреть на ее зубы. — Да-а-а-а, — грустно протянула она, — тут работы — непочатый край!

— Так дареному коню в зубы не смотрят... — приблизился к свахе Василий и взял ее за пухлую руку, чтобы отвести в сторону. — Если дело за деньгами... — начал он издали, понимая, на что намекает Аглая, — то мы на дочкино счастье не поскупимся!

— Да! — в один голос поддержали главу семейства женщины. — Ты, Аглаюшка, не сумлевайся, за этим дело не станет!

Сваха не спешила дать ответ, она взяла выжидательную паузу, чтобы цену себе набить. Молчание продолжалось недолго, до тех пор, пока в руках у родителей невесты не появилась мошна, полная денег. Дородная матрона еще раз кинула беглый взгляд на Анфису, проворно вырвала из рук Василия кошелек и, согласно кивнув:

— Берусь! И не таких замуж выдавала! — зашлась заливистым хохотом.

Уже на следующий день, с самого утра, стали готовиться к встрече с дорогим женихом.

— Нашла я вам одного молодца из соседнего уезда, — довольная собой, гордо подбоченилась сваха. — Хороший парень, работающий, с таким век жить — не тужить! Молодой, собою пригожий, — нахваливала она жениха, — и жениться на Анфиске хоть сегодня готов!

— Так сватов, что ль, пришлет скоро? — встрепелась Анфиса, и щеки ее зарделись от волнения багряным румянцем.

— Ну, сватов, не сватов, — хмыкнула Аглая, — а сам сегодня мимо вашего дома пройдет, чтоб невестой в окошко полюбоваться.

— Так как же это?! — всполошилась Глафира. — Он, почитай, дочку в окно увидит, так и сватов присылать передумает! Нельзя допустить, чтоб он Анфиску до венчания видел.

— Э-э-э, нет, — хитро прищурилась дородная матрона, быстрым шагом приближаясь к родителям молодой, — кто ж кота в мешке покупать будет?

— И то верно! — поддакнул Василий. — Так что же делать, чтобы молодого раньше времени не спугнуть?

— Я знаю, как быть... — перешла сваха на заговорщицкий шепот. — Нужно его близко к дому не подпускать, не дать невесту хорошо разглядеть! А издали все девицы пригожи, — довольно хлопнула она в ладоши.

Так и сделали, повязали на голову невесты яркий цветастый платок, глубоко на глаза его надвинули, шаль на плечи накинули да и посадили возле оконца полубоком, так, чтобы лица разглядеть нельзя было. А во двор из конюшни лошадей выпустили, чтобы перед домом ходили и окна заслоняли.

Подшло время, вот уже и жених на горизонте появился. Анфиса рот разинула, рассматривая пригожего юношу.

— Что, дура, рот раззявила? — из-за угла шикнула на нее сваха. — И лицо, лицо в сторону отвороти, — поучала она молодую. — Ну, а вы, Василий, что застыли на месте? Идите будущего зятя отвлекать. И пастуху прикажите поживее скотину по двору гонять!

При этих словах глава семейства прытко выскочил за порог и направился к калитке — пообщаться с застывшим возле забора юношей. Тот увлеченно пытался рассмотреть Анфису, но только кроме цветастого платочка на девичьей головке ничего и не увидел.

— Так, стало быть, — подавая руку юноше, пробасил Василий заискивающим тоном, — ты женихом нашим будешь! — И довольно улыбнулся в обвислые густые усы — молодец явно пришелся ему по душе.

«А что, — подумал он, — дочка точно довольна останется! Еще бы, такого хлопца отхватит! Высокий, белокурый, с ясными синими глазами. Да и одежда на нем приличная. Сразу видно — не обманула сваха, из порядочной семьи парень и культуре обучен».

Юноша приветливо улыбнулся, протягивая руку хозяину дома, и представился, все еще тщетно пытаясь разглядеть девицу:

— Я — Авдей. А что это у вас, хозяин, скотина по двору ходит? — любопытствовал он, косясь на окошко, которое то и дело заслоняли лошадиные крупы.

— Так это пастушок наш не доглядел! — почесав затылок, попытался заговорить зубы жениху Василий. — А дочка-то у меня — красавица! — кивнув в сторону дома, выдал он заученную фразу, как Аглая научила. — Волосы, что чистое золото, прям огнем горят!

При этих словах глаза юноши вспыхнули от восторга, что именно ему в жену этакая красотища достанется. Долго еще глава семейства Сидорчуков дочку свою расхваливал, все, как сваха сказала, сделал. Разошлись с женихом на том, что на следующий день тот со всей своей семьей придет на смотрины.

С самого утра в доме Сидорчуков была суматоха. Все, словно угорелые, носились по дому в ожидании дорогих гостей. Как-никак решающий день. Родители молодой очень волновались. «А вдруг и в этот раз ничего не получится?» Но Аглая их успокоила, уверила в том, что с ее легкой руки и не такие еще замуж выходили.

— Вот, смотрите, скатерка какая, — довольная собой, хвасталась сваха приобретенным вчера на базаре приданым для Анфиски, раскладывая на столе белоснежную скатерть дивной красоты, с искусно вышитыми на ней узорами.

В комнате послышались восхищенные возгласы.

— Никогда еще такой красоты не видывал! — Василий провел мозолистой рукой по ярким диковинным цветам, украшавшим принесенную свахой скатерку.

— Это ж какая искусница вышила? — развела от удивления руки в стороны Глафира.

— Кто вышивал — вам знать ни к чему. — Аглая проворно начала доставать из большой тряпичной торбы остальное добро, показывая принесенные вещи окружающим.

Следом за скатертью на столе появились цветастые платочки, сорочки с рушниками.

— А сватам скажете, что это все Анфисушкиных рук дело, — хохотнула дородная матрона, ее пышное тело так и содрогалось от приступа смеха. — Пущай диву даются и гордятся тем, что такую рукодельницу себе в невестки берут!

— Хитро придумано! — хохотнул следом за ней и глава семейства.

Пока хозяева разбирали в светелке молодой приданое, в большой комнате местные бабы уже на стол накрыли. Расстарались бабоньки на славу, чего только на столе не было: и расстегаи с рыбой, и пироги с разными начинками. Вот и Никитишна вошла в комнату, держа в руках поднос с кулебякой. Тут же возле кулебяки появилось и колечко домашней колбаски с луком и чесноком. Аромат в доме стоял такой, что слюной изойдешь.

Подшло время, и, наконец, на пороге появились гости. Как и обещал, Авдей пришел со своими родителями на невесту посмотреть. Их прямо с порога пирогами встретили. Расселись по лавкам.

— Угощайтесь, гости дорогие, — улыбалась пришедшим хлебосольная хозяйка, — дочка сама готовила! — слукавила она. — Все утро, не покладая рук, у печи провозилась.

— Ох, и хорошая же хозяйка ваша Анфиса! — расхваливали, уплетая за обе щеки угощения, родственники жениха.

— А колбаса-то какая... — потянулся к колечку колбасы отец Авдея, жадно вдыхая мясной аромат.

Гости ели, пили и слушали истории о том, как же Анфисушка любит готовить, вышивать, да и вообще все хозяйство на ее хрупких девичьих плечах держится. Все это время, по наущению Аглаи, Авдею и его семейству то и дело в кружки хмельного подливали. Это, чтобы добрее были и чтобы сильно к девице, когда ее выведут, не придирались. Пока за столом сидели, обо всем поговорили, приданым похвастались. Будущие родственники только и успевали, что рты от восторга и восхищения открывать.

В это же самое время в девичьей светелке шли самые серьезные приготовления. Сваха колдовала над внешностью невесты, чтобы, когда время подойдет, смогла предстать она пред ясны очи суженого во всей красе.

— Терпи, девка, — накладывая Анфисе на лицо толстый слой белил, шипела Аглая, — будешь лицом бела, словно та лебедушка.

Следом за белилами на девичьи щеки легли румяна.

— Ну, во-о-о-т... — довольно протянула сваха. — Совсем другое дело, прям королевишна!

— Правда? — недоверчиво спросила Анфиса, и лицо ее расплылось в широкой улыбке.

— А вот рот тебе, дорогуша, лучше без надобности не раскрывать! — больно щелкнула ее по носу сваха. — Незачем кривые зубы на показ выставлять.

— А с косой что делать будем? — любопытствовала девушка, теребя свои жидкие волосы. — Нельзя же, как есть, перед будущим мужем предстать... — горько вздохнула она.

— Конечно нельзя, — поддакнула дородная матрона, — а то молодой со своими родителями решит, раз коса девичья тонкая, стало быть, и невеста хворает чем-то.

— Так что ж тогда делать? — В глазах Анфисы блеснули слезы.

— Ты что, дуреха, — возмутилась Аглая, видя мокрые девичьи глаза, — рыдать, что ль, вздумала? — шикнула она на невесту, сурово сдвинув брови. — Я тут битый час тебе лицо крашу, а ты все старания насмарку пустить хочешь? — Но тут же сменила гнев на милость: — Будет, будет тебе. Сделаем тебе косу такую, что просто залюбуешься! — и с этими словами вытащила из-за пазухи длинные рыжие локоны.

— Что это? — удивилась Анфиса, округлив от неожиданности глаза.

— Знамо что... — довольно крякнула Аглая. — Грива конская. Вплетем ее тебе в волосы, и коса твоя вмиг густой и длинной станет.

Девушка хохотнула, перебирая руками длинные пряди лошадиной гривы:

— У батюкиного любимого мерина, аккурат такая же грива...

— Была! — уточнила сваха. — Была у мерина, а теперь, стало быть, у тебя будет.

Вот и приготовления к концу подошли, в косу лошадиные пряди вплели, алой лентой повязали. А чтоб невеста казалась полнее — надели ей под сорочку телогрейку и три юбки одновременно. Полюбовалась сваха своей работой, и так, и этак Анфису покрутила и осталась довольна.

— Ну что? — слышался за спиной нетерпеливый женский голос. В светелку вошла Глафира. — Сваты наелись, напились, тепереча на молодую взглянуть хотят.

— А у нас как раз все готово! — подмигнула ей Аглая и отступила в сторону, демонстрируя проделанную работу.

— Чудо, как хороша! — ахнув, всплеснула руками мать и поспешила вывести дочку пред светлые очи дорогих гостей.

Никогда еще такой красотищи Авдей не видывал, тут же и просватал девку.

Вскоре отгуляли свадьбу. А когда после венчания обман раскрылся, и муж увидел свою супругу, как говорится, «во всей красе», было уже поздно. Так что бедному Авдею ничего другого не оставалось, как жить с постылой женой, которая и по дому-то ничего делать не умела. Хотел, было, он на сваху за обман пожаловаться, но в ответ получил:

— Видели глаза, что брали!

Что ж, как говорят в народе, стерпится-слюбится! □

Юрий Осипов

Магия Бабеля

Едва ли найдется еще писатель, который создал бы так мало, а сказал бы так много, как Исаак Бабель. Его приход в литературу продолжил извечную магию, присущую лишь самым оригинальным талантам. Бабель-писатель сформировался на Молдованке, в самом сердце удивительного города «у Черного моря», который воспел в своих знаменитых «Одесских рассказах».

Он пестовал свой дар и оттачивал неповторимый стиль в стороне от читательских глаз, сразу представ перед ними сложившимся мастером. До этого Бабель показал свои первые рассказы Горькому, и тот, воодушевившись, отправил его набираться жизненного опыта «в люди», как его самого когда-то отправил подростком на заработки «в люди» родной дед.

Позже Бабель служил в ЧК и воевал в Первой конной, проходил школу журналистики, повидал множество людей. Переплавленные в творческой мастерской впечатления создали неповторимый орнамент коротких бабелевских новелл, где содержание спрессовано до степени афоризма, а форма, работа над словом доведены до совершенства. Недаром Хемингуэй, прочитав «Конармию», признал, что «стиль Бабеля даже лаконичнее моего», и ставил талант автора исключительно высоко. А Борхес в молодости сказал про «Конармию»: «Музыка его стиля контрастирует с почти невыразимой жестокостью некоторых сцен».

«Не надо уводить рассказ в боковые улицы, — писал Бабель, — ...даже и в том случае, когда на боковых улицах цветет акация и поспевают каштан».

Рано облысевший, приземистый, с широким губастым лицом и смеющимися глазами за стеклами круглых очков, он смотрел на жизнь, как на «луг в мае... по которому ходят женщины и кони». Он любил женщин, и женщины любили его. Он знал цену власти и все же, по необъяснимой причине, тянулся к тем, кто был ею облечен, да еще в то время, когда это могло очень плохо кончиться. Как, собственно, и произошло с Исааком Эммануиловичем. Его внезапный арест, пытки и расстрел накануне войны оставили незаживающую рану на многострадальном теле нашей литературы.

Исаак Эммануилович Бабель родился 30 июня 1894 года на той самой одесской Молдаванке, которую воспел в своих произведениях. Он был третьим ребенком в семье владельца небольшого магазина сельхозтоваров Мануса Бобея и его жены Фани («о» на «а» в своей фамилии

писатель поменяет, начав печататься).

На следующий год семья переехала в Николаев, где Бабель прожил до 11 лет и успешно учился в Николаевском коммерческом училище, откуда был переведен в такое же училище в родном городе. Тяга к знаниям

у него проявилась с детства. Помимо обязательных школьных дисциплин мальчик частным образом углубленно изучал иврит, библию и талмуд, в совершенстве овладел французским, на котором написал первые, к сожалению, не сохранившиеся рассказы. Само собой, свободно говорил на идише и украинском. Однако, несмотря на очевидные гуманитарные пристрастия, в 1911 году он стал студентом Киевского коммерческого института и с блеском учился на экономическом отделении.

Во время учебы в Киеве произошли два знаменательных события в его жизни: в иллюстрированном еженедельнике «Огни» Бабель опубликовал рассказ «Старый Шлойме» и тогда же познакомился с дочерью богатого киевского предпринимателя Евгенией Гронфайн, которая выйдет за него замуж в разгар Гражданской войны.

Пока же, в 1916 году, под грохот орудий на фронтах Первой мировой начинающий писатель отправился в Петроград. Закон о «черте оседлости» запрещал евреям селиться в столице, и Бабель обзавелся документом полицейского управления с разрешением проживать в Петрограде на время учебы. Поступил он сразу на четвертый курс юридического факультета Петроградского психоневрологического института (!).

В том же году Бабель познакомился в северной столице с Горьким, который сделался его кумиром. Горь-

кий напечатал в журнале «Летопись» ранние бабелевские рассказы: «Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна» и «Мама, Римма и Алла». Они вызвали такой резонанс, что автора даже собирались судить сразу по трем статьям: за «порнографию», «кощунство» и призывы к «ниспровержению существующего строя».

Февральская революция помешала этому, и Бабель, по совету Горького, двинулся за жизненным опытом «в люди». Скитался, переменял несколько профессий, успел отслужить рядовым на румынском фронте, дезертировал, тайком пробрался в Петроград. Там встретил октябрьские события и пошел временно работать переводчиком в иностранный отдел ВЧК, а затем в Наркомпрос и в продовольственные экспедиции. К тому времени за плечами у него были уже публикации в «Журнале журналов» и в социал-демократической газете «Новая жизнь».

Из этой газеты весной 1920 года молодой писатель, по рекомендации Михаила Кольцова, был направлен под именем Кирилла Васильевича Лютова военным корреспондентом ЮГ-РОСТА в Первую конную армию под командованием Буденного, которая шла отчаянным рейдом на Варшаву. Бабелю довелось стать очевидцем и непосредственным участником этих трагических событий. Его корреспонденции регулярно появлялись в газете поли-

тотдела 1-й Конной «Красный кавалерист».

Но главным для Бабеля было другое. На марше и в перерывах между боями он вел дневник, из которого и выросла впоследствии поразительная «Конармия», цикл внешне неприятных, отточенных рассказов-зарисовок от лица интеллигентного Кирилла Лютова, объединенных единой темой и смыслом. Автор со смешанным чувством ужаса и восхищения описывает привычную жестокость и лишенный всякого пафоса героизм красноармейцев.

«Моряк» в 1921 году. Следующие печатались в 1923–24 годах в знаменитом журнале Маяковского «Леф», в «Красной нови» и других центральных периодических изданиях той поры. Они принесли писателю широкую известность, сделали его признанным мастером слова.

А он, до того как стать профессиональным литератором, трудился еще в те годы выпускающим редактором в 7-й одесской типографии, газетным репортером в Одессе и Тифлисе, работал в Госиздате Украины, в качестве спецкора тифлисской газеты

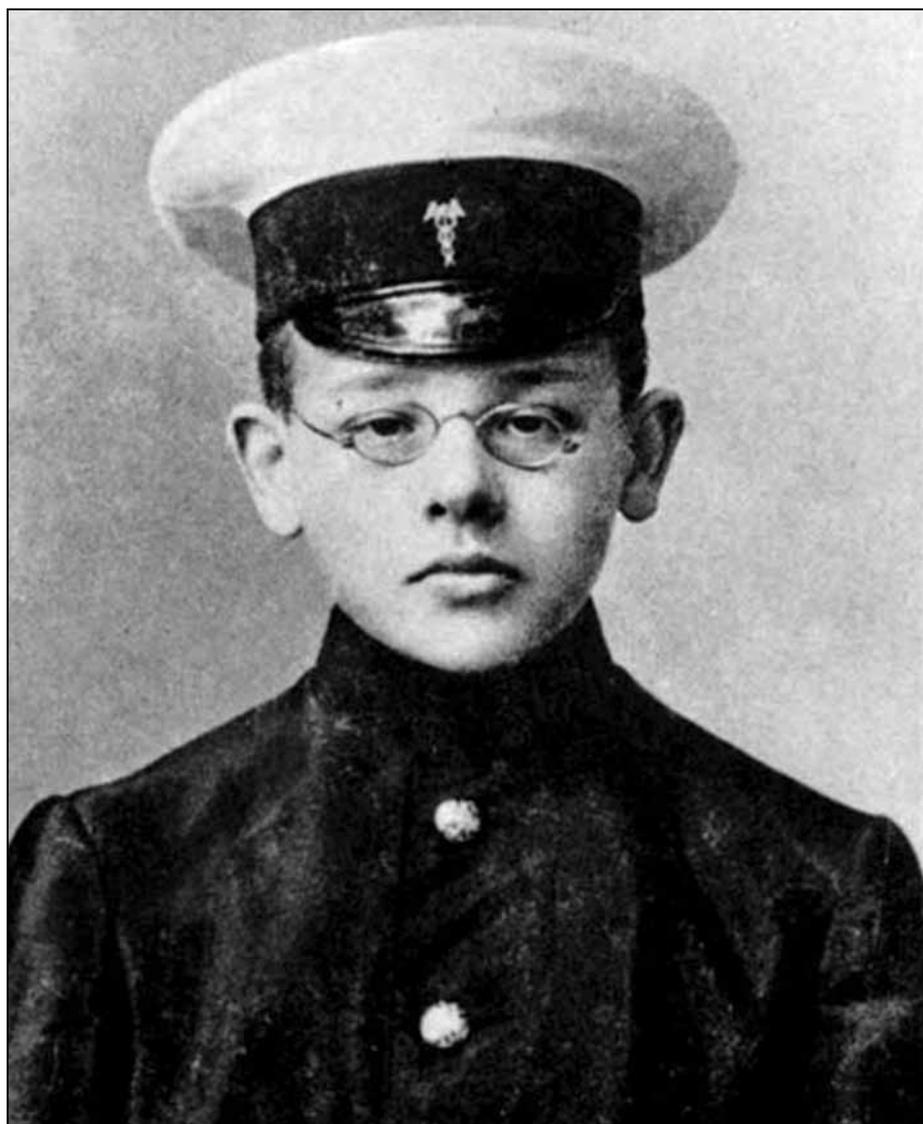
Рано облысевший, приземистый, с широким губастым лицом и смеющимися за стеклами круглых очков глазами, Бабель смотрел на жизнь, как на «луг в мае... по которому ходят женщины и кони». Он любил женщин, и женщины любили его

Неприкрытая правда Гражданской войны предстала в этих рассказах, как на ладони, в неповторимых деталях обыденности исторических событий, взятых под увеличительным стеклом литературы.

Впервые книга увидела свет в 1926 году и затем многократно переиздавалась. Этой вершине бабелевского творчества предшествовали блестящие разрозненные новеллы, собранные автором в «Одесских рассказах». Первый из них — «Король» — появился в одесской газете

«Заря Востока», ездил в командировки по Абхазии и Аджарии. И — накапливал ценный жизненный материал, который, увы, так и не успел полностью использовать в своих произведениях...

«...Только что убили комбрига два. На его место командарм назначил Колесникова. Час тому назад Колесников был командиром полка. Неделю тому назад Колесников был командиром эскадрона... Буденный стремительно повернулся на каблуках и от-

дал честь новому комбригу. Тот растопырил у козырька пять красных юношеских пальцев, вспотел и ушел по распаханной меже... Пылание заката разлилось над ним, малиновое и неправдоподобное, как надвигающаяся смерть...

Стонущее "ура", разорванное ветром, доносилось до нас...

"Колесников повел бригаду", — сказал наблюдатель, сидевший над нашими головами на дереве.

"Есть", — ответил Буденный, закурил папиросу и закрыл глаза.

"Ура" смолкло. Канонада задохлась. Ненужная шрапнель лопнула над лесом. И мы услышали великое безмолвие рубки.

"Душевный малый, — сказал командарм, вставая. — Ищет чести. Надо полагать — вытянет..." Колесникова мне довелось увидеть в тот же вечер... Он ехал впереди своей бригады, один, на буланом жеребце и дремал. Правая рука его висела на перевязи. В десяти шагах от него конный казак вез развернутое знамя. Головной эскадрон лениво запевал

*Бабель
с Сергеем
Эйзен-
штейном*

похабные куплеты. Бригада тянулась пыльная и бесконечная, как крестьянские возы на ярмарку. В хвосте пыхтели усталые оркестры».

А вот мироощущение автора после другого боя, в котором он немело скакал вслед за буденновцами в атаку, сошелся лицом к лицу с врагом, но так и не смог выстрелить:

«Деревня плыла и распухала, багровая глина текла из ее скучных ран. Первая звезда блеснула надомной и упала в тучи... Вечер взлетел к небу, как стая птиц, и тьма надела на меня мокрый свой венец. Я изнемог и, согбенный под могильной

коронай, пошел вперед, вымаливая у судьбы простейшее из умений — умение убить человека».

У Бабея Первая конная сильно отличается от той, что романтизирована официальной пропагандистской литературой. Красные казаки, с протяжным криком «Даешь!», рассекающие шашкой горячий воздух и несущие в девственном сознании лозунги Ленина, люди первобытных инстинктов, отторгнутые от родных хуторов и станиц, не боявшиеся проливать ни свою, ни чужую кровь, разве могли они понять метущуюся душу «четырёхглазого» прикомандированно-

го, который в убитом поляке видел брата!..

В печати развернулась острая полемика. Первым ополчился на «Конармию» сам Буденный, назвав ее «сверхнахальной бабелевской клеветой». Горький встал на защиту книги. «Товарищ Буденный, вы не правы», — писал он в газетной статье, утверждая, что автор показал бой-

ветской литературы. Видный критик А. Лежнев в 1927 году прозорливо заметил: «Бабель не похож ни на кого из современников — современники начинают понемногу походить на Бабея. Его влияние на литературу становится все более явным».

И все же яркие попытки найти в революционной стихии страсть и романтику обернулись для писате-

В 1920 году Бабель был направлен военным корреспондентом в Первую конную армию. На марше и в перерывах между боями он вел дневник, из которого впоследствии и выросла поразительная «Конармия». Неприкрытая правда Гражданской войны предстала в этом цикле рассказов, как на ладони, в неповторимых деталях исторических событий

цов Первой конной армии «лучше, правдивее, чем Гоголь запорожцев в «Тарасе Бульбе».

Эта лестная похвала из уст «великого пролетарского писателя» и личного друга «вождя» не помешала, однако, Сталину раздраженно обронить, что Бабель «не понимает того, о чем пишет». Организатор и вдохновитель окончившегося полным разгромом авантюрного похода армии Буденного на Варшаву этой книги Бабею не простил...

Тем не менее, бабелевское творчество уже рассматривалось как значительное явление молодой со-

ля душевной мукой. «Почему у меня непроходящая тоска? — признается он в дневнике. — Потому что... я на большой непрекращающейся панихиде». Своеобразным спасением оказался для Исаака Эммануиловича фантастический, гиперболизированный мир «Одесских рассказов».

«Забудьте на время, что на носу у вас очки, а в душе осень. Перестаньте скандалить за вашим письменным столом и заикаться на людях. Представьте на мгновение, что вы скандалите на площадях и заикаетесь на бумаге... Что сделали бы вы на месте Бени Крика? Вы ничего бы не сделали.

А он сделал. Поэтому он Король, а вы держите фигу в кармане». Так говорит предполагаемому слушателю старый Арье-Лейб, вымышленный рассказчик, повествующий об уголовных «подвигах» Бени Крика, эдакого молдаванского Робин Гуда, прообразом которого послужил одесский бандит Михаил Винницкий по кличке Мишка Япончик. В реальной действительности его, вместе с еще одним колоритным персонажем «Одесских рассказов», старым налетчиком Фроимом Грачом, расстреляет в вагоне за городом бывший истопник-балагур. И они будут лежать в поле у костра, прикрытые рогожей, из-под которой «высовываются их босые ноги».

Требовательность Бабеля к себе была необычайной. Один только рассказ «Любка Казак» (прототипом его героини стала легендарная Сонька Золотая Ручка) прошел около 30 серьезнейших редактур, над каждой из которых автор работал несколько месяцев. Трагедия заглавных персонажей «Одесских рассказов» наиболее ярко воплотилась в образе Фроима Грача, пытающегося заключить с новой властью «договор чести» и гибнущего.

Печален реальный конец бабелевской Одессы, пережившей все и оказавшейся ненужной как настоящему, так и будущему. В известном смысле цикл «Одесских рассказов» перекликается с «Конармией». Оба они — о гибели прежнего мира. Мира пестрой, сочной Молдаванки, пе-

ремальываемой и обезличенной жерновами революции.

Параллельно с рассказами о гибели старой бандитско-еврейской Одессы Бабель начинает на том же материале цикл новелл о рождении художника. Первая из них — «История моей голубятни», с посвящением М. Горькому, так и осталась незаконченной. Он сочинял ее очень долго, и появилась она в 1925 году, с указанием на автобиографический характер замысла. На смену исторической легенде о живописных налетчиках с Молдаванки приходит личностная история — о семье, детских переживаниях, скитаниях и формировании писателя. Здесь уже, как и в новелле «Пробуждение» (напечатана впервые в 1931 году в журнале «Молодая гвардия»), щедрая избыточность красок и метафор «Одесских рассказов» уступает место образной простоте.

«Все мне было необыкновенно в тот миг и от всего хотелось бежать и навсегда хотелось остаться. Темнеющая комната, желтые глаза бабушки, ее фигурка, закутанная в шаль, скрюченная и молчащая в углу, жаркий воздух, закрытая дверь, и удар хлыстом, и этот пронзительный свист... Из этого тревожного состояния меня вывел звонок».

«История моей голубятни» должна была дать название целой и цельной новеллистической книге, которая, к сожалению, не увидела свет. Сложилась своеобразная «трило-

*С дочерью
Наталией
Гронфайн-
Бабель*

гия» («Мой первый гонорар» — «Справка» — «Гюи де Мопассан»). К ней примыкает «Ди Грассо», самый поздний из тогдашних, навеянных Одессой текстов. Он посвящен магии подлинного искусства, которой в полной мере владел Бабель, любивший шуточно повторять: «Стилем-с берем, стилем-с».

Что же до предполагаемой автобиографичности этих новелл, то, когда в конце 30-х годов вторая жена писателя как-то спросила, автобиографичны ли его рассказы одесского цикла, Исаак Эммануилович твердо ответил: «Нет». Воображение боль-

шого художника, помноженное на богатый жизненный опыт, и впрямь способно творить чудеса.

Второй женой Бабея, подарившей ему последние 7 лет счастья и посвятившей его памяти всю свою долгую оставшуюся жизнь, была инженер-конструктор Кузнецкстроя Антонина Пирожкова. Вчерашняя студентка, тоненькая, сероглазая девушка, встретила с Исааком Эммануиловичем у председателя «Востокстали» Я. Иванченко летом 32-го. Тот пригласил ее в Москву, прочитав о ней восторженную заметку в куз-

Исаак Бабель

нецкой газете. А Бабель как раз захал на обед к старому приятелю прямо из Кремля, где получил разрешение на поездку во Францию, чтобы навестить бывшую жену и трехлетнюю дочь, которой еще ни разу не видел.

С художницей Евгенией Гронфайн он расстался в 1925 году. Она эмигрировала, а Бабель наотрез отказался покидать Россию. Наведался к ней потом в Париже, прожил там некоторое время, и у них родилась дочь Наташа. Но вскоре брак распался окончательно. Не повезло писателю и с гражданской женой, актрисой Тамарой Кашириной, хотя она родила ему сына Эммануила. Впоследствии Каширина вышла

замуж за обласканного советской властью драматурга и прозаика Вс. Иванова, который воспитал Эммануила как собственного сына.

В 1934 году они с Бабелем были делегатами I Съезда писателей СССР. Ранее и потом не раз пересекались в зарубежных командировках. Вместе с Борисом Пастернаком и другими крупными литературными деятелями СССР принимали в 1935 году участие в проходившем в Париже Конгрессе писателей в защиту культуры перед лицом надвигающейся угрозы фашизма.

То была последняя поездка Исаака Эммануиловича за границу. Тучи сгущались. В 36-м был издан последний прижизненный сборник бабелевских новелл. Год спустя он объявил в печати об окончании пьесы о герое гражданской войны Г. Котовском. В 39-м сообщил о завершении им сценария «Старая площадь».

Оба произведения так и не увидели свет при жизни писателя. А ведь Бабель был признанным киносценаристом и драматургом. Его перу принадлежат сценарии фильмов «Соль», по своему же великолепному рассказу, и «Еврейское счастье» (1925), «Блуждающие звезды» по роману Шолом-Алейхема (1926), «Беня Крик» (1927), «Китайская мельница» (1928), «Летчики» (1935). Он трудился над экранизациями романа Николая Островского «Как закалялась сталь» и поэмы Всеволода Багрицкого «Дума про Опанаса».

Последний сценарий Бабель написал для киностудии «Союздетфильм». Это были «Мои университеты», в основу которых легла автобиографическая трилогия Максима Горького. Соавтором писателя выступил режиссер картины Марк Донской. Алексей Максимович к фильму отнесся прохладно, но приезжавшим к нему гостям на полном серьезе характеризовал, представляя им автора «Конармии» и «Одесских рассказов», гением. При этом в титрах художественной ленты по горьковской книге фамилия Бабеля не указана.

В 1935 году он, совместно с близким другом Сергеем Эйзенштейном, написал сценарий его уникальной картины «Бежин луг». Вскоре после выхода на экран картину запретили и даже уничтожили как «идейно порочную».

Во многом такой же «идейно порочной» оставалась в глазах властей и замечательная пьеса Бабеля «Закат». Остросоциальная драма, непосредственно примыкающая к «Одесским рассказам», она уже безо всякой «этнической экзотики» показывает неизбежную, жестокую борьбу и победу сыновей, рвущихся завладеть дореволюционным извозом отца, прославленного одесского биндюжника Менделя Крика.

Пьеса была поставлена двумя театрами в Одессе — русским и украинским, а в 1928 году пошла на сцене МХТ. Однако после 12 спектаклей ее сняли с репертуара за «иде-

Антонина Пирожкова

ализацию хулиганства» и «тягу к мещанскому подполью». В наши дни «Закат» вернулся на театральные подмостки страны. Маститый кинорежиссер А.Зельдович перенес эту пьесу на большой экран. Другая бабелевская пьеса «Мария» при жизни автора до сцены не добралась.

С ужесточением цензуры и наступлением эпохи «большого террора» середины 30-х годов Бабеля, несмотря на все его усилия, печатали все меньше и меньше. Словно в насмешку, президиум Союза писателей утвердил его членом редсовета Гослитиздата. Ему приходилось заниматься переводами с французского, языка идиш, перебиваться случай-

ными литературными заработками, дабы прокормить семью. При этом он оставался все таким же бессребреником, как и в пору относительного материального благополучия.

В попытках прервать творческое молчание Исаак Эммануилович в 30-е годы ездил «за материалом»

в частном письме, — *не с чем показаться к хорошим людям».*

Они долго не расписывались, а жить вместе стали лишь спустя два года после первой встречи, хоть и полюбили друг друга почти сразу. Познакомившись, Исаак Эммануилович стал приглашать Антонину

С ужесточением цензуры и наступлением эпохи «большого террора» середины 30-х годов Бабеля, несмотря на все его усилия, печатали все меньше и меньше. Приходилось заниматься переводами с французского и перебиваться случайными заработками, дабы прокормить семью. При этом он оставался все таким же бессребреником, как и в пору относительного материального благополучия

в Кабардино-Балкарию, на Донбасс и Днепрострой. Ранее собирал в поездках по сельхозрайонам материалы для романа о коллективизации, которая его ужаснула. Со своей будущей женой Антониной Пирожковой он делился увиденным: *«Повидал я в Гражданскую потасовку много унижений, топтаний и изничтожений человека как такового, но все это было физическое унижение, топтание и изничтожение. Здесь же... добротного, мудрого и крепкого человека превращают в бездомную, шелудивую и паскудную собаку, которой все чураются...»*

«Очень плохо живется и душевно, и физически, — признавался он

на прогулки по Москве, которую знал и любил, показывал ей заповедные городские уголки. Девушка долго дичилась. Стоило Бабелю прикоснуться к ее руке, и она прятала руку за спину. Большая разница в возрасте, внешности и социальном положении играли свою роль. Через несколько месяцев, уезжая во Францию повидать дочь от первой жены, писатель предложил перебравшейся в столицу Антонине пожить, пока он будет в отъезде, в его квартире.

Квартиру он делил с отсутствовавшим тогда австрийским инженером Б. Штайнером, что было по тем временам совсем не безопасно. Как, впрочем, и дружеские отношения

*Исаак
Бабель
с женой
Антониной
и дочерью
Лидией*

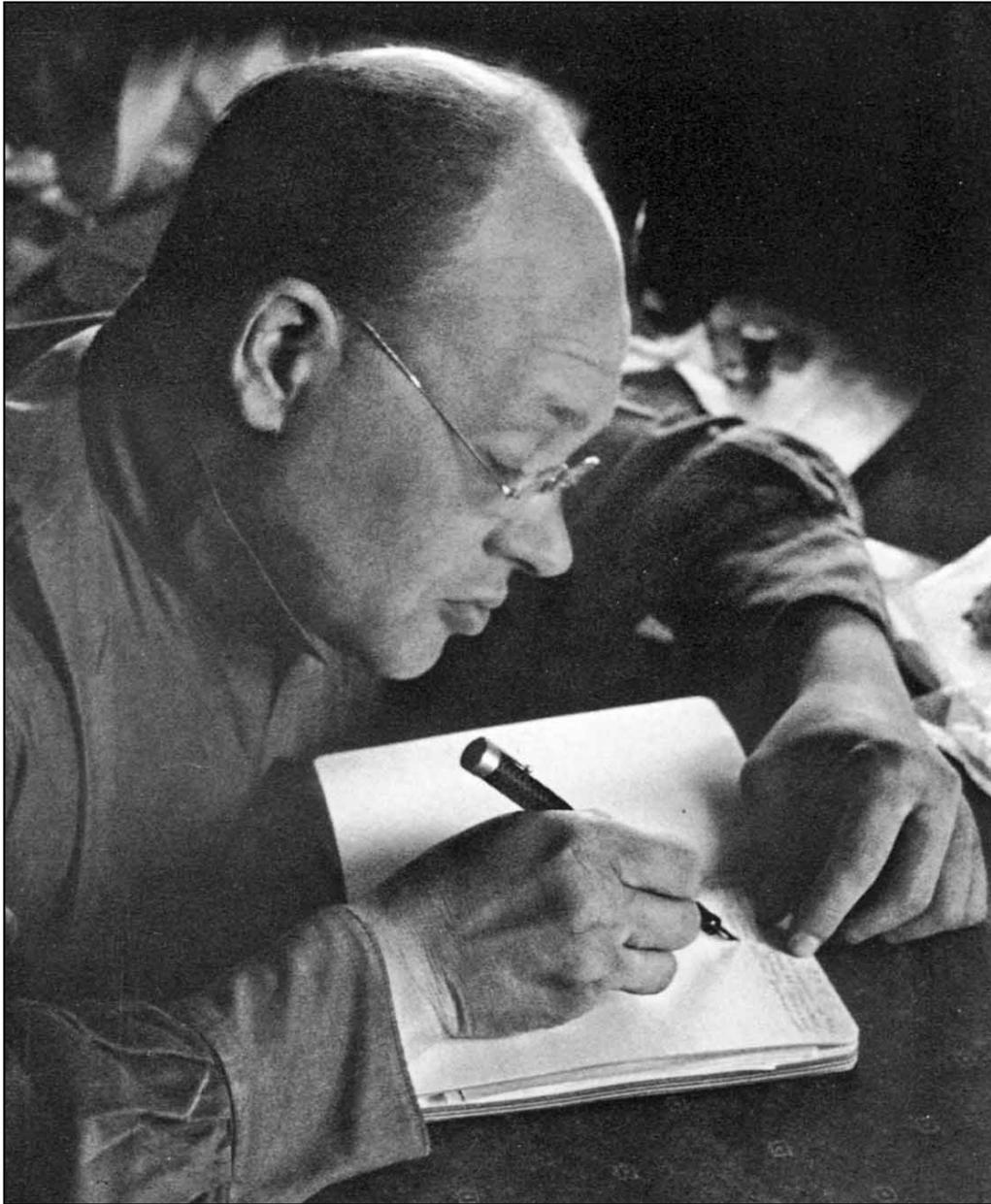
с женой всемогущего комиссара внутренних дел Н. Ежова, приятельские застолья с иностранными корреспондентами. Все это после ареста ему припомнили на Лубянке. А Бабель, не задумываясь над последствиями, продолжал до поры «играть в жмурки» с судьбой...

Его возвращение из Франции совпало с отпуском Антонины, и они поехали в Сочи. Вот там будущая жена писателя узнала «вредную» привычку Исаака Эммануиловича раздаривать без колебаний все, что могло понадобиться другим. Так, услышав, что какая-то женщина за соседним столиком в ресторане не может достать билет до Москвы,

он тут же отдал ей билет Пирожковой. В этом отношении Бабель не поддавался никаким доводам разума и совершенно спокойно расставался с дорогими вещами, если считал, что они кому-то нужнее.

Все быстро пролетевшие годы совместной жизни Бабеля и Пирожковой были наполнены любовью, счастливой непосредственностью, способностью удивляться и радоваться миру, людям. В 37-м у них родилась дочь Лида. Бабель шутил: мол, буду одевать ее в поношенные тряпки, чтобы она замуж не вышла и была родителям утешением в старости.

К писателю часто обращались родственники его знакомых, кото-

рые по ложным доносам или подозрениям оказались в застенках НКВД. Он бесстрашно хлопотал за них, передавал посылки тем, кому удалось выжить, не замечая уже занесенного над собственной головой дамоклова меча...

За ним приехали на дачу в Переделкино, где он работал, 15 мая 1939 года, предварительно захватив с со-

бой его жену. Обыскали весь дом, изъяли архив и увезли супругов в одной машине. По дороге они все время держались за руки, а, прощаясь, Антонина сказала мужу, что будет относиться к разлуке, как к его временному отъезду в Одессу. Больше им не суждено было увидеться.

Исаака Бабеля расстреляли 27 января 1940 года, через день после оглашения на закрытом заседании

приговора Военной коллегии Верховного Суда СССР. На непрерывных допросах писателя подвергали пыткам и вынудили признать связь с троцкистами, а также то, что он намеренно искажал социалистическую действительность, умалял роль партии и «шпионил» в пользу Франции. Расстрельный список подписал лично Сталин. Прах Бабеля был захоронен в общей могиле Донского кладбища.

Антонина Николаевна еще 15 лет обивала пороги всех силовых ведомств, пытаясь выяснить судьбу

остатки архива Бабеля, воспоминания о нем современников, писала собственные мемуары, безуспешно пытаясь получить сведения о бумагах мужа, изъятых при аресте. Подобно вдове Булгакова, замуж она больше не вышла и умерла на 101-м году жизни в Америке, где доживала дни у дочери с внуком.

Бабель был посмертно реабилитирован в 1954 году и при активном содействии Константина Паустовского возвращен в советскую литературу. В 1957 году вышел сборник «Избранное» с предисловием Ильи Эрен-

3 а ним приехали на дачу в Переделкино 15 мая 1939 года.

Обыскали весь дом, изъяли архив и вместе с женой увезли на машине. Больше супругам не суждено было увидеться. Исаака Бабеля расстреляли 27 января 1940 года, через день после оглашения приговора Военной коллегии Верховного Суда СССР. Расстрельный список подписал лично Сталин

арестованного мужа. Ей везде отвечали одно и то же: жив, находится в ссылке. Правду она узнала лишь после смерти Сталина.

Вдова писателя являлась одним из самых талантливых инженеров-проектировщиков, в числе первых проектировала Московский метрополитен, занимала должность главного конструктора Метропроекта. И всю жизнь по крупицам собирала

бурга, который назвал Бабеля «одним из выдающихся писателей 20-го века». Его творчество оказало влияние на литераторов так называемой «южнорусской школы» (Ю. Олеша, В. Катаев, К. Паустовский, А. Светлов, Вс. Багрицкий, Ильф и Петров).

В 1967 году группа альпинистов-одесситов, покорив на Памире безымянную вершину высотой 6007 метров, присвоило ей имя: Пик Бабеля.

Его именем названа одесская улица и далекий астероид, открытый в Крымской астрофизической обсерватории.

«Рассказчик, — утверждал В. Шукшин, — всю жизнь пишет один большой роман. И оценивают его потом, когда роман дописан и автор

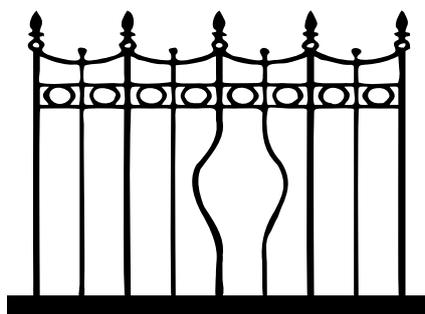
умер». Думается, недописанные бабелевские романы, заключенные в его коротких новеллах, по-своему иллюстрируют неизбежность судьбы этого большого мастера.

«Возьмите с собой мои слова и начинайте идти». Вот его завет нам. □

Леонид Доброхотов

ЖАЖДА

СЛАВЫ!

В ночном клубе Борису выпал шанс презентовать публике пару своих песен под гитару в собственном исполнении. Он долго этого добивался и даже заплатил кое-кому денег для продвижения. Перед его номером на сцене выпендривались полуголые девицы в бурлеске и сорвали бурные аплодисменты с криками «браво». Когда же на площадку вышел неизвестный бард, посетители клуба сосредоточились на выпивке, закуске и болтовне, не проявляя особого интереса к артисту. Борис спел историческую песнь про римского императора Нерона, надрывая голосовые связки и выворачивая все свое нутро наружу. Хоть бы кто голову повернул в его сторону! Тогда он затянул свою «коронку» — лирическую. Зал громко переговаривался, кто-то направился в курилку, а подвыпивший толстяк бросил в его сторону: «Ну, хватит ныть уже! Скулы сводит!» Администратор начал делать рукой круговые движения, мол, сворачивайся. Тогда автор песни врезал последний аккорд, да так сильно, что порвал первую струну клубной гитары.

— Дебилы! — крикнул он в микрофон, прислонил инструмент к стене и выбежал на улицу.

Борис был болен, и он сам это осознавал. Нет, физического здоровья ему не занимать. Это болезнь психологического, а лучше сказать пневма-

тологического или духовного характера, захватившая целиком все его существо. Он жаждал славы! Жаждал в любое время года, суток, каждый час, минуту и секунду. Начитанный и эрудированный, Борис не был лишен разнообразных способностей. Окончив журфак, он не только писал статьи, но сочинял песни, а также рассказы и даже пьесы, к тому же неплохо рисовал и играл на музыкальных инструментах. Даже навскидку он был достоин хотя бы малой толики известности. За что судьба обходила его стороной? Почему перст божий не указывал на него? Ведь он талантлив, умен, красив, в конце концов!

Борис сделал на ходу большой глоток коньяка, купленного в ночном магазине, но напиток не успокаивал, а еще больше распалял гнев и зависть. Вдруг он увидел впереди метрах в ста согнутого под прямым углом человека. Бард прошагал еще полминуты. Человек не шевелился, причем головы его не было видно, только одно склоненное туловище чернело в перспективе улицы. Что бы это значило? Он подошел к странному феномену и ощутил резкий запах давно немытого тела. Так и есть, бомж. Теперь Борис различил и голову бомжа, которая была просунута между прутьев ограды и выходила в небольшой садик перед многоквартирным домом. Остальная часть тела от шеи до стоп располагалась на тротуаре, она-то и была видна издали.

— Живой?

Бомж закричал и почесал грязной кроссовкой икру другой ноги. До этого он, видимо, дремал.

— Помогите выбраться из этих тисков, — простонал бродяга.

Борис понял, что несчастный застрял в ограде.

— Какая сволочь тебя сюда засунула?

— Сам, — вздохнул узник.

— Как сам?! Зачем?!

— Помоги освободиться. Потом расскажу.

Борис вдохнул свежего воздуха и, не дыша, чтобы избежать попадания специфического амбре в нюхательный орган, рванул бомжа за плечи.

— Ой! Ой! Ой! — заорал тот. — Голову оторвешь!

Спасатель начал разжимать прутья руками, но железяки не поддавались.

— С той стороны надо толкать, — дельно посоветовал бомж.

— Делаю последнюю попытку, — зло бросил Борис. — У меня своих проблем хватает!

Он обошел ограду через калитку, которая была метрах в двадцати, и, приблизившись к голове несчастного, вдруг впился взглядом в наклоненный профиль.

— Ну-ка! — приподнял Борис голову бомжа за подбородок. — Леха? Алексей Нащокин?!

— Ну, я. А ты кто?

— Борис Нечаев! Мы с тобой сокурсниками были в универе!

— А! Здравствуй, Боря! — ласково поприветствовала голова Лехи.

Алексей считался самым способным студентом в группе, и ему пророчили блестящую карьеру журналиста. Но он увлекся экзистенциализмом, стал считать, что личность растворяется в коллективе и, тем самым, нивелируется. Вероятно, это его и сгубило.

Борису заметно полегчало. Вот ведь, человек талантливее его, а как низко пал! Какое страшное расстояние отделяет Леху от славы по сравнению с ним! Настроение улучшилось, сладкая волна сочувствия к неудачнику прокатилась по сердцу, и благородные мысли зароились в мозгу. «Надо будет ему помочь по жизни, — подумал Борис. — Пристрою-ка его на работу в свою газетенку хотя бы курьером. Он снова обретет человеческий вид и будет по гроб жизни благодарен мне, что я вытащил его с социального дна».

— Сейчас, Лешка, мы тебя спасем.

— Ты помоги выбраться. А спасет другой.

— Кто же?

— Спас, разумеется.

— Каламбурщик!

Борис сделал глоток коньяка и размял пальцы. Голова Лехи мгновенно приподнялась, и он жадно всосал ноздрями коньячный дух.

— И мне глоточек! — заговорил он беспокойно. — Вместо наркоза перед операцией-то!

Борис осмотрел бутылку на свет, оценил количество оставшегося напитка и вздохнул с досадой:

— Ну, если в качестве обезболивающего... На!

Он поднес бутылку к голове экзистенциалиста, шея которого неожиданно вытянулась, и губы плотно обхватили горлышко бутылки. Философ начал тянуть коньяк, как теленок молоко из вымени матери и, в несколько секунд осушив квадратненькую, громко крякнул от удовольствия:

— Живем!

— Теперь к делу! Пытайся расширить балясины руками и одновременно тянуть голову назад. Я же буду толкать твой череп вперед от себя. Эх, вазелина бы!

— Послюнявь.

Борис обильно наплевал на ладони, растер ими щеки и уши Алексея и скомандовал:

— Поехали!

Но пострадавший снова закричал от боли. Новая технология не сработала.

— Терпеть надо! — психанул Борис. — Неженка! И как тебя только угораздило так вляпаться!

— Как-как! Мы с приятелями сумку стырили у одного фраерка. Зашли во двор посмотреть, что в ней лежит. И тут Кришна шепчет: «Менты!»

— Кришна? Внутренний голос, что ли?

— «Погонялово» такое у бомжа одного. Хорошо, что предупредил. Сам как рванет! Ну, и мы врассыпную. Добежал я до этого места. Тут раньше дырка в ограде была. Видишь, тропка от меня идет? Очень удобно, особенно, когда убегаешь от кого-то. Раз — и нет тебя! Пока сообразят, что к чему, ты уже дворами ушел в другие переулки. Я по привычке в эту дырку нырнул головой, а в ней прут приварили. Вот и застрял как Винни-Пух! Ха-ха! Ты-то куда лыжи наострил в такую рань?

— Я?.. Э-э... Меня в ночной клуб пригласили выступить... Спел пару своих песен. Вот возвращаюсь домой. Довольно восторженно принимали...

Алексей тихонечко запел:

— «Таганка, ты — ночи, полные огня. Таганка, зачем сгубила ты меня...»
Эх, Борька, сгонял бы еще за бутылочкой!

— Что, хорошо стало? И выбираться уже незачем?

— Не плохо. Бывает хуже. А без ножовки по металлу ничего не выйдет. Ergo — надо выпить.

В голове Бориса мгновенно созрел план: вызвать Службу спасения, которая зафиксирует все на телекамеру, и его, Бориса, покажут в новостях, как главного спасателя!

— Мне позвонить надо, — сказал он и отдалился на десяток метров.

Войдя через айфон в Интернет, узнал контакты Службы спасения и позвонил. Там ответили, что все бригады на выезде, но адрес катастрофы записали и обещали спасти. Он звякнул на один из каналов телевидения и описал им пикантную ситуацию. В трубке рассмеялись и ответили: «Едем!»

А между тем близился рабочий день, и улицы засуетились спешащими по делам прохожими. Некоторые бросали короткие удивленные взгляды на пойманного оградой человека и быстро проходили мимо. Другие реагировали улыбками или откровенным смехом. Третьи вообще ничего не замечали, будто бы Леха торчал здесь с незапамятных времен, и эта городская достопримечательность давно им приелась.

— Вот высвободим тебя и на работу устроим, — выдал Борис аванс надежды на благополучие.

— Тщета все это, Боря.

Дискуссию прервали прибывшие телевизионщики. Борис разыграл им всю ситуацию с привязкой к натуре.

— Я дам вам сногшибательное интервью, — возбужденно говорил он. — Сначала я буду вещать у тела пострадавшего, потом переместимся в садик к его голове...

— Спасибо, что сообщили, — перебила его девушка-репортер. — От вас больше ничего не требуется. Отойдите, пожалуйста, от объекта. Паша, здесь подсветка нужна!

Телевизионщики быстро расставили и подключили аппаратуру. Вокруг скапливались любопытствующие.

— Боря, чегой-то такое? — шептал Леха. — Что за суета?

— Радуйся! Телевидение тебя приехало снимать! Я вызвал!

— Мы же сумку стащили! И документов у меня никаких! Посадить меня хочешь? Ну и свинья же ты!

— Но-но! Следи за словами, урод! А про сумку не упоминай. Просто торопился куда-то и побежал.

— Опять вы здесь! — повысила голос репортер. — Немедленно покиньте съемочную площадку!

Борис отошел к толпе зевак. Девушка, закрепив на воротнике Лехи петличку с микрофоном, присела на корточки перед его головой и подала знак оператору, чтобы включал камеру.

— Как вас зовут?

— Мое имя слишком известно, воздержусь его называть.

— Как вы попали головой в ограду? Это сделали хулиганы? Скинхеды? Поднимите же ему голову кто-нибудь!

— Давайте я! — вызвался Борис.

— Ну, давайте!

Борис элегантно привычным жестом приподнял голову Лехи за подбородок, рисуясь перед камерой.

— Только одно лицо крупняком, — дала она указание оператору и кивнула на Бориса. — Этого не снимать. Над вами издевались?

— Нет-нет. Все хорошо, — улыбалась голова Лехи. — «Сотри случайные черты, и ты увидишь, мир прекрасен», как писал Александр Блок.

— Вы живете на улице?

— Что вы! У меня пентхауз в Сити. Вообще, я ваш коллега и провожу эксперимент.

— Какой же?

— Я затесался в группу бомжей, чтобы изучить их жизнь и написать об этом. Конечно же, до пьесы Горького «На дне» мне далеко. Но хотя бы очерк, как когда-то Гиляровский про Хитровку.

— И для этого пару месяцев не мылись?

— Что вы! Это я изобрел специальный одорант — растворенный в тройном одеколоне этилмеркаптан. Он удивительно имитирует запах немытого тела. Вот им и душусь, чтобы не заподозрили чужака.

— Невероятно! Но как вы оказались в такой экстравагантной ситуации?

— Специально! Чтобы привлечь общественность к проблеме нищеты! Когда толстосумы прохлаждаются на своих роскошных яхтах, люди, которых аферисты лишили жилья, вынуждены рыться в мусорных контейнерах в поисках пропитания! «Suimscueque» — долдонят олигархи латинскую поговорку. Нет, не каждому свое, а от каждого по способности, каждому по труду!

— Вы коммунист?!

— Я трансрациональный антиномистический монодуалист!

— Потрясающе! А как... как вы оцениваете международную обстановку?

— Отдельный разговор. Пока лишь скажу: *nildesperandum* — не надо отчаиваться!

Борис, поддерживая подбородок лгуна, нервничал. Глаза его расширились, округлялись, лицо бледнело от зависти, краснело от гнева и зеленело от вопиющей несправедливости.

— Он все врет! — дрожащими губами произнес он.

Но его не услышали, так как подкатила Служба спасения, представители которой протиснулись к эпицентру катастрофы и перехватили общее внимание.

— Я не покину ограду, пока власти не начнут устранять проблемы бомжей! — гневно закричал оратор. — Никто не смеет лишать меня трибуны!

— Но вы уже привлекли СМИ своим гениальным ходом, — уговаривала его репортер. — Вам надо освободиться!

— Думаете? Ладо уж, пусть освобождают, — охотно сдался наглеч.

— Продолжайте снимать! — бросила репортер и стала оживленно разговаривать по телефону.

Спасатели с электроножовкой приблизились к объекту и приготовились пилить прут. Но тут из толпы выбежала энергичная женщина.

— Не позволю портить имущество! — закричала она. — Я техник-смотритель этого участка! Буквально вчера мы починили ограду, а вы снова ломать?!

Тогда спасатели применили домкрат, вставив его между прутьями над головой жертвы, промежуток расширился, и Леха, наконец-то, оказался на свободе.

— Как заново родился? — улыбнулся один из спасателей, подмигнув бомжу.

— Нет, при рождении вылезают головой вперед, — заметил Леха. — А я назад, в утробу своей прежней жизни. На дно.

К нему подошла репортер.

— Вы приглашены на телешоу в качестве героя. Генеральный вами заинтересовался. — Она протянула визитку. — Возможно, он предложит вам сотрудничество. Вы можете доехать до телецентра вместе с нами.

— Но мне нужно привести себя в порядок...

Вдруг Бориса прорвало.

— Не-ет! Это абсурд! — истерично завыл он. — Я, я должен быть на его месте!

И, быстро поплевав на ладони, растер слюну на своих щеках и ушах, взял короткий разбег и с силой воткнулся в ограду головой. Тело его осталось в садике, а голова выходила на улицу, то есть диаметрально противоположно положению предыдущего узника.

— Берите у меня интервью! — кричал он. — Я расскажу такие вещи, что вам и не снились! Про Нерона расскажу! Про трансцендентальную апперцепцию и категорический императив! Про все, что хотите, поведаю!

— Вызывайте психушку, — крикнула репортер и направилась к машине.

Зеваки весело улюлюкали и не собирались расходиться. Леха незаметно смешался с толпой и исчез. Служба спасения давно уехала. А техник-смотритель задумчиво смотрела на Бориса.

— Серега, — сказала она слесарю, — тащи ножовку и отпили один прут. А то повадятся сюда вот такие, да будут свою башку бестолковую в это место совать. Муниципальные проверки нагрянут — грехов не оберешься.

Она так сказала для отвода глаз. На самом деле у нее были свои виды на молодого мужчину, которого она собиралась спасти...

Эта дырка в ограде существует и поныне. Если уж человек проложил где-то тропу, то она не зарастет никогда. □

Светлана
Бестужева-Лада

Анна Павлова

*«Облако,
парящее
над землей»*

Так называли балерину Анну Павлову современники. Она действительно не танцевала, а словно парила над сценой. И не интересовало ее ничего, кроме театра, кроме балета. Другие примы Мариинки крутили романы с членами императорской семьи и не только, коллекционировали драгоценности, меха, особняки, роскошные выезды. Для нее этого словно не существовало, как не существовало «околобалетного» мира сплетен и интриг. Она танцевала — и только в этом была вся ее жизнь. Ну, почти вся.

Анна была незаконнорожденной дочерью крупного московского банкира Лазаря Полякова и его горничной — Любви Павловой. Отец дочь официально не признал, но позволил дать свое отчество и впоследствии внимательно, хотя и издалека, следил за ее жизнью.

Девочка родилась недоношенной 31 января 1881 года.

Из-за слабого здоровья росла худенькой, часто болела. Поляков устроил так, что первые годы жизни они с матерью жили на чистом воздухе в окрестностях Санкт-Петербурга. Не в Подмосковье — банкир тщательно оберегал свою репутацию, а сплетни о побочной дочери нанесли бы непоправимый урон его репутации. В Москве нравы всегда были более консервативными, чем в столице.

Там же, по-видимому, было выправлено и свидетельство о рождении Анны. В метрике не было прочерка после слова «отец», там значился некий солдат Лазарь Павлов. Не признавая дочь, отец избавил ее от унижительного определения «незаконнорожденная», и дал возможность в будущем вести нормальную, скромную жизнь.

Знал бы он, какой «скромной» она окажется!

Мать обожала дочку, баловала по мере сил, а однажды, скопив немного денег, купила билеты на премьеру «Спящей красавицы». Почему балет, о котором хрупкая и болезненная Аля Павлова слышала краем уха? Неизвестно.

Но это зрелище в корне изменило ее судьбу. Тихая и кроткая, никогда ни о чем не просившая девочка твердо заявила, что хочет стать балериной — и только балериной. Однако учеба в балетной школе стоила немалых денег, которые ее мать не смогла бы скопить за всю жизнь.

Заплатил банкир.

Перед членами приемной комиссии предстал бледный малокровный ребенок со сгорбленной спиной. И случилось чудо — Аню приняли в школу. Разумеется, чудо было рукотворным: Лазарь Поляков мог бы рассказать о том, как оно произошло, но предпочел — как всегда! — этого не делать.

В 1891 году девочку приняли в балетное училище. Дисциплина там была очень строгая. Занятия только балетным искусством длились по 8 часов ежедневно. И более крепкие не всегда выдерживали — уходили. Некоторые, но не Анна.

Уже тогда у Анны Павловой проявился боевой дух и колоссальная сила воли.

Она старалась быть лучше всех, хотя из-за слабого здоровья переносить такие нагрузки ей было тяжело.

Поначалу многие педагоги сомневались, что из девочки выйдет толк. Но их сомнения развеялись уже после первого года обучения. Хрупкая девочка выросла, окрепла, освоила начальную технику. И раскрыла свой талант, которому среди дру-

*Анна Павлова
в детстве*

гих учениц балетной школы не было равных.

Во время учебы Анны к ним в училище приехала с визитом царская семья. Анна вместе с другими воспитанницами тогда впервые вышла на сцену перед такой важной публикой. Но, казалось, это не произвело на нее ровным счетом никакого впечатления. Она просто танцевала — как всегда, как будто за ней наблюдали не государь с государыней и царскими детьми, а педагоги в классе во время занятий.

В 1898 году 16-летняя Анна окончила училище с «красным» дипломом и присвоением звания «первой танцовщицы». Выпускной партией была роль дочери дворецкого в спектакле «Мнимые дриады».

Молодая выпускница сразу попала в состав Мариинского театра. Вы-

глядит, как чудо, но такова была сила ее таланта. Первый раз на большой сцене она выступила в танце втроем в балете «Тщетная предосторожность». Через два года ей доверили танцевать центральную партию в постановке «Дочь Фараона» на музыку Цезаря Пуни.

Чуть позже Анне Павловой поступило предложение станцевать роль Никии от Мариуса Петипа, который ставил «Баядерку».

В 1903-м она танцевала партию Жизели в одноименном балете. Сцена была буквально завалена цветами. Повторить этот триумф много лет спустя смогла только Галина Уланова. И не просто повторить — затмить, что было практически невозможно и произошло только потому, что большинство верных поклонников Анны Павло-

вой к тому времени жили уже не в России.

Начало XX века ознаменовалось новаторскими идеями и реформами в балетном искусстве, активным сторонником которых был хореограф Михаил Фокин. Анна Павлова стала первой, кто участвовал в его постановках. Она танцевала партии в «Эвнике», «Шопениане», «Египетских ночах».

Газеты писали о начинающей балерине с восторгом:

«Гибкая, музыкальная, с полной жизни и огня мимикой, она превосходит всех своей удивительной воздушностью. Когда Павлова играет и танцует, в театре особое настроение».

Однако самым выдающимся плодом сотрудничества с Фокиным стал балет «Умиравший лебедь», в котором звучала музыка Камила Сен-Санса.

Анна выполнила эту партию практически на полной импровизации.

И этот танец стал символом и шедевром всего балетного искусства.

Сам композитор, присутствовавший на спектакле, был потрясен современной трактовкой его музыки и тем, как балерина смогла передать эту гамму чувств через танец. Представленный балерине, он, восхищенный ее выступлением, воскликнул:

— Мадам, благодаря вам я понял, что написал восхитительную музыку!

Естественно, у нее появились поклонники, мужчины назначали ей свидания, дарили подарки, однако Анна отвергала всех, а щедрые дары отсылала назад растерянным уха-

жерам. Она была горда, чувственна и непредсказуема.

«Я — монахиня искусства. Личная жизнь? Это театр, театр, театр», — не уставала повторять Павлова.

И... лукавила. Анна категорически отвергала случайные связи. Поэтому в отличие от коллег она долго оставалась одинокой. Но личная жизнь у нее, конечно же, была, только балерина тщательно скрывала ее ото всех.

Впрочем, особо скрывать было пока нечего.

В феврале 1906 года после одного из выступлений Анне преподнесли огромную корзину хризантем от анонимного поклонника. С тех пор

подобные подарки гениальная танцовщица стала получать после каждого выхода на сцену. И по-прежнему, ни записки, ни даже визитной карточки...

Так продолжалось четыре года. Роскошные букеты, которые невозможно было вернуть неизвестно кому, и атмосфера таинственного

поклонения издалека «жрице искусства».

Хотя никто бы не осудил молоденькую прима-балерину за один или даже несколько романов. «Любовницы из Мариинки» — это был высший шик, доступный далеко не каждому. А товарки Павловой даже гордились тем, что им поклоняются

такие знатные, богатые и влиятельные господа. Наличие таланта в данном случае становилось вещью второстепенной.

В 1907 году Мариинский театр поехал с гастролью за границу в Стокгольм. Там выступления прошли с большим успехом. Именно после этих гастролей в Европе впервые заговорили о блистательной моло-

дой балерине, выступления которой имели такой оглушительный успех, что даже король Оскар II, восхищенный талантом Павловой, на прощание вручил ей орден «За заслуги перед искусством».

Восторженная толпа встречала балерину овациями.

«Меня встретили целой бурей рукоплесканий и восторженных кри-

*Анна
Павлова
и Виктор
Дандре*

ков. *Я не знала, что делать*», — вспоминала Анна Павлова.

Однако она хотела свободы в действиях и самостоятельности в принятии решений.

В 1909 году Анна сама поставила спектакль «Ночь Рубинштейна». Этот танцевальный монолог о безумной страстной любви публика встретила овациями.

Тогда балерина, оглушенная успехом, приняла решение уйти из театра. Театр не хотел отпускать свою прима, и Анна пошла на компромисс: она заключила контракт лишь на участие в некоторых, наиболее любимых спектаклях.

Но идея создать свою мобильную труппу и заявить о русском ба-

лете на весь мир не оставляла великую балерину.

И тут появился, наконец, «таинственный незнакомец». Страстный поклонник на этот раз положил в корзину с цветами свою визитку и записку с приглашением на свидание, на которое Анна после недолгих колебаний согласилась.

Новый знакомый был выходцем из аристократической семьи, принадлежавшей к старинному дворянскому роду. Он занимал высокий пост советника в Сенате, был прекрасно образован, владел несколькими иностранными языками и всерьез увлекался искусством. Покровительствовать начинающей балерине, как это делали члены импера-

торской семьи, казалось Виктору престижным, и он действительно стал ее покровителем. Однако жениться на ней, о чем наивно мечтала девушка, и не думал. Он снял для Павловой квартиру, оборудовал одну из комнат под танцевальный зал, что для молодой балерины являлось в то время непозволительной роскошью.

Каждый раз, встречая девушку после спектакля, Виктор преподносил ей роскошные подарки, возил по дорогим ресторанам, приглашал в компании обеспеченных, интеллигентных и известных людей, а вечером привозил ее в квартиру, где часто оставался на правах хозяина до утра.

Но чем больше узнавала Павлова нового знакомого, тем отчетливей

понимала, что Дандре вовсе не нуждается в ней, а неравный брак со скромной девушкой для него невозможен. И она ушла от него, предпочтя одиночество унижительному положению содержанки.

«Я поначалу боролась, — вспоминала Павлова, — начала с горя просто кутить, желая что-то ему доказать!»

А потом, в который раз последовав своему девизу, она вернулась к работе. Но уже обеспеченной дамой, почувствовавшей вкус независимости.

«Артист должен знать все о любви и научиться жить без нее», — как-то обронила Анна.

В 1910 году она выплатила театру большую неустойку за прежде-

временное расторжение контракта и ушла в «свободное плавание». А чтобы быстрее забыть сердечные неурядицы, отправилась за границу. О Викторе она старалась не вспоминать.

Самостоятельные гастроли со своей уже труппой Павлова начала с оглушительного успеха во Франции и Англии. В Москве вышла на

сцену Зеркального театра, установленную в саду Эрмитаж. Затем последовал длительный тур по Европе. А немного позже Анна своим балетом поразила публику в США, Чили, Бразилии и Аргентине.

В каждой стране балерина любила изучать местные танцевальные традиции, а потом включала их в свои

балетные постановки. Балетная труппа Анны Павловой была единственной, у которой в репертуаре можно было увидеть восточные мотивы, африканские и индийские движения.

В Австралии были так покорены грацией и легкостью балетных танцовщицы, что в ее честь придумали воздушный десерт и назвали его «Павлова».

Во многих английских городах воздвигли памятники, изображающие русскую приму балета.

Ее называли «божественной» и «восхитительной». Говорили, что она — «Белый лебедь» и даже «Фея лебединой стаи». Одна девочка написала родителям: *«Помните, вы рассказывали: тот, кто увидит фею, будет счастлив всю жизнь. Я видела живую фею — ее зовут Анна Павлова»*.

Ее именем называли дорогие духи, а в модных лавках расхватывали манильские шали, так любимые Павловой.

Так к Анне пришла известность, и про нее стали говорить: *«В ее танце живет сам Бог»*.

А у Виктора Дандре тем временем дела шли неважно, словно Анна забрала с собой его удачу. Провернув неудачную сделку, предприниматель задолжал огромную сумму, погасить которую в положенный срок так и не сумел. Он попал в тюрьму, не найдя крупной суммы денег для внесения залога для освобождения на время длительного судебного процесса.

Родственники средств собрать не смогли, а богатые друзья отвернулись от неудачливого партнера. Для Дандре начался трудный период мучительного ожидания за решеткой в одиночестве и сомнениях.

А Анна блистала уже в Париже. Сергей Дягилев, который открыл во французской столице русский балетный театр, пригласив туда Павлову и Вацлава Нижинского, не просчитался. О русском театре заговорили, его стали посещать люди из высшего света, посмотреть на русскую балерину приезжали со всей Европы.

Будущее казалось таким заманчивым и ярким. Однако Павлова неожиданно покинула Париж и отправилась в Лондон. Спустя несколько месяцев Дягилев узнал, что его любимая солистка подписала контракт

с известным театральным агентством «Брафф», по кабальным условиям которого она должна была танцевать по два раза в день в трех странах — Англии, Шотландии, Ирландии. За это танцовщица получила аванс — внушительную по тем временам сумму, которую она... сразу же переправила в Россию для освобождения Виктора из тюрьмы. В Париже она узнала, что ее любимый человек — в тюрьме, и сердце ее дрогнуло. Других мужчин в ее жизни так и не появилось, а вот барон Дандре, уже не блистательный сановник, а нищий арестант, так и остался в сердце.

«В Париже я решила, что без Дандре жить не могу. Я сразу же вызвала его к себе, — вспоминала Павлова. — Мы тайно обвенчались

в церкви. Он ведь мой, только мой, и я его обожаю!»

Жить без любви она не могла, а поскольку Виктор покинул Россию, и возвращение для него было невозможным, навсегда осталась за границей и Анна Павлова.

Может быть, к лучшему?

Анна взяла у Виктора обещание, что он никому не расскажет об их браке. Обещание он сдержал, но постоянно находился рядом с ней.

Их брак оставался в тайне долгие годы. Виктор сдержал обещание, данное в день свадьбы Анне. Он поклялся молчать об их союзе. На великодушие бывший покровитель ответил сильнейшим чувством, которое вспыхнуло в его сердце, чтобы не угаснуть до последних дней.

Когда контракт подошел к концу, Анна решила организовать свой театр и набрала труппу артистов. Так бывшая прима Мариинского театра стала хозяйкой небольшого театра. В тот же год она купила роскошный особняк близ Лондона, на берегу чистейшего озера, где плавали белые лебеди и вокруг росли экзотические растения, привезенные балериной из разных уголков мира. Казалось, судьба супругов не зависела больше ни от кого.

Виктор взял на себя все хозяйственные заботы, обязанности бухгалтера и менеджера. Он отвечал на корреспонденцию, вел деловые и личные переговоры, организовывал гастроли, следил за костюмами и декорациями, принимал и увольнял актеров. Однако Павлова все чаще выражала недовольствие. Она упрекала мужа, скандалила, кричала, била посуду и плакала.

После долгих истерик и слез супруги помирились, и, казалось, их семейной идиллии опять ничего не угрожало. Вновь Виктор решал все проблемы жены, а Анна бегала по дому и театрально кричала служанке:

— Кто посмел вычистить ему ботинки? Кто в моем доме осмеливается заваривать ему чай? Это мое дело!

Однако эмоциональная и темпераментная Павлова могла тут же изменить настроение и с новыми обидами набрасываться на Виктора.

Друзья, часто становившиеся свидетелями этих ссор, спрашивали потом у Дандре, как он все это терпит и почему не ушел от Анны. Тот молчал. Видимо, у него на это были свои причины, известные только им двоим.

Он боготворил ее за щедрость и великодушие. А она не могла забыть ему нанесенной в юности обиды.

Простила ли она его — вряд ли мы когда-нибудь это узнаем. А привычка носить все в себе и никому ничего не рассказывать о своей жизни переродилась в нервную болезнь, от которой больше всех страдала сама Анна. Немудрено — тридцать лет каторжного труда, бесконечные гастроли, переезды из одной страны в другую...

*Анна
Павлова
и ее лебедь*

Мечтала ли она о детях? Кто знает. Сама, во всяком случае, ни разу не обмолвилась об этом даже случайно.

«Я — монахиня искусства. Личная жизнь? Это театр, театр, театр...»

А театр можно иногда устраивать и для одного-единственного зрителя.

Она никогда не рассказывала о своей личной жизни, в которой был один-единственный мужчина. Вся ее жизнь — истинная, настоящая, известная и открытая каждому — была в танце. И она успела умереть до того, как ушла со сцены...

В январе 1931 года Анна подхватила тяжелый плеврит. Мучаясь от кашля и боли при дыхании, балерина не отменила назначенную поездку в Голландию. В поезде ей стало хуже.

В гостиничный номер был в срочном порядке вызван личный врач королевы.

После осмотра он поставил диагноз «плеврит» и настаивал на срочной операции. Но балерина не могла допустить отмены концертов и отказалась. Мысль о смерти просто не приходила ей в голову.

В Голландии она и скончалась, ночью 23 января 1931 года, не дотя-

нув всего несколько дней до своего пятидесятилетнего юбилея.

Сломленный горем Виктор долгое время не мог вернуться к обычной жизни. Он не хотел верить, что Павловой больше нет. Создав клуб поклонников своей знаменитой жены, Дандре желал лишь одного —

чтобы о великой балерине XX столетия помнили много лет.

К сожалению, клубу не удалось просуществовать долго. Тем не менее, имя русской балерины, легендарной Анны Павловой, навсегда вошло в историю мирового балета. □

Ольга Смирнова

Суженый

Осенним утром, выбегая из метро, Антонина столкнулась с цыганкой, коих в Москве не наблюдалось уже очень давно. Цыганка, не церемонясь, начала рассказывать о тайных желаниях юной девушки — найти любовь, удачно выйти замуж, жить долго и счастливо, и так далее по шаблону. Завершила она свой монолог магической фразой: « Будет тебе знак свыше, не пропусти! Позолоти ручку».

Отдав гадалке сотенную бумажку, Тоня побежала в университет и рассказала подружкам об утреннем приключении. Все вместе посмеялись над уличными гадалками, пресловутыми знаками судьбы, не забыли и о приметах.

Прошло время. Окончив университет, Антонина устроилась на работу в небольшое издательство переводчиком. Работу свою любила, считала интересной, зарплатой была вполне довольна. Взрослая жизнь бывшей студентки протекала тихо. Живя с мамой, девушка выбиралась по выходным с подружками в кино, иногда погулять в парк. Мама пыталась выведать у дочки информацию о наличии ухажеров, но Антонина уходила от этого разговора, ведь рассказывать было нечего. После очередного такого разговора и недавней свадьбы близкой подруги Антонина загрустила, вспоминая веселое время учебы в университете. И тут вдруг всплыл в памяти и разговор об уличной гадалке, как они смеялись над приметами, в которые никто давно не верит. Все так — никто не верит, но только с этого дня Тоня, сама того не замечая, стала ждать знак. Знак, который должен был указать дорогу в желаемую счастливую жизнь.

Придя вечером с работы, Тоня с мамой поужинали и сели смотреть телевизор — показывали любимый ими фильм «Экипаж». Неожиданно раздался звонок в дверь — это оказалась соседка, забежавшая отдать долг. Увидев кадры с красавицей актрисой Александрой Яковлевой в роли стюардессы, она мечтательно закатила глаза к потолку — какая романтическая

профессия стюардесса, какие они красавицы, а главное, можно выйти замуж за пилота. «А ведь это знак», — подумала Тоня. Конечно, она прекрасно знает английский язык, в свои двадцать шесть лет пышет молодостью, решено!

Тоня, по секрету от мамы, начала посещать курсы по подготовке бортпроводников. Наконец наступил день получения диплома. Несмотря на то, что обещали дождь, день этот выдался сухим и солнечным, и Антонина восприняла это тоже как знак. Знак правильности своего выбора. Придя домой, она буквально огорошила маму своим решением уволиться из издательства и работать в авиакомпании бортпроводником. Как ни просила мама одуматься, ни к ее уговорам, ни к слезам Тоня не прислушалась, твердя одно — эта работа поможет изменить мою жизнь.

Антонине удалось найти место в авиакомпании. Когда ее ввели в состав бортпроводников, жизнь действительно изменилась. Работа стюардессы оказалась не только романтической, но и физически тяжелой — ранние и ночные вылеты, каждодневное общение с огромным количеством людей. Но Антонина старалась не замечать трудностей, у нее появилось много знакомых среди работников авиакомпании, попадались интересные люди и среди пассажиров. Появились и романтические отношения, но все было не так серьезно, как она мечтала. А Тоня ждала знак, который покажет того самого, суженого.

Как-то после расставания с очередным несерьезным кандидатом на руку и сердце Антонина приехала на работу в жутком настроении. Предстоял рейс «Москва — Санкт-Петербург». Неожиданно для себя она мысленно сложила цифры рейса — получилось четное число, и Тоня, восприняв это за хороший знак, со спокойным сердцем поднялась на борт. Приветствуя пассажиров у трапа, она редко всматривалась в лица, но поднявшийся в салон молодой человек сразу привлек ее внимание. Не сказать, что красавец, но его вежливое приветствие, пронзительные голубые глаза и даже необычный аромат парфюма сразу приковали ее внимание. И тут судьба подала знак: молодой человек занял место «А» в шестом ряду — а имя Антонина начинается с «А», к тому же шестого сентября у нее день рождения. Идя по проходу, она бросила взгляд на пассажира, улыбнулась ему, и он тоже улыбнулся в ответ. Ей показалось, что она понравилась молодому человеку, и интуиция ее не подвела, через какое-то время парень пришел за занавеску на кухню, попросил водички и представился: Анатолий. Он рассказал, что летит в командировку, через неделю вернется в Москву, и с радостью продолжил бы общение с очаровательной девушкой. Антонина, не раздумывая, дала свой номер телефона, и все

оставшееся до посадки время молодые люди обменивались понятными только им взглядами.

Как и обещал, Анатолий позвонил через неделю, пригласил Тоню на свидание. И закрутился конфетно-букетный период. Ухаживал молодой человек красиво, правда, немного на показ и чересчур настойчиво, но Тоня не хотела этого замечать. Они не могли наговориться, как оказалось, любили одни книги и фильмы, хлопья на завтрак и кефир на ночь — для Тони это тоже были знаки судьбы. Толя приезжал в аэропорт встречать Тоню из рейсов, всегда с букетиком цветов, и девчонки не без зависти спрашивали — когда свадьба? Через четыре месяца романтических отношений Анатолий действительно сделал Антонине предложение руки и сердца. Счастью девушки не было предела, наконец-то свершилось — любимый мужчина, свадьба, мечты о детях.

Поселились молодые у Анатолия, квартира в спальном районе досталась ему от бабушки. Первое время наслаждались друг другом, но через полгода после свадьбы чувства Анатолия стали остывать, появились претензии, а уж когда Тоня забеременела и ушла в декрет, вовсе перестал появляться дома, прикрываясь работой и командировками. Вместо радости от ожидания долгожданного малыша Тоня все чаще уходила к маме, «плакалась в жилетку» и надеялась, что Толик, наконец, одумается.

Однажды, возвращаясь домой от мамы, она заметила у подъезда машину Анатолия, заглянув в салон, увидела лежавший на заднем сиденье букет цветов и, конечно, подумала, что это для нее, просто Толик забыл его забрать с собой. Сияя от радости, она вбежала в подъезд и, не дожидаясь лифта, помчалась на свой этаж. Анатолий действительно ждал ее, но не для примирений, а для серьезного разговора. Как в тумане Антонина слушала его слова о том, что по природе своей мужчина — охотник, добившись ее, он потерял к ней интерес, кроме того, его заедает быт. Ребенка он, естественно, материально будет обеспечивать, но хочет расстаться до его появления, мол, так, с точки зрения психологии, будет лучше всем. А под конец признался, что встретил другую женщину.

...Тоня без скандалов перебралась к маме, заметив только, что вернулась «на исходную», только теперь у нее будет ребенок.

В положенный срок Антонина родила девочку, Леночку, и, несмотря на пережитый развод с мужем, наслаждалась материнством. Первое время Анатолий помогал материально, но в какой-то момент, сославшись на проблемы в бизнесе, деньги давать перестал.

Пришлось выйти на работу, Леночку определили в детский сад, бабушка, безгранично любившая внучку, помогала, чем могла. И началась каждодневная беготня — работа, детсад, суп, стирка, ветрянка. Нельзя сказать, что Антонина забыла себя, нет, она прекрасно выглядела, ей так же шла форма стюардессы, и многие мужчины обращали на нее внимание, но ни о каких новых отношениях она и думать не хотела.

И вот в свой день рождения, а исполнилось Антонине тридцать четыре года, она поехала на работу, перед этим закинув Лену, первоклассницу, в школу. Уже подъезжая к Шереметьево, превысила скорость и была остановлена инспектором ГИБДД. Тоня с улыбкой попросила не наказывать ее, ведь у нее сегодня день рождения, и, удивляясь сама себе, пригласила инспектора вечером по прилету попить кофейку в ближайшем кафе в честь ее скромного праздника. Инспектор ответил кивком и удалился.

Так в жизни Антонины появился Сергей. Немногословный, надежный, настоящий мужчина. Впервые она смогла понять, что значит быть замужем. Ей казалось, что тихий, любящий Сергей сможет оградить ее и Ленку от любых неприятностей и трудностей. Сергей настоял, чтобы они подали заявление в ЗАГС.

В торжественный день бракосочетания, уже выйдя из дома, обнаружилось, что он забыл свой паспорт дома. На Тонино желание сбегать за ним мама тихо прошептала, мол, плохая примета — возвращаться, да и знак плохой — забыть паспорт перед бракосочетанием. На это Тоня и Сергей залились смехом, а, отсмеявшись, Антонина проговорила, обращаясь ко всем присутствующим гостям: «Хватит с меня знаков, теперь все будет хорошо!» □

Евгения Гордиенко

Целиковская Людмила

Народная
красавица
Советского
Союза

В сороковых годах было немало красивых актрис. Но все они, в подражание Голливуду, были почти одного типажа: походили на Марлен Дитрих в общем и на Любовь Орлову в частности. Но среди этих молодых красавиц выделялась одна, что была ближе всех к народу, которую любили не как Орлову — далекую звезду, а как свою подругу или соседку. Звали эту «девчонку с соседнего двора» Людмила Целиковская.

Она родилась 8 сентября 1919 года в Астрахани в семье дирижера Василия Целиковского и оперной певицы Екатерины Целиковской. Музыка в такой семье, конечно, звучала постоянно, и маленькая Люда все время что-то напевала. Ее мать признавалась: «С Люськой так легко! Встанет утром и поет, поет...»

Из-за того, что астраханский климат ребенку не подходил, семья вскоре перебралась в Москву, где Целиковская вскоре поступила в школу имени Гнесиных. Однако довольно быстро обнаружилось, что миниатюрная ручка девушки не даст ей взять даже октаву на фортепиано, что для пианиста недопустимо.

Не сильно огорчившись (едва ли она видела себя музыкантом), Людмила увлеклась театром.

Еще в детстве во дворе ее называли Клоуном — так здорово она пародировала соседей и знаменитостей. Мама, заметив талант дочери, отвела ее в шестнадцатилетнем возрасте к Рубену Симонову, чтобы тот оценил потенциал будущей актрисы. Она вспоминала: «Дрожащим голосом я прочитала «Сон Татьяны» из четвертой главы «Евгения Онегина». И на вопрос Рубена Николаевича, люблю ли я петь, жалобно промяукала: «Над ручьем, меж ветвей пел залетный соловей». Слава богу, за плечами были семь лет учебы в Гнесинской школе по классу фортепиано, поэтому хоть аккомпанемент мой на рояле звучал громко».

Симонов подтвердил, что талант у девочки есть, и посоветовал «поступить обязательно».

Окончив школу в 1937 году, Людмила подала документы в Щукинское училище. Конкурс в том году был колоссальным — порядка 900 человек на 13 мест! И она смогла впечатлить приемную комиссию и попасть на одно из этих мест.

Учеба не стала для нее испытанием — девушка с легкостью влилась в студенческую среду, а вскоре и в первый раз вышла замуж — за студента четвертого курса Юрия Алексеева-Месхиева. Однако брак, как это часто бывает со студенческими союзами, продержался недолго, и вскоре супруги разошлись.

Еще будучи студенткой, Целиковская вышла замуж во второй раз — за писателя и сценариста Бориса Войтехова.

В те времена к студентам театральных вузов относились гораздо строже, чем теперь. Сниматься в кино до окончания учебы запрещалось категорически. Однако для Целиковской было сделано исключение — за нее бессменного директора Щукинского училища Бориса Захаву просил сам Рубен Симонов. Молодая актриса снялась в картине «Антон Иванович сердится» и сразу прославилась на всю страну. Затем последовала другая картина — «Сердца четырех», которая сделала Целиковскую всеобщей любимицей. Правда, из-за войны картина долго не выходила на экраны. Затем были

еще «Воздушный извозчик» и «Беспокойное хозяйство».

Как-то актриса полусхотая сказала: «Я сыграла четырех дур в четырех фильмах и стала безумно популярна. А вот настоящие серьезные роли приносили мне большие неприятности».

Во время съемок в «Воздушном извозчике» актриса познакомилась с кумиром советских женщин — Михаилом Жаровым. Он влюбился в Целиковскую сразу и бесповоротно. И, несмотря на то, что был женат, а Людмила была замужем, предложил ей пожениться. Войтехов так тяжело переживал уход жены, что даже грозился убить ее и нового возлюбленного. До этого, к счастью, дело не дошло.

В картине Жаров играл летчика, а Людмила Васильевна — певицу, между которыми вспыхивает роман. Сюжет неоригинальный, и фильм не сразу выпустили на экраны — ответственные за выпуск разошлись во мнении относительно его качества. Но Жаров предложил устроить пробный показ на фронте и не ошибся: картину приняли «на ура».

После этого успеха Целиковская получила, наконец, по-настоящему интересное предложение. И от кого — от самого Сергея Эйзенштейна, который уже тогда был легендой! Он позвал ее сыграть одну из жен Ивана Грозного — царицу Анастасию. Изначально на эту роль режиссер планировал Галину Уланову, но

Слева:

к/ф
«Сердца
четырёх»

к/ф
«Воздушный
извозчик»

балерину на такой длительный срок съемок не отпустил Большой театр.

А Целиковская была свободна. По окончании учебы она была принята в Вахтанговский театр, где много и с успехом играла, однако ее постоянные съемки, в конце концов, заставили руководство театра расстаться с актрисой.

Съемки «Ивана Грозного» были непростыми — все-таки военное время. Актеры то и дело падали в обморок — и от голода, и от усталости. Однако когда картина вышла на экраны, ее практически официально признали шедевром. Фильм понравился даже Сталину, и он лично приказал наградить премией всех, кто работал над ним. Всех, кроме Цели-

ковской. Формулировка «вождя народов» была прекрасна: «Таких цариц не бывает». Едва ли Сталин встречался с множеством цариц, но факт остается фактом — Целиковская осталась без премии.

Впоследствии Сталин и Целиковская встречались на праздновании Дня Победы в Кремле, куда были приглашены многие работники искусства, в том числе и Михаил Жаров с женой. Людмила Васильевна потом вспоминала: «Я увидела Сталина. Совершенно не похожего на того, которого знала по портретам и фотографиям: рыжеватый человек, в оспинах, сидел в торце стола, ел раков и плевал на пол. Вдруг поднял глаза, посмотрел на меня. Нет, он меня не

узнал и не заметил, просто скользнул взглядом и опять принялся за раков».

Брак Целиковской и Жарова продлился 5 лет и распался из-за «разности во взглядах». Людмила Васильевна хотела родить ребенка, а муж ее прохладно относился к этой идее.

Поскольку актриса продолжала дружить с Рубеном Симоновым, после войны она смогла вернуться

в театр Вахтангова. Благодаря ему же она познакомилась со своим четвертым мужем — архитектором Каро Алабяном. Он был старше ее на 22 года, и, если по словам самой Целиковской, ее из всех мужей больше всего любил Жаров, то сама она больше всех любила Алабяна.

От него актриса вскоре родила сына, которого назвали Александром. Однако семейный уют и тепло

*Людмила
Целиковская
и Михаил
Жаров*

к/ф
«Беспокойное
хозяйство»

вскоре разрушились из-за принципиальности Алабяна.

При обсуждении сталинского плана возведения высоток он высказался отрицательно и доказывал, что в стране нет ни технологий, ни материалов для таких построек. Однако Сталин был не согласен с ним и подписал указ о лишении Алабяна всех должностей и званий.

Спас архитектора и его семью Анастас Микоян, предполагавший подобное развитие событий. Он предложил Алабяну «отсидеться» в Ереване. У сына Саши в это же время обнаружили полиомиелит, что едва не подкосило Целиковскую. Однако она была не только красивой, но и сильной женщиной, поэтому сумела справиться и с вынужденной «эвакуацией» мужа, и с болезнью сына, и с безденежьем — жить приходилось

только на ее зарплату. «Если бы я могла все это представить себе заранее, я бы, наверное, выбросилась с балкона», — говорила она впоследствии.

Сын Алабяна и Целиковской вспоминал: «...папа встал перед мамой на колени: «Прости меня, Люся. Если б я мог представить, что такое произойдет, никогда не посмел бы жениться на тебе».

После смерти Сталина архитектор смог вернуться в Москву, и у него снова появилась работа. Но здоровье его за годы ссылки стало хрупким, и в 1959 году он скончался.

Целиковская, обожавшая мужа, погрузилась в траур. Однако нужно было кормить сына, а за годы, которые она провела с семьей и больным ребенком, ее почти перестали приглашать в кино.

*к/ф
«Иван
Грозный»*

Спас, как всегда, родной театр: Людмила Васильевна выходила на сцену, и это давало возможность существовать. Здесь же, в Вахтанговском, и зародился следующий — и последний — роман Целиковской

с актером, а впоследствии известным режиссером Юрием Любимовым. Официально они женаты не были, но прожили вместе много лет.

В те времена Целиковская (Любимов часто называл ее «Циолков-

*Людмила
Целиковская
и Каро Алабян*

Справа:
*Людмила
Целиковская
с сыном*

ская») была значительно популярнее Юрия Петровича. Благодаря ей в доме всегда было много ученых, литераторов, художников, архитекторов и других интересных людей. Говорят, что это именно она открыла Любимову Брехта. Он прочел малоизвестную пьесу «Добрый человек из Сезуана» и поставил один из самых сильных и потрясших Москву, да и свое время в целом, спектаклей.

Так, во многом благодаря Целиковской появился тот самый «Театр на Таганке» и та самая труппа, которая до сих пор остается собранием талантливейших людей. Порой Людмила Васильевна даже появлялась на афише как соавтор. Она, по ее собственным словам, «обстругивала болванки», то есть доводила литературный материал, совершенно непригодный для постановки, в то, что может стать спектаклем.

Любимов жил у нее — вместе с сыном Целиковской Сашей и ее мамой Екатериной Лукиничной (родители актрисы к тому времени давно разошлись). Дом стал местом, где собирались актеры Таганки, где придумались новые спектакли, где разговаривали и пели.

Любимов, вероятно, тяготился тем, что его жена была намного известнее, чем он сам.

Вениамин Смехов вспоминал такой случай: «Зимой 1968 года мы ехали поездом в город Дубну — выпить и закусить во славу закадычной дружбы любимовцев с флеровцами. Академик Г. Флеров, как и

П. Капица, и Б. Понтекорво, и Н. Семенов, был и почитателем, и «выручателем» Таганки в те вполне зловещие времена. Мы заполняли бланки для гостей лаборатории. В бланке стояло: «Любимов с супругой», за что был устроен скандал на тему: «Не Любимов с супругой, а Целиковская с супругом!» Вечерний тост фронтовика-профессора подтвердил святую правоту утреннего гнева народной артистки. Призыв его был чудесен: «Когда я на фронте ходил в атаку, наш командир поднимал роту только таким криком: «За Родину, за Целиковскую!» И это больше всего подтверждает то, что Целиковская была именно народной артисткой.

В конце концов, пара разошлась. Частично — из-за того, что Любимов встретил венгерскую переводчицу Каталин, но в большей степени — потому что двум талантам было

тесно в одном доме. Отношения у Любимова с сыном Людмилы Васильевны не сложились, да и театр он любил явно больше, чем Целиковскую.

Сын актрисы вспоминал: «Подружиться» с новым мужем мамы мне не удалось. По-моему, Любимов был довольно эгоистичным человеком, по-настоящему любившим только себя. Даже с сыном Никитой он не был близок... Но их жизнь с мамой, безусловно, была насыщенной и интересной. К нам приходили Пастернак, Высоцкий, Бакланов, Можаяев, Вознесенский, Евтушенко, Федор Абрамов, Борис Васильев, Петр Капица. В доме фактически рождалась «Таганка». Хотя это, конечно, было непросто. Помню, «наверху» собирались запретить очередной его спектакль и вызвали «на ковер». Мама ждала дома, нервничала. Наконец не вытерпела: позвонила в секретариат высокого

начальства и попросила соединить с Любимовым. А потом нарочито громко сказала, чтобы было слышно чиновникам: «Юрий, не унижайся! Пошли его к чертовой матери и немедленно домой! И купи по дороге можайского молока».

Она никогда специально не выказывала своего недовольства властью, не бравировала им, но, как могла, боролась с системой и не признавала лицемерия. Тот же Смердов вспоминал: «Мы ее недооценивали. Захмелевший актер К. гаркнул тост по-советски, глядя на Любимова и директора Дупака: «Выпьем за наших вождей», что было немедленно перекрыто резким разбойничьим свистом Людмилы Васильевны Целиковской. Свистнуто, ничего не скажешь, умело. Уж кто-кто, а любимица советского народа... хорошо знала цену и вождям, и тоскующим подхалимам».

*Людмила
Целиковская
и Юрий
Любимов*

Уже будучи немолодой, Целиковская по-прежнему продолжала сниматься в кино. Сыграла и чеховскую «Попрыгунью», и Гурмыжскую в «Лесе» Островского. Ей самой эти работы нравились, но поклонники хотели видеть в ней тех простушек, что она играла в юности. И Людмила Васильевна сниматься перестала.

Когда ей было семьдесят, у нее обнаружили рак, но по просьбе сына ей об этом не сказали.

В семьдесят два ее не стало.

О ней вспоминают, как о теплой, солнечной женщине, которая всегда улыбалась, всегда твердо противостояла ударам судьбы.

Любимым афоризмом, словно девизом жизни, были для нее слова Кафки: «Стой под дождем, пусть пронизывают тебя его стальные стрелы. Стой, несмотря ни на что. Жди солнца. Оно зальет тебя сразу и беспредельно». □

Валентина

Мужчины — слабаки. Да, они могут сто раз отжаться от пола и защитить от хулиганов. Несут на руках, когда дождь. Дарят орхидеи, посвящают поэмы и обещают бросить к твоим ногам весь мир. Но сами готовы всю жизнь колотиться за нищенскую зарплату и почитать за счастье раз в год выехать в отпуск на бюджетное Азовское море.

Строить планы на прекрасное будущее джентльмены горазды. Но едва переходишь к деталям — сразу начинается: нет, слишком большой риск, обидно погубить жизнь и прочая муть.

А я в десять лет на спор прошла над обрывом по обычной доске. На горную реку, что бурлила в тридцати метрах внизу, даже не взглянула. И сейчас тем более не хочу безопасной и тоскливой жизни с девяти до шести.

Пуля устранит препятствие за долю секунды. Существуют десятки ядов, что не оставляют следов и не видны на вскрытии. Придуманы сотни несчастных случаев, которые на самом деле — убийства.

Любой полицейский обязательно когда-нибудь рисковал. А каждый миллиардер — убивал, только тщательно это скрывает.

Чем я хуже них?

Римма

Мой начальник Павел Синичкин обожает, когда им восхищаются. Добрых слов не жаль, и я рассыпаюсь в комплиментах шефу каждый рабочий день (накануне зарплаты, разумеется, чуть усерднее). А о недостатках молчу. Хотя для себя давно решила: Паша в плане дедукции — скорее доктор Ватсон, чем Шерлок Холмс. И диван в кабинете поставил — якобы для дедуктивных размышлений, однако после обеда на нем частенько дремлет.

А еще он красив, смел и мускулист.

Наше агентство существует давно, но сотрудников до сих пор только двое. Синичкин — владелец, директор и главный. Плюс я — формально секретарша, но на самом деле очень даже компетентный заместитель.

Если кто начнет вам болтать, что между мачо-мужчиной и его красоткой-коллегой женского пола (это я, скромно так, о себе) бывает дружба — не верьте. Мы с Синичкиным, конечно, не удержались. Съездили вместе за границу, потом попробовали пожить вместе. Но детективной семьи — или даже просто пары — из нас не вышло. Зато мы смогли — после почти года полного разлада — вернуться к чисто деловым отношениям. Ну, почти деловым. Сама не понимаю, что происходит. Я вроде и не люблю его больше, однако пассии босса меня чрезвычайно бесят. Поэтому Синичкин благоразумно, когда мы вместе на работе, с ними даже по телефону не беседует.

Раньше, когда Паша уходил в отпуск, контору мы закрывали. Но в этом году шеф неожиданно выдал:

— Римма, на август ничего не планируй.

Я скривилась. Последний месяц лета, годами наблюдений подмечено, тухлый абсолютно. Только бабульки приходят на предмет поиска беглых котов или прочих домашних питомцев.

— Я второго улечу в Ниццу, — небрежно добавил Паша.

— И с кем это ты летишь? — не удержалась я.

— Один, — поспешно заверил Синичкин. — Совсем один. Какую девушку нынче заманишь на яхту? — И тут же сменил тон на бархатный: — А тебе хочу дать возможность, наконец, раскрыть какое-нибудь дело полностью самой.

— Паша! Да я в жизни сама не справлюсь! — жалобно воскликнула я.

— Римма, брось! — царственно отмахнулся Павел. — В базах данных ты шарить быстрее меня, со свидетелями работать умеешь. Если вдруг дело стоящее, олигарх миллионный гонорар предложит — прилечу тебе на подмогу. А собачек пропавших искать — дело нехитрое.

Я могла поспорить, при необходимости прослезиться и в любом случае добиться отпуска в августе, но мне лететь в Ниццу было, увы, не с кем.

Весь июль Паша выносил мозг наставлениями, предостережениями. Когда шеф, наконец, отбыл, пару дней я не понимала, скучаю без него — или на-

слаждаюсь. Скачала на компьютер кучу новых пасьянсов, забила верхний ящик стола шоколадками и даже в трубку телефона вместо слов: «Детективное агентство, чем я могу вам помочь?» — говорила просто «Але».

Москву накрыли лень и жара. Делом века (да и просто делом) даже не пахло. Телефон почти всегда молчал. Только рекламные агенты одолевали, а однажды позвонила старушка — потеряла очки. Предложила сумасшедший гонорар — целую тысячу рублей. Но выехать к ней домой я не успела, так как бабуленция ликующе выкрикнула:

— Так вот ведь они! Прямо перед носом лежат! — И пообещала: — Я вам теперь всегда звонить буду. Когда их опять потеряю.

— Жду с нетерпением, — заверила я ее безо всякого сарказма.

Бесконечные игральные карты на экране компьютера успели мне надоест, и я даже стала подумывать, не помыть ли от скуки в офисе окна. Уборка хоть и входила в стоимость аренды, но проводилась чрезвычайно халатно.

Уже и шкаф открыла, где висел уродливый синий халат, вдруг услышала: по коридору нервно цокают каблучки. А потом дверь в секретарский предбанник распахнулась, и в приемную ворвалась девица.

Лет восемнадцати от силы. Тощая, встрепанная, причем волосы ярко-красные. Лицо лошадиное, все в веснушках. Бриджи в индийском стиле, на майке надпись: «Когда проснусь, тогда и утро». В ноздре колечко, на щиколотке татуировка — японский иероглиф. Настоящий *Enfant terrible*.

Я в ее годы робела, должностных лиц побаивалась. А эта — уверенно проследовала через приемную, плюхнулась в гостевое кресло и скептически произнесла:

— А вы точно сыщик?

Мне, конечно, до солидного вида далеко хотя бы потому, что прилагаю все усилия, чтобы выглядеть на двадцать пять максимум. Я незаметно вытащила из кармана мобильник, наклонилась на секунду под стол и быстро сфотографировала ее. Гостья даже не заметила моих манипуляций, и на то, что в компьютер запрос вбиваю, тоже внимания не обратила.

— Что вы имеете в виду под желанием? — выпрямившись, вперила я в нее строгий взгляд.

— В смысле?

— Иероглиф. На вашей правой ноге. Что конкретно вы желаете?

— Знаете японский? — слегка смутилась девушка.

— Детектив обязан быть разносторонне развит, — назидательным тоном произнесла я.

— Я о своих желаниях кому попало не распространяюсь, — буркнула она. Но спеси сразу поубавилось. Протянула через стол потную ладонь, представилась: — Вика. Можно на ты.

— Римма. Можно без отчества. Чем могу помочь?

Девушка с сомнением взглянула на мои идеально-акриловые ногти и выпалила:

— Жених мой пропал!

Я еле удержалась, чтобы горестно не вздохнуть.

Богатая оперативная практика научила: искать сбежавших песиков в миллион раз легче, чем парней, которые решили кинуть свою подругу. А жизненный опыт подсказывал: девиц с красными волосами и колечками в носу бросают довольно часто.

Но не выгонять же первого за три дня клиента!

— Расскажи все детально, — серьезно попросила я.

— С какого момента?

— С самого начала. Как зовут жениха, чем он занимается, где и когда познакомились.

— Чисто ментовский подход, — с укором проговорила Вика. — Тут каждая секунда на счету, а вы с глупостями. Кого волнует, сколько мы знакомы? Главное, что мы помолвлены. А через неделю собирались заявление в ЗАГС подавать.

Стало чуть интереснее.

— И давно вы помолвлены?

— Позавчера в ресторан ходили, и Мишка мне кольцо подарил, — Вика продемонстрировала тоненькую и, несомненно, дешевую золотую полосочку с крошечным рубином. — А со вчерашнего дня у нас путевка. В дом отдыха, в Кратово, на неделю. Еще весной оплатили.

Я изо всех сил старалась, как учил Синичкин, наблюдать и анализировать. Говор московский, но не слишком рафинированный. Чтением вслух Тургенева и лекторием в Пушкинском музее ребенка, похоже, не терзали, однако бриджи, пусть похожи на мешок, но от Роберто Кавалли. Родители платят или сама зарабатывает? Ладно, по ходу выясним.

— То есть еще весной планировали помолвку? — уточнила я.

— Ну да. Мишенька у меня такой обстоятельный, у него все на годы вперед расписано, — уважительно проговорила Вика. И добавила: — К тому же в доме отдыха скидки большие предлагали. За раннюю предоплату.

— Хорошо. Давай дальше, по существу дела.

— Заезд там с двенадцати, езды часа два, так что мы в десять выехали.

— Откуда?

— От Мишки. Он на Красногвардейской квартиру снимает. А около одиннадцати мне маман позвонила, сказала, что билет на Монсеррат Кабалье достала. В партер. Бесплатно.

— А кто у тебя мама? — удивлялась я.

— В общественном питании работает, — немного смутившись, ответила Вика. — На руководящей должности. Она такая... типа энерджайзер. Все

успевают. То аэробика, то с префектурой воюет насчет лавочек или чтобы деревья во дворе не пилили. В «Активном гражданине» вечно пасется. Вот и получила награду за сознательность — билет в Кремлевский дворец выделили.

— На Монсеррат Кабалье? — переспросила я. — Ничего себе!

— Так она каждый день в этом «гражданине» голосует! И с мэром в личной переписке, — с нескрываемым раздражением произнесла Вика. — В общем, звонит мне безумно радостная и велит все бросать и собираться в Кремль. Я хотела уговорить, чтобы сама пошла, — она в слезы: «Я так старалась, это ведь твоя любимая певица». Ну, Мишка мне шепчет: «Не спорь. Сходи». И мы решили, что я останусь в Москве, а он поедет.

— Куда?

— Как куда? — удивленно посмотрела на меня Вика. — В дом отдыха. У нас ведь оплачено. Сутки четыре тысячи стоят! Чего пропадать? Я обещала завтра — то есть сегодня — на электричке добраться. Ну и вот... Приехала — а его нет! — По усыпанной веснушками щеке покатились слезинки.

— Теперь очень подробно. Фактически поминутно. Во сколько конкретно ты приехала?

— Мы вообще договаривались, что я после перерыва приеду, но я прямо с утра сорвалась. На электричке в девять ноль три.

— Решила проверить? — понимающе улыбнулась я.

— Да вы что! — обиделась Вика. — Я Мишеньке доверяю. Просто он уже вчера вечером мне на звонки перестал отвечать!

— С какого времени?

— Ну, я ему без десяти семь селфи послала. На фоне Кремля с шампусиком — он в ответ смайлик. И поцелуй. А позвонила в антракте — телефон выключен. И все. С тех пор я его раз сто набирала. Никакая Кабалье не в радость.

— Телефон именно выключен? — уточнила я. — Гудки не проходят?

— Да. Робот этот мерзкий отвечает. Я концерт все-таки отсидела. Думала — может, он в столовой, или гуляет, или просто связь в Кратово плохая. Но когда домой приехала, реально начала психовать.

— В котором часу ты вернулась?

— В начале двенадцатого. На метро пришлось — таксисты у Кремля бешеных денег ломают, а через приложение я не могла — телефон сдох.

— Ты куда поехала — к Михаилу или к родителям?

— К родакам. Мне одной на съемной хате как-то некомфортно. Так вот, — торопливо заговорила Вика, — дома я аппарат в розетку, снова звонить — опять вне зоны. Тут еще маман. Я ей про то, что Миша пропал, а она: во что Монсеррат одета была? Мы поругались. Я в полицию позвонила — но меня послали, не родственница, говорят. Будто Мишкины родители из Омска могут заявление подать, что он пропал!

— Но ты им позвонила? — спросила я. — Хотя бы предупредить?

— Хотела, — покраснев, ответила Вика. — Но маман все под дверью подслушала, ворвалась. Не смей, говорит, людей пугать! Может, он телефон потерял! Я тогда стала машину просить, чтобы прямо сейчас в Кратово — маман тоже не дает. Шампанским от меня, видите ли, пахнет. И сама везти отказалась.

— Как она относится к твоему жениху?

— Без восторгов, — пожалала плечами девушка и в раздражении пристукнула ногой: — Но, вообще, это неважно!

— Хорошо, — кивнула я. — Значит, сегодня ты приехала в дом отдыха. Во сколько, и куда первым делом пошла?

— Приехала... часов в одиннадцать. И сразу на ресепшен, куда еще? Я ж ни корпуса не знала, ни номера. Вообще уже тряслась, что Мишка туда не доехал. В аварию попал или мало ли что. Но там такая нормальная тетка оказалась. Посмотрела по компу: в пятнадцать сорок он зарегистрировался и ключи получил. А я... Я ведь понимала, чувствовала: в комнате его нет. Реветь начала. Тогда эта тетенька дала мне салфетку и сама пошла со мной. Отперла дверь. Ну и... — Вика снова всхлипнула. Уронила на полированный стол голову и начала рыдать.

«Соленая вода для полировки хуже кофе», — заволновалась я и строго произнесла:

— Давайте без истерик! Что вы обнаружили?

— Пусто-аа! — трагическим тоном протянула она.

— А вещи?

— Сумка в прихожей стоит. Одежда на кровать свалена. В ванной ничего, только полотенце ручное смято.

— Похоже, не ночевал в номере.

— Мы стали выяснять, — убитым голосом произнесла Вика. — Горничная его на этаже вроде видела. Но еще до ужина. А в столовой он уже не появился.

— Откуда это известно?

— Мишка должен был карточку гостя показать и постоянный столик получить. Но администратор твердо сказала: Михаила Дивина она не рассаживала. И все! Больше никто ничего не знает!

— А видеокамеры там есть?

— Без понятия-а! — взвыла моя клиентка. — Но это такой дом отдыха, старого типа. На КПП — дед с кроссвордом. В заборе дырки, от них тропы в лес. Я так думаю, Мишка пошел перед ужином прогуляться — и что-то с ним случилось.

Я быстренько открыла на мониторе карту.

— Деревня Кратово — которая в Люберецком районе?

— Да.

— Дом отдыха «Дубовая роща»?

— Вы так быстро нашли? — Вика порадовала мое самолюбие уважительным взглядом.

Я продолжала разглядывать карту. Хотя от Москвы не слишком далеко, лес вокруг деревни Кратово раскинулся щедро — километров на десять квадратных. Но если кругом протоптаны тропы, болтаются отдыхающие, можно ли там заблудиться? Хотя у нас все можно. Я слышала, как один профессор и, между прочим, кандидат биологических наук заблудился на Лосином острове, в двух шагах от Кольцевой. И утонул в болоте.

— Нам надо проехать на место, — заявила я.

— Вы беретесь за мое дело? — просияла девушка. — Ура!

Подскочила, вдруг пошатнулась и чуть не упала.

— Вика, ты что?! — подхватив ее под локоть, воскликнула я.

— Всю ночь не спала, — вздохнула Вика. — А у меня вегето-сосудистая дистония. Если устаю, башка дико кружится. — И тут же решительно трянула головой: — Но я все равно буду вам помогать.

— Конечно, — кивнула я. — А для начала кофе сварю. Мне и себе.

Выпроводив Вику в приемную, я порылась в Пашином ящике, взяла оттуда огромных размеров камуфляжную форму, бинокль, компас, фонарик, баллончик с перцовым газом и таблетку убойного снотворного.

А резиновые сапоги, если понадобится бродить по лесу, у меня валялись в багажнике.

Я упрекаю своего шефа в пижонстве, но сама езжу на «Мини Купере».

— Ничего хуже для следственных действий придумать нельзя, — смеясь, говорил Синичкин.

Да, транспорт мой приметен, не умеет влезать на бордюры и после дождя способен завязнуть на простейшей грунтовке. Но есть и плюсы: в сочетании с новым светло-песочным цветом волос и акриловыми ногтями я уверенно создаю образ блондинки.

Вика завистливо взглянула на моего красавчика:

— Классная тачка! А мне предки «Ниссан-Террано» обещали. И то только на девятнадцать лет, еще почти год ждать.

— Тоже нормально.

— Да ну... — сморщив нос, протянула она. — Сто пять лошадей, «Оку» не обгонишь. А я хочу экстремальным вождением заняться.

— А на чем твой Миша ездит?

— На «Мерседесе». С-класс.

— И снимает при этом квартиру на Красногвардейской?

— Ну, не на Патриках же снимать! За двести штук! Где живешь — того никто не видит. А на чем приехал — партнер по бизнесу сразу приметит. — Вика, похоже, процитировала жениха.

Я вбила в навигатор «Дубовая роща, Люберецкий район» и тронулась. Охранник по имени Василий (тайно в меня влюбленный) открывать выезд

с пульта не стал. Выбежал, лично поднял шлагбаум. Вытянулся в струнку, отдал честь. Обычно получал в ответ улыбку и «спасибо», но сегодня я лишь царственно кивнула.

— А вы крутая. Я не разорюсь вам платить? — забеспокоилась Вика.

— Все зависит от того, где мы найдем Михаила. Минимум — пятьдесят тысяч, но, скорее всего, больше.

— А если вы его не найдете?

— Тогда три тысячи в день.

Сумма ее явно не испугала, и я поспешно добавила:

— Плюс расходы.

— Ладно. Столько я достану.

«У родителей?» — чуть не брякнула я, но удержалась.

— Маман мне весь мозг вынесла, уверяет, что Мишка просто сбежал, — горестно вздохнула Вика. — Если узнает, что я в детективное агентство пошла вообще, наверное, закопает. Но вот вы, профессионал, скажите — какой смысл сбегать с такими сложностями?

— Если он должен денег... Люди и куда хитрее варианты придумывают.

— Не наш случай. Мишка у меня никогда ничего не брал, — возразила девушка.

— Нос не чеши, — усмехнулась я, — верный признак, что врешь.

Она покраснела. Фыркнула. Вцепилась в подлокотники и выпалила:

— Ой, ну подумай! Пару раз с кредитом я ему помогла, за машину. У него же бизнес, дело нестабильное! То густо, то пусто.

— А чем он занимается?

— Овощами.

— На рынке торгует?

— Оптовые поставки. Картошка из Рязани, гранаты узбекские. В июне черешню из Краснодарского края возили.

— То есть в офис он каждый день не ходит. Как нет у него и самого офиса, — заметила я.

— А смысл — помещение держать? Только на аренду расходы.

Пожалуй, я начинала понимать Викину маму.

Мы остановились на светофоре. Я попросила:

— Можно Мишину фотографию посмотреть?

А сама подумала: сейчас начнет листать в мобильнике портретную галерею, выбирать лучший снимок. Но девушка вытащила кошелек, осторожно извлекла из пластикового окошка аккуратный квадратик и протянула мне:

— Вот.

Ничего особенного. Не кривой, не косой — вот и все заслуги.

— Сколько ему?

— Тридцать два.

— Образование есть?

— Да. Технологический институт. В Омске. — Вика вдруг всхлипнула: — Что вы все выпрашиваете? Вам тоже нужен на него компромат? Всем хочется, чтобы мы расстались, чтобы я Мишу выгнала.

— А ты его так сильно любишь?

— До восьмого января — это день, когда мы познакомились — я умереть хотела. Ничего впереди. Ни цели, ни перспектив. А Мишка... Он меня жить научил. Дышать. Показал, куда стремиться надо!

— И куда ты теперь стремишься?

— Ну... я пою неплохо, — потупившись, ответила Вика.

— Музыкалку окончила?

— Нет. Но всегда пела в школьном хоре. В конкурсах разных участвовала, в фестивалях. На Дне города выступала, в Доме ветеранов. Прозябала, короче, на уровне социальных проектов. А Миша научил: на телевидение стремиться надо! Продюсера искать! Альбом записывать!

— И получается?

— В «Голос» пока не взяли. Но я теперь уроки эстрадного вокала беру. И в ресторане раз в неделю пою. Тоже полезный опыт.

Я хотела попросить что-нибудь исполнить прямо сейчас, в машине, но даже выключить радио не успела, у Вики — голосом Монсеррат Кабалье — запел мобильник.

— Мама, — скривилась она и с лицом овцы за секунду до забоя произнесла: — Привет!

Громкую связь не включила, но голос у ее собеседницы оказался поставлен ничуть не хуже, чем у дочери-певицы.

— Виктория, папе плохо! — с места в карьер начала родительница. — Я везу его к Виктору Андреичу.

— Ну... хорошо, — вяло отозвалась Вика.

— Папе совсем плохо! — Голос повысился на добрые пол-октавы.

— Что ты хочешь от меня? — закатила глаза Вика. — Чтобы я тоже подъехала к Виктору Андреичу?

— Зачем ты мне там? Ты просто должна знать, до чего довела отца своими глупостями. Ему ведь совсем нельзя нервничать! — пронзительно воскликнула мама.

— То, что Мишка пропал, — это глупости?! — в голосе девушки зазвенели слезы.

— Это мелочь, о которой ты забудешь через месяц, — ответила женщина. — А отца любой срыв может довести до могилы. И виновата в его гибели будешь ты!

— Мамуля, не говори красиво, — бросила Вика и отключила телефон. С минуту помолчала. Потом неохотно буркнула: — Папа в первой чеченской участвовал. С тех пор у него с головой иногда... непорядок.

— В смысле?

— В смысле — бухает он. И от спиртного крыша еще больше едет.

— А кто такой Виктор Андреевич?

— Наш домашний врач. Психиатр-нарколог.

Я решила слегка поддержать клиентку и сочувственно произнесла:

— Нелегко тебе.

Но Вика немедленно кинулась защищать родичей:

— Да вообще-то у меня предки нормальные. У мамы просто манера такая. В общепите своем привыкла. «Орать не будешь — ложки разворуют и счет не оплатят». А с папой — я сама виновата. Могла вчера в Мишкину квартиру поехать, но потащила домой. Сама на нервах и им скандал устроила. Хотелось ведь, чтобы пожалели, поддержали. Но маман мне выдала, что Мишка в доме отдыха себе бабу снял, потому и на звонки не отвечает. А папа начал декламировать, что нельзя плакать из-за ничтожества. Ну, меня и понесло. Все им припомнила... А отцу нервничать вообще нельзя, тут маман права.

Вика окончательно расстроилась, отвернулась к окошку и захлюпала носом. Под глазами синие круги, белки покраснели — тот еще видок.

Я решила больше не терзать ее расспросами и стала размышлять.

Итак, Михаила последний раз видели вчера в 15.40, когда он получал ключи. Минули сутки. Заявление в полицию у Вики не приняли. Родителям Дивина ничего не сообщили. Получается, человека никто не ищет? И главное, с чего начать действовать мне? Расспрашивать персонал, отдыхающих? Узнавать, есть ли камеры видеонаблюдения, и требовать просмотреть записи? Или прочесывать вдвоем с невестой лес?

Пока Вика тоскливо протирала носом стекло окошка, я свернула навигатор, набрала в Интернете: «Дубовая роща, отзывы».

Дом отдыха, насколько я успела ухватить на скорости сто десять километров, оказался простенький. Корпуса советских времен, рваная сетка на волейбольной площадке, бассейн с подозрительно зеленой водой. «Шведский стол» постояльцы ругали — «капуста да свекла». Единственное, что хвалили — кристальный воздух и «сказочный лес».

«Небось полтора пенсионера в подобном заведении», — подумала я.

Но едва свернула по указателю «Дубовая роща», как буквально оторопела: узкая подъездная дорога оказалась с обеих сторон уставлена машинами. «Жигулята» и джипы, «китайцы» и пижонские девчачьи «Ауди» стояли плотно, кое-где даже в два ряда.

— Что за аншлаг? — пробормотала Вика.

А я уже протолкалась к въездным воротам и увидела на площадке перед КПП большой фургон с яркой строкой на борту: «Ты не один!» — это фонд, который искал пропавших людей. Но как они могли здесь оказаться? Я всегда

считала, что «Ты не один» в случае если исчезли дети. И работает только после того, как полиция завела дело.

— Вика, — строгим голосом произнесла я, — жди в машине.

А сама помчалась к фургончику и выпалила:

— Кто пропал?

Милая толстушка в фирменной футболке подняла взгляд от лэп-топа:

— Отдыхающий вчера в лес ушел погулять и не вернулся.

— И вы прямо так сразу приехали?!

— У нас «Дубовая роща» на особом счету, — смутилась толстушка. — Здесь наш лучший волонтер работает. Плюс места глухие. Мы уже им помогали, когда мальчик от мамы в лес убежал зайцев ловить. На второй день только нашли.

— Живым?

— Да. Он слышал, что его ищут, но прятался. Думал, игра такая. — Она вдруг строго посмотрела на меня: — Вы вообще поболтать пришли или помочь?

— Помочь, конечно!

— Могу на раздачу питания поставить.

— А в лес?

— В таком виде? — усмехнулась женщина.

— У меня в багажнике камуфляж. Сапоги, компас и даже фонарик.

— Тогда берите все и бегите переодеваться. Грузовик уходит через пятнадцать минут.

Времени совсем впритык, и церемониться с Викторией я не стала.

Бегом вернулась в свой «миник», достала таблетку, бутылку воды и приказала:

— Немедленно пей!

— Это что?

— Пей сейчас же! Это снотворное. В таком состоянии от тебя все равно никакого толку.

— Чушь! — отмахнулась она. — Я вчера у мамы стащила феназепам. Вообще не подействовало.

— Это подействует. Быстро мчись в номер и ложись, пока прямо здесь не срубило. Не бойсь: всю инфу я тебе буду скидывать — через «смс» или в мессенджер. Проснешься и прочитаешь.

— Но... я ведь должна всем сказать, что вы на меня работаете, чтобы вам оказывали содействие? — захлопала глазами Вика.

Я не стала ей объяснять, что удостоверения детектива у меня попросту не имеется. Да если бы и было, частный сыщик — не полиция, оказывать ему содействие никто не обязан.

— Вика, ты заказчик, я исполнитель. Поэтому спокойно спи, — усмехнулась я.

Волонтеры в фонде оказались людьми приветливыми и открытыми. Пяти минут не прошло, а я уже знала, почему Дивин удостоился такой чести. Фонд, конечно, в первую очередь искал пропавших стариков или малышей, но грибы пока не пошли, детей развезли по морским курортам, добровольцам, видимо, не хватало привычных порций адреналина, поэтому и откликнулись на призыв спасти молодого и здорового мужчину.

— Уже больше трехсот человек приехало! — мне очаровательная пожилая дама с интересной прической: выбритая голова, и только по макушке идет ярко-красный кок. Точно такого цвета, как волосы у моей заказчицы. Неужели страну охватила новая повальная мода, а я и не знаю?

— Извините... А вы случайно не панк? — на всякий случай спросила я.

— Я внуку проспорила, — рассмеялась женщина, — что сделаю любую прическу в обмен на годовую пятерку по математике.

— А он у вас жестокий, — улыбнувшись, заметила я.

— Ага. По городу теперь ходить стыдно. Приходится в лесах прятаться, — подмигнула мне дама.

— Вы не первый раз ищите?

— Что вы! Я почти каждую неделю участвую.

— А прямо сами находили кого-нибудь?

— Единственный раз, — погрустнела она. — Старичка. Мертвого. Но в целом сейчас статистика гораздо лучше. Раньше меньше половины находили. А когда вертолетный отряд подключился, гораздо эффективнее стало. Почти всех живыми вытаскиваем.

Грузовик пробирался по довольно широкой дороге, я жадно вертела головой. Лес не казался таким уж густым или непроходимым.

— Как можно здесь заблудиться? — пробормотала я.

— Отсюда, из «Дубовой рощи», за прошлый год троих искали. Лично мы — ребенка. Военные — двух взрослых, — просветила меня прогрессивная бабушка. — Тут дорога — только со стороны въезда. А отдыхающие обычно выходят в другую сторону. Терренкура или хотя бы тропы официальной нет — каждый сам протаптывает. Будь рядом деревни, где самая хоженная дорожка обязательно ведет к жилью, терялись бы реже.

— В телефонах есть компас. И навигатор по GPS может вывести.

— Только любой смартфондохнет через пару часов. Особенно если определение местонахождения включить, — парировала дама с красными волосами.

— Все равно не понимаю. Молодой мужчина — и не нашел выхода? Ну видишь, что телефон помирает, хотя бы в службу спасения позвони, координаты свои сообщи. Или костер разведи!

Развить мысль мне не дали — грузовик затормозил. Юный, но уверенный в себе парень провел инструктаж: идем цепью, до соседей справа-слева —

максимум пять метров, из виду ни в коем случае своих спутников не теряем.

— Смотрим под ноги, любое необычное — окуроч, след, обрывок одежды — фотографируем. Кричим только по делу. Все идеи и сомнения обсуждаем на привале, через километр.

Поначалу я бросилась на свою делянку с рвением щенка охотничьей собаки. Каждый кустик обнюхивала, к любой смятой травинке наклонялась, смело обшаривала крапиву. Добровольная опекунша — дама с оранжевым коком — шла по соседству. Постоянно ко мне оборачивалась, просила: «Не отставай».

Впрочем, от силы через сотню метров сквозь паутину и бурелом я сама поняла: человек в ближайшие месяца три здесь не ходил. А когда через два часа куратор объявил привал, я совсем сникла, потому что похвастаться могла только пожелтевшей от времени и дождей пустой сигаретной пачкой.

Время близилось к вечеру, две девицы — по виду студентки — подняли ропот: что жарко, клещи, и вообще участок тухлый, ничего мы здесь не найдем.

Будь я тут начальником, мигом бы рявкнула, но куратор очень мягко попросил слабачек потерпеть до восьми, пока не начнет смеркаться. Группе надо было прочесать еще минимум километр.

— Обычное дело, — шепнула моя новая приятельница. — На поиск многие за приключениями едут, рассчитывают, что в «боевик» попадут, а получают полную скукотищу. Вот и начинают ныть. И больше не приезжают, конечно.

Я, разумеется, не мечтала за пару часов лично найти Михаила, но тоже не ожидала, что прочесывать лес окажется настолько нудно. На следующем привале обратилась к куратору:

— А почему нам вертолет не помогает?

— Поздно сообщили, — вздохнул молодой человек. — Разрешение на вылет не успели получить. Но завтра с утра обязательно подключатся.

День стремительно гас, пахло малиной и горячей травой.

Михаил отсутствовал уже 28 часов, и я с трудом представляла, что он до сих пор в лесу. Плюс все мое существо протестовало против того, что десятки, сотни людей побросали свои дела и в буквальном смысле ищут иголку в стоге сена. Какое может быть прочесывание в нашу эпоху современных технологий?

— Этот потеряшка ведь с мобильником ушел? — снова подступила я к нашему шефу.

— Да сел у него давно телефон, неужели непонятно? — вмешалась в наш разговор одна из заскучавших студенток.

— Сотовые операторы могут посылать сигнал сим-карте даже при отключенном девайсе, — возразила я. — Он будет принят симкой, и его зафиксируют ближайшие вышки сотовой связи. А потом достаточно просто на карту взглянуть.

— Да? Я не знала, — пожилась студенточка и тут же строго нахмурила брови: — Почему тогда этого не сделали?

— Сделали. Давно, — махнул рукой куратор. — Но местонахождение телефона не определяется.

— И что это значит? — не отставала девица.

— Аппарат сломан. Или уничтожен. Или просто вышки далеко, — объяснил молодой человек.

И отправил нас на новый этап поисков — прошла я его, признаюсь, почти совсем без энтузиазма.

Надо поскорее заканчивать эти игры в бойскаутов. В доме отдыха, в прямом контакте с Викой и возможными свидетелями, я узнаю куда больше, чем здесь.

К штабному мини-вэну нас привезли в половине десятого вечера. Ноги гудели, нос нещадно чесался — я все-таки умудрилась сунуть его в крапиву. Встречали бутербродами и скупым: «Поиски сегодня результатов не дали». Но всех звали приехать завтра — хотя и обещался вертолет, сесть он может далеко не везде, добровольцы всегда пригодятся.

— Ты приедешь? — обратилась ко мне дама с малиновой стрижкой.

— Вряд ли.

— Я, если честно, тоже взрослых ищу как-то без вдохновения, — призналась она. — Совсем другое дело, если ребенок пропал.

Мы распрощались, я вернулась к своей машине, стянула с себя камуфляж, переобулась в босоножки и побежала в «Дубовую рощу».

Вместо старичка с кроссвордом КПП теперь охраняли двое амбалов. Они упорно требовали курортную книжку, но все-таки удовлетворились паспортом и честным словом, что я не журналист, а просто приехала в гости к подруге.

Вике я, как и обещала, еще из лесу отправила несколько эсэмэсок, но ни на одну из них она не ответила. Поняв, что она еще спит, я решила не будить ее, а побродить пока по территории, поболтать с народом и двинулась к одноэтажному строению с гордой вывеской «КЛУБ». Культурное заведение явно не пустовало. На крыльце малолетние дети соревновались, кто сможет проползти по трем щербатым ступенькам и не свалиться, изнутри завывал «Учкудук, три колодца», две молодые мамы с тоскливыми лицами курили на лавочке рядом.

Я бодро взлетела на первую ступеньку, но дальше пришлось задержаться — малышня полностью перегородила проход. Пока примерялась, как сделать шаг полочнее, вдруг услышала:

— А я тебе говорю — там труп! — громко произнесла одна из мамаш.

— Где? — резко обернулась я.

— Да вот Мила у нас экстрасенс. И видение ей было, что убили этого парня, — охотно объяснила вторая.

— Кто? — деловито спросила я.

— Денег он задолжал, — вздохнула молодая предсказательница, — а отдавать не хотел. Митя (это ребенку), слезь оттуда сейчас же!

— И как его убили?

— Позвали в лес. Просто поговорить. Может, по шее дать — для науки. А когда он темнить начал — не выдержали. Битой по голове, насмерть, и в волчью яму. Закопали, потом лапником забросали.

— А где? Тут, недалеко?

— С километр где-то, — с важным видом ответила Мила. И торопливо добавила: — Но место точное показать не могу. Я только, как было, вижу, а чтобы прямо конкретно привести — специальные обряды делать надо. Этого не умею.

— А если с собакой, то можно найти? — азартно спросила вторая мамаша.

— Со служебной? Запросто, — кивнула Мила. — Только ведь не ищет никто!

— А добровольцы? — осторожно произнесла я. — Они бы свежую могилу заметили!

— Что с них взять? Лопухи против профессионалов, — отмахнулась Мила. — У меня муж в спецназе служил, рассказывал, как могилы маскировать: землей хорошенько засыпать, деревьев молодых посадить, лапником забросать — сроду никто не заметит!

Я принялась: от мамы-экстрасенса ощутимо пахло пивком. Болтает всякую ерунду. Зря только время трачу.

Но войти в клуб я так и не успела. Зазвенел мобильник, и в трубке послышался восторженный Викин голос:

— Мишка нашелся!

Через пять минут мы в Викином номере вдвоем разглядывали «эсэмэску» в ее телефоне: «VISA 7587 07.08.** 21.05 выдача 28000р ATM 11605420 Баланс 19.04р.»

— Эта карта, вообще-то, моя, но я Мишке ее дала, — горячо зашептала мне в ухо Вика. — В ресторане расплатиться, когда мы помолвку праздновали — у него с деньгами сложно сейчас, я говорила. А потом Мишка попросил оставить — ему еще за бензин заплатить надо было...

Я с удивлением взглянула в ее счастливое лицо и осторожно спросила:

— А чему ты тогда радуешься?

— Он жив! Раз деньги снимает!

— Но карта твоя. А снимает он. С какой стати?

Вика побледнела:

— Или ее украли, и это кто-то другой делает?! — побледнела Вика.

— А ПИН-код? Миша хранил его в кошельке?

— Нет. Он на память выучил... — Она сразу сникла и растеряно произнесла: — Вот если бы я знала, где этот банкомат...

— Нет ничего проще, — небрежно бросила я.

Мой планшет, хотя и помещается в дамскую сумочку, начинку в себе хранит серьезную. Я вбила номер ай-ти-эма в нужную базу данных, взгляделась в список:

— Торговый центр «Перловский». Это в Мытищах, рядом с одноименной станцией. О чем-то говорит?

— Вообще первый раз слышу, — развела руками Вика. — Но там наверняка есть видеокамера! Надо посмотреть, кто взял деньги!

Я вздохнула. Возможно, и есть — но доступа к записям мне никак не получить.

— ПИН-код можно взломать, — смущенно предложила она.

— Сложно и долго. Если карта в чужих руках, куда проще сделать по ней покупку в Интернете. Без всякого ПИН-кода. А тут еще сразу нужную сумму сняли. Ровно сколько было.

— Я понимаю. Вы хотите меня убедить, что Мишка сбежал, — покачала головой Вика. — Но зачем ему это?! Чтобы украсть двадцать восемь тысяч? Так я ему и так их дала! — И вдруг заревела: — Его убили, наверное, в лесу! И карту забрали!!

Я промолчала. Раз кредитка принадлежит Вике, Михаил теоретически мог подстраховать память, записать где-то в своих бумагах ПИН-код. А злоумышленники этим воспользовались.

— Вика, у него хоть какие-то свои деньги имелись? На картах или наличными?

— Ну, я ведь вам говорила, — проворчала она, — у Миши сейчас все в бизнес вложено. А дела не очень идут. Что-то было, наверное. Но немного.

— Все равно у нас есть лишь две версии, — твердо продолжила я. — Первая — человек заблудился или, не дай бог, погиб. Вторая — он сбежал. В лесу его искали и будут искать. А мы пока давай рассмотрим второй вариант. Как думаешь, мог Миша заранее подготовить эту комбинацию? Привезти тебя сюда — и исчезнуть?

Девушка задумалась. Потом решительно тряхнула головой:

— Нет.

— Почему? Верить в его глубокую порядочность?

— Да никакой он особо не порядочный, — вздохнула невеста. — Кинуть, если захочет, может. Но зачем огород городить? Хотел бы — просто ушел. И золото бы мое взял — я его на съемной квартире держу. И все деньги — у меня на второй карте тысяч двести, ПИН-код Мишка тоже знает. Но мы-то изначально вместе ехали в дом отдыха. Если бы не мама с ее билетом на Кабалье и поселились бы в одно время. Жили бы в одном номере, гуляли! Как бы он сбежал, если бы театр не нарисовался? Ночью, когда я сплю? И зачем тогда все свои вещи оставлять?

— Чтобы ты считала его жертвой, а не подлецом.

— Нет, — твердо повторила Вика. — Миша бы никогда так не сделал. — Но лицо ее при этом стало совсем печальным.

— Ты смотрела, что в его сумке? — поинтересовалась я.

— Нет.

— Давай вместе проверим.

— Зачем?

— Ну, если он решил сбежать, обязательно взял бы с собой паспорт.

— Мишка и так борсетку никогда не оставлял. Тем более, тут ни сейфа, ничего... Дурак! Она у него вечно набита: дисконтные карты, визитки! Какие-нибудь узбеки, наверное, увидели — и позарились! Я читала, они даже из-за мобильного старого убить могут! — Слезы снова закапали из Викиных глаз.

Я быстро просмотрела футболки, джинсы, шорты, свитера, а Вика тем временем комментировала:

— Это «Лакост», из новой коллекции. Бешеных денег стоил. А свитер — чистая шерсть, Мишкин любимый...

Я заглянула в сумку. Извлекла оттуда два пакета. В первом оказались чистые носки и трусы, во втором — мочалка с шампунем. Следующим под руку попался лэп-топ.

— Видите! — сказала девушка. — Он его не забрал.

— Дай, пожалуйста, посмотреть, — сказала я, вынимая компьютер из дешевого кейса. Pavilion. Даже фирмы такой не знаю. И по виду довольно древний. — Пароль есть?

— Да, но я его, разумеется, знаю! — возмущенно проговорила Вика.

— А от почты? — вкрадчиво спросила я.

— От почты не знаю. — Она слегка покраснела. — Но Миша из ящика никогда не выходит. Так что я иногда...

— Держала руку на пульсе. Правильно, — похвалила я и включила лэп-топ.

— Пароль на вход «I always win», — подсказала девушка.

Самоуверенный молодой человек.

На главной панели сиротливо висели всего две папки: «Договора» и «Планы».

— Сначала почту посмотрим, а потом сайты, куда он ходил, — предложила я.

Вай-фай в доме отдыха работал прилично, и почтовый сервер мы загрузили сразу. Пароль, как и предсказала Вика, сброшен не был.

— Давай ты, — придвинула я компьютер к ней.

Вика уверенно кликнула на «входящие».

Семь новых писем — первое из них пришло вчера в 17.40. То есть после исчезновения Михаила.

Девушка проглядела список и начала уверенно объяснять:

— Три — от Петьки, они вместе дела крутили, Лили — это сестра его, из Омска. Денис Петрович — не знаю... — Она вдруг нахмурилась: — А это еще что за «Veroshka-Kroshka»? — и открыла письмо:

Уважаемый Михаил,

Искренне рады, что Вы заинтересовались нашей продукцией. Крупнооптовая партия начинается от пятнадцати тонн. Если Вы готовы брать такие объемы, с удовольствием обсудим с Вами особые условия сотрудничества.

С наилучшими пожеланиями, менеджер Вероника Крошкина.

— Мозг надо включать, когда себе такое имя для почтового ящика придумываешь. Верочка-крошка, блин! Прямо, для эскорт-услуг, — облегченно вздохнула Вика и вопросительно взглянула на меня: — Посмотрим, что Петяка пишет? Но там обычно скучотища.

— Открой лучше это, — показала я еще на одно неп прочитанное письмо — из крупного банка.

— «Сберхран»? — удивилась Вика. — У Мишки счет в другом. И карточки все тоже. — Но послушно открыла послание:

Уважаемый Михаил Николаевич!

Рады сообщить, что все представленные Вами документы соответствуют требованиям банка, и кредит Вам одобрен. Ждем Вас вместе с Вашим поручителем в нашем офисе.

— Кредит, опять кредит! — вздохнула она. — Сколько мы с ним спорили!

— А у него их много?

— Три. На машину и два потребительских. Вроде суммы и небольшие, но вечно нехватают. Три раза в месяц вынь да положь: то пятьдесят, то тридцать две, то двадцать. Очень неудобно, когда постоянной зарплаты нет.

— И он хотел еще один взять. На что?

— Я-то откуда знаю? Крошкиной, наверное, этой заплатить. За крупнооптовую партию, — буркнула Вика.

— А сумма там большая?

— Не знаю. В письме этого нет, сами видели.

— Но раз кредит одобрен, возможно, у Миши есть его проект. В распечатанном виде. Поищем? — предложила я.

— В Мишкиной сумке есть потайной кармашек. Посмотрите там, — вяло махнула рукой Вика.

— Лучше ты сама.

Она послушалась. Расстегнула молнию на дне. Вынула оттуда файл с бумагами. Смотреть не стала — сразу отдала.

Это действительно оказался кредитный договор. Я открыла его и присвистнула:

— Ничего себе! Десять миллионов!

— Сколько?!

— Десять миллионов. Нормальную «двушку» в Москве можно купить.

— Безумие! Я бы его отговорила, — заявила невеста, не слишком, впрочем, уверенно.

— А вот еще интересный момент, — быстро проглядев документ, сказала я. — Знаешь, кто там поручитель?

— Да кто еще, Петька, как всегда.

— Нет. Ты.

— Да ладно!

— Тут и справка с твоего места работы есть. Ты в ООО «Велес» трудишься?

— Нет... Я вообще нигде не работаю.

— Сама посмотри.

Вика жадно вгляделась в документ и пораженно пробормотала:

— Да, правда... Какой-то «Велес». Никогда не слышала. Но все остальное — мое. Фамилия, год рождения, адрес, паспортные данные... И зарплата приличная — шестьдесят тысяч в месяц! — Она подняла на меня глаза, наполненные ужасом: — Но я ведь не подписывала этот договор!

— Нет, — успокоила я девушку, — это только проект.

Однако она совсем разнервничалась, заломила руки:

— А вдруг он мою подпись тоже подделал? Если справку с места работы смог?!

— Насколько я знаю, поручитель обязан лично на сделке присутствовать.

— Вообще, очень странно, что Мишка такое затевал... И даже не обсудил со мной... — пробормотала Вика.

«А кто ему карточку отдал? И другие кредиты гасит?» — усмехнулась я про себя. А вслух назидательно произнесла:

— Возможно, он тебе собирался на отдыхе сказать. Выжидал момент, когда ты будешь добра и расслаблена. Или вообще думал промолчать. Фальшивая справка из ООО «Велес» — уже поступок. Может, и твою подпись на кредитном договоре собирался подделать. Официально поручитель, конечно, должен на сделке присутствовать, но сейчас полно агентств, которые берут процент от суммы кредита — и требования банка как-то обходят.

— Мишка не подставщик! — топнула ногой Вика.

— А если договор вдруг уже заключен, и Михаила признают пропавшим без вести, десять миллионов придется платить тебе. Поручителю.

— Гарантирую: никакого договора нет! — твердо произнесла моя клиентка. Я взглянула на ее щиколотку. Японский иероглиф. Желание.

В памяти вдруг всплыло, и я пробормотала:

— «Не пренебрегай упреками в свою сторону», — говорил один великий воин.

— Такэда Нобусигэ читаете? — печально взглянула на меня несостоявшаяся невеста.

— Только эту цитату знаю, — честно призналась я, а про себя подумала: «Для своих восемнадцати с половиной Вика неплохо образованна. Но при этом чертовски упряма». — И, беспечно улыбнувшись, добавила: — Мишка просто заблудился в этом треклятом лесу. И завтра его обязательно найдут.

К ужину мы безнадежно опоздали, идти в кафе Вика отказалась категорически. Я, если занята, легко обхожусь без еды, но клиентку следовало покормить. На одном кофе с утра долго не протянешь.

— Сейчас принесу поесть, — сказала я, — а ты пока в Мишином компьютере покопайся. Всю почту тщательно посмотри, сайты, куда он заходил, социальные сети.

— Сама б не догадалась, — хмыкнула Вика, жадно всматриваясь в монитор. Теперь, когда зерно сомнений посеяно, землю носом рыть будет.

Я спустилась на первый этаж.

Болтливая и возбужденная продавщица за стойкой в кафе без всяких наводящих вопросов выложила мне последние новости: что Михаила не нашли, основная масса волонтеров разъехалась, но четверо остались — администрация предоставила им бесплатный номер. Ждут вертолет — вроде должен быть завтра на рассвете.

Я набрала бутербродов, свежей выпечки, сока, взяла чек (подшить к отчету о расходах) и поспешила обратно. Рассчитывала, что пока Вика увлечена компьютером, ее легко будет подкормить с рук. Я так всегда поступаю, когда Синичкин погрязает в каком-то деле и забывает поесть.

Взбежала на этаж и увидела, как из лифта выходит пара: мускулистый, с сексуальными морщинками вокруг глаз стального цвета, похожий на шерифа мужчина под руку с дамой. Та до его уровня не дотягивала, хоть была стройна, обработана ботоксом и одета модно и дорого. Но держала своего спутника властно и цепко.

На первый взгляд, у обоих ничего общего не было с Викторией. Но мой натренированный мозг мигом вспомнил лошадиное лицо, серые глаза, прямой нос, правда, непонятно зачем испорченный пирсингом. Дочка явно унаследовала породу отца, но не его шик и красоту.

Поискать фамильные черты в матери я не успела.

— Где здесь номер триста пятнадцать? — резко, словно к горничной, обратилась ко мне дама.

— Вы — Викины родители?

— Да, — слегка улыбнулся отец, и сеточка морщин вокруг глаз окончательно сделала его похожим на Алена Делона.

Я уловила отчетливый запах перегара. Почему все красавцы — обязательно или подлецы, или пьяницы?

— А вы кто такая? — поинтересовалась женщина, неприветливо глядя на меня.

Выдавать Вику, безусловно, не стоило. К счастью, я на сыщика мало похожа, да и импровизировать неплохо умею. Потому затараторила:

— Мы с Викторией здесь, в доме отдыха, познакомились. Мне так жаль ее! Она очень переживает, в столовую не ходит. Говорит, кусок в горло не лезет. Вот,

несу бутерброды, хочу уговорить, чтобы поела. И продемонстрировала свои пакеты.

— Мы сами ее покормим. Давайте, — протянула руку дама.

— Ира, ну ты чего! — укорил ее мужчина, затем тепло улыбнулся, взял мою миглом обмякшую руку в свои сильные ладони и произнес: — Спасибо вам за дочку. Меня зовут Юрий. А вас?

— Римма.

Я вспомнила не столь давний Викин разговор с мамой. Судя по нему, отца в тот момент везли к наркологу. Хороший же у него доктор! Сейчас передо мной стоял полностью адекватный здоровяк. Впрочем, Синичкин рассказывал, что запойным какие-то волшебные капельницы ставят, вместе с токсинами еще и лет десять скидываешь.

Женщине явно не понравилось, что Юрий держит мою руку, и она заторопила его:

— Пойдем уже к Вике.

Но он не двинулся с места. И ладонь мою не выпустил. Спросил:

— Как она?

— Держится. В Мишином компьютере лазит, ищет зацепки.

— Правильно, — одобрительно кивнул мужчина. — Это вы догадались ее делом занять?

— Все лучше, чем тупо плакать.

— Да Михаил ее слезинки не стоит! — с пафосом изрекла маман по имени Ирина.

Я сама освободила свою руку и, подведя гостей к двери номера, постучала, весело объявив:

— Служба доставки!

— Мама?.. — растеряно прошептала Вика. Но, встретившись глазами с отцом, тут же просияла.

Я положила на стол пакет с провиантом и со значением произнесла:

— Вик, ну, если тебе больше ничего не нужно, я пойду пока к себе в номер.

— А ты когда уезжаешь? — подыграла она мне.

— Завтра утром. Желаю, чтобы твоего жениха как можно быстрее нашли!

— Конечно, Михаил найдется! — уверенно произнес отец.

А мать с неприкрытым презрением добавила:

— Взрослый мужик. Не хромой, не убогий. Как можно было в лесу заблудиться? Зачем такого вообще искать?!

«Сейчас будут вдвоем Вике на мозг давить, что ее кавалер сбежал», — поняла я.

Однако спустя полчаса, когда я ехала домой, на мобильнике высветился номер брошенной невесты. Фоном слышался шум воды. Девушка прошептала в трубку:

— Я от них в душе спряталась. Римма, продолжайте его искать. И пришлите мне номер вашей карты. Я перечислю аванс. Сколько нужно?

Синичкин меньше пятидесяти тысяч обычно не брал, но я оценила Михаила чуть подороже пропавшего кота — в десятку.

Следующее утро в череде сонного безделья оказалось приятным контрастом. В офис я не брела, а мчалась — почти как на праздник! Ведь у меня имелось собственное интересное дело, аванс плюс огромная куча наметок и версий!

Оперативное чутье (научилась кое-чему за долгие годы работы с Синичкиным!) подсказывало: скорее всего, Михаил в лесу не терялся. Он сбежал. В чем смысл — бросать богатую, пусть и не слишком красивую невесту-москвичку, я пока не понимала. Тем более, Вика суженому в рот смотрит, реплики его цитирует, да еще и денюжат подкидывает безвозмездно.

Ладно, подумаем пока о другом. Куда он мог двинуть — чисто технически? Авто Викиного жениха, как я выяснила вчера, осталось в доме отдыха на парковке. Но от станции Кратово до «Дубовой рощи» ходит автобус. Дальше — электричка, Москва, и езжай, куда угодно.

Еще недавно достаточно было компьютер включить, войти в нужную базу данных — и все передвижения человека известны. Но нынче лавочку прикрыли. Будь я сотрудником органов — узнала бы без проблем. А так приходилось рассчитывать исключительно на личные связи.

К счастью, в доме, где я живу, недавно сменили старичка-участкового, и новый назначенец оказался молодым, падким до юных дев вроде меня и чрезвычайно любознательным. А когда выяснил, что я работаю в детективном агентстве, пришел в абсолютный восторг. Стал заглядывать на чай, расспрашивать о специфике. Одним словом, кадрился — по счастью, не слишком нагло. Его я и озадачила просьбой узнать о передвижениях гражданина Дивина.

Потом заварила себе кофе, вернулась за начальственный стол и решила зайти с другой стороны. Может быть, Мишин «купи-продай» бизнес в упадке? В огромных долгах? И убегает он вовсе не от Вики?

Доступ к реестру индивидуальных предпринимателей у меня, к счастью, имелся. Я легко выяснила: в черном списке Викин жених не значится. Честно подает декларации, платит невеликие налоги, производит отчисления в Пенсионный фонд. Возможны, конечно, теневые сделки и неофициальные долги, но, судя по скромным суммам реальных контрактов и совсем небольшим — в масштабе бизнеса — займам у невесты, плавал Михаил мелко. Кредит (пока не взятый) на десять миллионов перекрывал все его предыдущие «купи-продай» в разы.

А может быть, — продолжала размышлять я, — Михаил никуда не терялся? И случилось с ним кое-что пострашнее?

В нашей с Синичкиным практике были случаи, когда преступники (для отвода глаз или чтобы похваляться) являлись в детективное агентство — и нам искать тех, кого сами и погубили.

Вика мало походила на подобную коварную особу. А вот мамаша не скрывала, что на дух не переносит потенциального зятя. Надо привести о ней справки, и об ее красавце-супруге тоже.

Я открыла новую базу данных.

Отец девушки никогда не привлекался, ни на каких учетах не состоял, однако биографию имел весьма занятную. Школу окончил с медалью, но в институт не пошел, отправился в армию, причем в самое тревожное время. Отслужил срочную в Чечне. Потом еще четыре года по контакту. А в двадцать шесть с первой попытки поступил на факультет ВМК в МГУ. Сейчас трудился — удаленно — системным администратором.

Но самое интересное обнаружилось, когда я отыскала красавца со стальным взглядом в социальной сети. Ждала — как обычно у мужчин в возрасте — фоток из отпусков, но обнаружила, что он постоянно обретается в сообществе эзотериков. Причем имеет там определенный вес. Неофиты просят у него советов и комментариев.

Некто Павел Р. всю жизнь грезил о море, однако прозябал с нелюбимой женой и на скучнейшей сухопутной работе. Юрий уговорил его изменить «порочный типовой паттерн», и вот Павел продает квартиру, бросает супругу, обнуляет счета. «И теперь я живу на яхте, она зарегистрирована под английским флагом, и я уже почти уговорил одну потрясающую девушку отправиться вместе со мной в кругосветку».

Прочие члены клуба в своих комментариях дружно восхищались смелым поступком и хвалили Юрия за отличный совет. Я же подумала: а каково оставленной супруге? И не общую ли их квартиру герой продал?

Еще одна ветка сообщества называлась «Знаки свыше». Речь там шла о вещих снах и прочей мути. Юрий тоже принимал участие в обсуждениях. О собственных видениях, правда, не рассказывал (хотя, если допивался до белой горячки, они у него наверняка имелись). Но всем желающим охотно растолковывал их предзнаменования. Судя по потоку благодарностей, часто попадал в точку. Интересный экземпляр.

Время близилось к вечеру, но я все-таки взялась еще и за биографию Викиной мамы. Та оказалась дамой абсолютно приземленной. Жизнь свою строила целеустремленно и крепко. После школы — пищевой техникум, параллельно — работа официанткой, далее — несколько кулинарных семинаров, платные бизнес-курсы, администратор, потом директор ресторана. Пару лет назад выбилась в настоящую бизнес-леди — организовала сеть кафе быстрого питания «Пироги и пышки», недавно начала выдавать франшизы. При этом — Вика не соврала — успевала работать в совете их многоквартирного

дома, однажды даже баллотировалась в депутаты и голосовала на сайте мэрии «за» и «против» различных новшеств. Билет на концерт Монсеррат Кабалье действительно достался самому активному гражданину города.

«Может, несостоявшаяся теща этому неудачнику Мише просто денег дала, чтоб он исчез из дочкиной жизни? — предположила я. — А тот, раз уж в руках Викина карточка оказалась, заодно и оттуда все бабки снял?..»

Версия мне понравилась — я записала ее в блокнот под номером первым.

Перед тем как отправиться восвояси, позвонила клиентке. Та вялым голосом отрапортовала: до пяти часов вечера они с родителями сидели в доме отдыха. Идти с волонтерами в лес на поиски жениха мама с отцом ее не пустили категорически.

— Ты вроде совершеннолетняя, — заметила я.

— Папа очень нервничал, — вздохнула Вика. — Я не хотела, чтобы он опять разволновался. А Мишу все равно не нашли. Хотя и вертолет был.

— И где вы теперь?

— Домой приехали. Вот думаю, что с Мишкиными вещами делать.

— А что с ними делать? Пусть стоят пока. Надежды не теряем, — подбодрила я ее.

Но на следующий день с утра взялась за самую неприятную для Вики версию.

В России не так давно создали сайт, куда девушки скидывали фотки альфонсов и свои печальные истории. Я предположила: а вдруг Дивин — один из них, из охотничков подоить не слишком красивых и не особо уверенных в себе дам? Тем более что Вика идеально подходила на роль жертвы: москвичка, богатенькая, красотой и особым интеллектом не отягощена.

Но, взглядываясь в фотографии и читая печальные истории, я пришла к выводу, что фигурировали в них исключительно мускулистые псевдодесантники и «разведчики» с эффектными «легендами». Да и работали мошенники с куда большим размахом, отжимали у жертв квартиры, брали на их имя сумасшедшие кредиты. Торговец овощами, с его скромным похищением двадцати восьми тысяч рублей, в коллектив профессиональных альфонсов явно не вписывался. К тому же Михаилу, на мой взгляд, куда выгоднее было Вику не обманывать, а банально на ней жениться.

Мой добрый участковый позвонил, отчитался: по всем базам Дивина пробил. Россию Михаил не покидал, билетов на поезд, самолет и водные виды транспорта не приобретал. Оставался, конечно, вариант, что товарищ где-то затаился или передвигается на электричках или междугородних автобусах, где паспорт не всегда спрашивают, но я не слишком в подобное верила.

А как, интересно, Вика? Почему не звонит, не интересуется ходом следствия? Но дергать клиентку я не стала. Тем более что никаких серьезных версий у меня пока все равно не имелось.

Приближалось время обеда, и я решила пойти в кафе, которое находилось в нашем же здании. За обедом я обычно впадаю в полное легкомыслие. Максимум, о чем думаю — как организовать вкусный низкокалорийный ужин, и не пора ли записаться на окраску бровей. Но одно дело, когда знаешь: Паша, если что, всегда выручит и прикроет. И совсем другое — твое личное следствие. Мысли и во время еды вертелись исключительно вокруг дела, поэтому к себе я возвращалась чуть ли не бегом — не терпелось проверить парочку новых идей.

Перед запертой дверью агентства я неожиданно увидела Вику. Она сразу кинулась ко мне с возгласом:

— Вы нашли Мишу?!

— Пока нет, но... Давай зайдем в кабинет и там поговорим, — предложила я, открывая ключом дверь.

Вика прошла вслед за мной, остановилась посередине комнаты и вдруг, неожиданно для меня, решительным тоном произнесла:

— Михаила больше искать не надо... Аванс можете оставить себе.

— А ну, сядь в кресло! — не удержавшись, выпалила я.

— Вы почему кричите? — растерялась Вика. Но послушно упала в кресло.

— Потому что дело заведено, и обратного хода оно не имеет.

— Что за ерунда? — пискнула она. — Мы не в полиции!

— А это роли не играет. Я на полпути ничего не бросаю. Мне поручили выяснить, куда исчез гражданин Дивин, и я это сделаю.

— Но зачем, если это никому не нужно?

— Быстро ты меняешь решения! — Позавчера еще рыдала здесь, умоляла найти Мишеньку. Почему он тебе вдруг стал не нужен?

— У меня изменились обстоятельства, — поджала губы Вика.

— Новый кавалер? — иронично подняла я бровь.

— Любви вообще нет! — отмахнулась она. — А к Мишке хоть и привыкла, но он меня раздражал ужасно.

— И чем же?

— Да тем, что вечно без денег, постоянно их у меня кланчил. А у меня самой не так много. И тратить хочется на себя, а не на его черешню гнилую.

— Раньше тебя все устраивало, — напомнила я.

— Раньше у меня самой гроши были, так, родительские подачки, — ответила Вика и вдруг триумфально улыбнулась: — А сейчас получилось так, что я внезапно стала финансово независимой.

— Богатый дядюшка в Америке скончался?

— Нет, — покраснела девушка. — Я вам все расскажу. Дело в том, что я очень азартная. С детства. Люблю рисковать, скорость, высоту. Банджиджамп, параплан, прыжки с парашютом... И еще — всякие лотереи... — Она окончательно смутилась и замолчала.

— Дальше! — поторопила я.

— Ну... В тот день, когда я после Монсеррат Кабалье к родителям ехала, меня совсем расколбасило. И, чтобы нервы успокоить, я пару лотерейных билетов купила. Подумала, Миха куда-то исчез — вдруг хотя бы здесь удача? Ну, и проверила вчера вечером. В одном из билетов все цифры закрылись!

— И сколько ты выиграла?

— Как тот кредит. Десять миллионов, — усмехнулась Вика.

— Да ладно! В лотерею выиграть невозможно!

— Мы сегодня с папой в их офис ездили. Принесли билет. Я показала паспорт и получила подтверждение. Вот. Выигрыш выплатят в течение недели, — и она протянула мне бумажку с ярким логотипом.

Я быстро проглядела текст. Все верно: тираж такой-то, состоялся позавчера, гарантированный выигрыш — полтора миллиона, плюс джек-пот. Предъявитель билета — Виктория Юрьевна Юнкер.

Чудеса!

— И что теперь? — глупо спросила я.

— Как, что? Поеду мечту осуществлять. И Мишка мне для этого совсем не нужен.

— А что за мечта?

Лошадиное личико зажглось улыбкой, веснушки засверкали, словно звезды:

— В Италии хочу учиться. В академии при «Ла Скала»!

— А тебя туда возьмут? — иронично поинтересовалась я.

Вика вскочила и выдала мелодию весьма неплохим меццо-сопрано. Потом плюхнулась обратно в кресло и добавила:

— Бесплатно бы не взяли. А за деньги — почему нет?

Я совсем растерялась. Паша Синичкин, богатая оперативная практика, а также многочисленные детективы намертво вбили в голову: одно совпадение — подозрительно, а двух — просто не бывает. Нереально такое — за три дня, одновременно, избавиться от неподходящего жениха и разбогатеть! Если, конечно, тебе не помогли...

— Где именно ты покупала билеты?

— В ларьке. У нашего дома, — захлопала глазами Вика.

— Каким?

— Там он один.

— Ты запомнила номер билета, который купила?

— Нет. А зачем?

— А когда ездила в дом отдыха, билет с собой брала?

— Нет. Дома оставила.

— Где?

— У себя на тумбочке.

То есть подменить — вообще никакой проблемы.

Только кому нужно — не красть, а, наоборот, одарять?

«Родителям, например. Чтобы любой ценой избавиться от неподходящего жениха».

Подобный бизнес — продажа выигрышных билетов — насколько я знала, существует. Пользователей у него хватает. Отличный способ отмыть грязные деньги. Или взятку дать. Нынче придешь с конвертом — велик шанс загреметь по серьезной статье лет на шесть. А лотерейка сто рублей стоит, дешевле букета цветов. Такие подарки принимать официально позволено. Но, по моим сведениям, организаторы лотерей выигрышный билет продают по цене один к десяти. Неужели у Викиной мамы есть лишние сто миллионов? И она готова их выложить только за то, чтобы избавиться от несчастного Михаила? Сто миллионов — сумасшедшая сумма! А ведь еще и Дивину пришлось платить — чтобы уехал, перестал на дочь и московскую квартиру претендовать. Но, увы, родители — безумные существа.

Вика понизила голос до полусшепота:

— У меня папа немножко эзотерикой занимается. Я в эту его фигню вообще-то не верю. Но недавно он с ножом к горлу пристал медитацию с ним вместе пройти. «Код счастья» называется. Я посмеялась — но перетерпела. Всякие там глупости: «С этого момента твоя жизнь меняется. Все неудачи стерты. Ты уверенно движешься только вперед». А оно, и, правда, так получилось!

«На самом деле мамаша твоя всю эзотерику сотворила», — чуть не брякнула я, но удержалась и, улыбнувшись, спросила:

— Родители как, радуются?

— Ну, папа страшно горд, что его методика сработала. Пристает, чтобы я на его сайте отзыв оставила. А маман злится ужасно.

— На что?

— Что я деньги на ерунду собираюсь тратить, что солисткой все равно не стану, а буду в хоре рот разевать».

— А куда она советует тратить?

— В Америку гонит, — поморщилась Вика. — На эм-би-эй учиться. А потом ей с «пышками и пирогами» помогать. Вот уж, действительно, тоска!

«М-да, — в очередной раз уверилась я. — Тяжело с детьми. Не буду их заводить».

Но вслух произнесла:

— Однако где же все-таки Михаил?

— Да где бы ни был! — улыбнулась Вика. — Папа говорит, надо ему в странство спасибо сказать и забыть. Он свою миссию уже выполнил.

— И какая у него была миссия?

— Ну, я говорила ведь вам! Мишка убедил меня в свои силы поверить! Как певицу начал продвигать. Вот зачем он на моем пути попался, чтобы путь

указать. А замуж за него не было никакой необходимости. Счастье, что высшие силы все решили за меня!

Спорить с ней дальше мне показалось бесполезным.

Вика написала расписку, что перечислила мне десять тысяч рублей «в счет понесенных затрат на поиски Михаила Дивина и претензий ко мне и к агентству не имеет». Затем вскочила и бодрой походкой направилась к двери. Но на пороге вдруг обернулась:

— Помните, вы спрашивали про татуировку? Иероглиф «Ж»? Мое желание — делать все, что хочу!

Триумфально улыбнулась и упорхнула, опьяненная блестящими перспективами и, похоже, навсегда выкинувшая меня и бывшего жениха из своей жизни.

А я пробормотала ей вслед:

— Беги, беги. Только я твое дело закрывать не собираюсь.

Когда Паша вернулся из Ниццы и выслушал мой доклад, резюме он выдал мгновенно:

— Забей! Искать пропавших женихов — хуже, чем котов в марте.

— Но мне тревожно! — пускнула я. — Он вообще может быть мертв!

— Кому нужны руки пачкать? Какой-то торговец овощами... Взял денег у мамы девушки да и сбежал, ты верно предположила.

— А билет выигрышный?

— Тоже родители устроили. Себя на их место поставь. Что лучше — когда дочка единственная в Италии с графами «Беллини» пьет или когда на кухне съемной картошку своему омичу жарит?

— Но два подряд совпадения...

— Да не совпадения это, а звенья одной цепи, — отеческим тоном произнес Синичкин. — Лучше выкинь глупости из головы и хотя бы окна помой, пока тепло и настоящее дело не подоспело.

И я покорно отправилась выполнять приказ шефа. Какой, действительно, смысл суетиться? Вика мне больше не звонила, а предлагать свои услуги по розыску сына родителям Михаила я не решилась.

Подступал сентябрь, Москва неуклонно набивалась детьми и загорелыми менеджерами, благостная вежливость на дорогах сменялась истеричным метаньем из ряда в ряд и гуденьем клаксонов. Появились и клиенты. Иные заказы были весьма приятны: например, присматривать за дочкой нефтяного магната. Девуцу «поступили» в МГИМО, выпустили без всяких мамоньянок в столицу, и папа справедливо опасался альфонсов, кокаина и прочих московских соблазнов. Мы с Пашей получили немалую сумму на расходы и ходили вслед за наследницей инкогнито по дорогим ночным клубам.

После расслабленного лета приятно входить в рабочий ритм постепенно, но в этом году дела сыпались одно за другим. И все же, хотя никто больше не вспоминал о пропавшем Михаиле, я не теряла надежды утереть нос (не знала, правда, кому) и человека найти.

Периодически мониторила по своим базам, не выплывет ли где паспорт Михаила. А еще добыла телефон приятеля господина Дивина, с которым они вместе возили по стране овощи-фрукты, и как-то вечером осмелилась пригласить его в кафе.

Худосочный экземпляр по имени Петр на контакт пошел легко, гневно накупился в ответ на мое предложение расплатиться за чай с пирожными и заявил, что я самая прекрасная в мире частный детектив. Потом сделал обескураженное лицо и улыбнулся:

— Были бы деньги, я бы вам сам заплатил, чтобы Мишку найти и в рожу ему плюнуть. Как подставил меня, гад! Миллион дел на сентябрь напланировали, а он вдруг такой финт ушами!

— А что вы планировали?

— Так сезон ведь! Картошку из Рязанской области хотели возить. Арбузы астраханские. Виноград из Краснодарского края.

— Крупный опт?

— Да какой там крупный! «Газель» продашь — уже хорошо.

— Кто такая, кстати, Вероника Крошкина?

— Впервые слышу, честно говоря, — покраснел Петр.

— Михаил вел с ней переговоры. О покупке какой-то крупной оптовой партии. На пятнадцать тонн не знаю чего.

— А мне ни слова не сказал! — ахнул Петр.

— Про кредит на десять миллионов тоже не знаете?

— Мишка взял кредит? — лицо партнера по бизнесу пошло пятнами. — Спятил, что ли? Да у него и так три непогашенных! И лично мне сто «косых» должен!

— Мог он скрыться, просто чтобы не платить? Никому — ни банкам, ни вам?

— Мог, наверное. Только зачем? За машину он почти рассчитался. Потребительский кредит тоже до октября. Общая сумма в итоге оставалась тысяча триста рублей. Смысл из-за таких денег прятаться? Да и деться некуда. Банки-то его быстро в стоп-лист поставят, начнут кровь пить, за границу не пустят. Или уже успел улететь?

— По своему паспорту — нет.

— Тогда вообще хрень какая-то! А вы Лильке звонили?

— Его сестре? — покачала я головой. — Нет. Тут ведь какой тонкий момент. Заказчиком поисков была Вика, невеста Михаила. Она разыскать его умоляла, а потом она же — остановить поиски. Поэтому формально я никаких прав искать его не имею. И не платят мне за это. Но когда человек без следа исчезает, это всегда подозрительно. Вот и копаю потихоньку. Из собственного интереса.

— Ну и правильно! — горячо поддержал Петр. — Вы — равнодушная. И красивая. Вот. — Он страшно смутился, выхватил телефон, набрал номер и строго спросил: — Лили? Привет! Чего там Мишка? Не появился?

Больше ему ни слова не удалось сказать — в трубке застрекотал горячий монолог. Когда через пятнадцать минут он завершился, Петр добросовестно отчитался:

— Зла, как черт. Ей из банков звонят. Квартирный хозяин арендную плату требует, в противном случае все вещи брата выкинет на помойку. А предки — они в Омске — сказали, что больше ни копейки не дадут, мол, тридцать два года — не ребенок, пусть сам со своими проблемами разбирается. — Он вдруг растеряно посмотрел на меня: — Может, с ним, и правда, случилось чего?

— Вообще-то запросто. Его добровольцы двое суток искали. Весь лес прочесали, вертолет прилетал. А вы про человека ни слова, только про деньги говорите, — упрекнула я.

— Не... ну мы тоже что-то делаем. Лилька заявление подала. На розыск. Но толку — ноль. Не скрывали: совершеннолетних особо не ищут. А сама она считает, что брательник усвистал куда-то. Всегда себя так вел, еще со школы. Если устал, настроение плохое, все надоело — берет и убегает. В шестом классе почти неделю катался на электричках, пятьсот километров от дома отмахал...

— Но даже если он просто свинтил, нельзя от друга отказываться и ничего не делать, — продолжала я ворчать.

— А что мы можем?

— Сложно, что ли, с квартирным хозяином разобраться? Машину забрать из дома отдыха?

— А он ее, что ли, там бросил? — удивился Петр.

— Первые два дня была там. На стоянке. Где сейчас — понятия не имею.

— Ладно, — кивнул парень. — Это я не подумал. Сделаю. А то вы меня совсем устыдили. Да, блин, Москва! Пропадает человек — а ты и не знаешь...

«Ну вот, — подумала я. — У бесплатного детектива появился бесплатный помощник».

Но еще больше мне хотелось выведать, как идет официальный розыск. Правда, тут глазами не похлопаешь, надо Синичкина уламывать, чтобы подключил свои связи.

Однако Паша только и сказал, что дело приостановлено. И лишь в канун Нового года презентовал мне коробку конфет и исполненный на ватмане карандашный портрет мужчины.

Я начала с того, что конфеты — мои любимые, и лишь потом с любопытством ткнула в картинку:

— А это кто?

— А это товарищ, с которым твой любимый гражданин Дивин по лесу прогуливался. В день заезда в дом отдыха.

— Да ты что! Как удалось достать?

— Пришлось подключать самые высокие связи, — важно ответил Синичкин.

Я внимательно взгляделась в картинку, но фигурант — в черной шапочке до самых бровей, с несколько восточным разрезом глаз, скуластый, тонкогубый — никого хотя бы минимально знакомого мне не напоминал.

— Портрет составлен со слов отдыхающего, — прокомментировал Синичкин. — Но делай поправку: это дедушка семидесяти трех лет. С катарактой. Других свидетелей нет. Видеозаписей тоже. Родственники не дают. Места на стенде «Их разыскивает полиция» — дефицит. Дело, как я тебе говорил, приостановлено, и фоторобот этот лежал в нем мертвым грузом.

Я забрала картинку, села за компьютер, прогнала через поиск по фотографиям. Ни единого совпадения не выскочило. Я решительно не представляла, что делать дальше. Да от меня никто этого и не требовал. Хотя за Михаила, пусть заочно он мне и не нравился, было обидно. Как это исчез и никто о тебе не беспокоится?!

Только Петр проявил пусть минимальную, но сознательность. Доложил, что машину коллеги от дома отдыха забрали (запасные ключи нашлись в арендованной квартире, а свидетельство о регистрации, по счастью, болталось в бардачке). Продать чужой автомобиль он, разумеется, не мог, но сдал его в аренду, а с доходов гасил кредиты коллеги. С квартирным хозяином тоже разошелся с миром и все вещи Михаила вывез к себе.

По горячим следам, тогда, летом, у меня имелось громадьё планов. Тщательно изучить бэкграунд Викиных родителей. Установить передвижения обоих в день пропажи Михаила. Но сейчас, когда летнюю жару сменила бесснежная стужа, а мы с Синичкиным занимались интереснейшим делом об исчезновении антикварного ожерелья у жены одиозного депутата, жизнь и судьба Михаила Дивина перестала столь ярко меня занимать. Денег не платят. Вика прислала на католическое рождество открытку с ангелочком и похвасталась, что лучше всех на курсе исполнила партию Виолетты. Про Михаила в послании ни слова.

Я пожелала молодой певице дальнейших успехов — и тоже выкинула свое первое самостоятельное дело из головы.

Минула зима, закончился то кислый, то морозный март, стремительно пролетел апрель.

В мае наступило традиционное затишье: граждане разъехались по дачам, криминальный элемент рванул в Сочи. Мы с Синичкиным офис не закрыли, но, наконец, смогли слегка расслабиться.

Как-то, сидя в своем кабинете, Паша бесцельно серфил по сайтам и вдруг крикнул мне:

— Как дом отдыха назывался?

— Какой? — не поняла я.

— Ну, где этот твой Дивин пропал.

— «Дубовая роща». Люберецкий район. А что?

— Там в километре от него кусок леса оттяпали под участки. Земля еще не в собственности, но особо ушлые уже строятся. Мужик начал рыть котлован — и нашел труп. Эксперты уточнили, что от девяти до одиннадцати месяцев пролежал. Под твое дело подходит.

Я пулей метнулась в кабинет:

— Фото есть?!

Паша хмыкнул и развернул файл с максимальным увеличением.

Жуткая картина! Пергаментная серая кожа редкими клочьями обтягивала череп. Вместо глаз чернели пустоты. Ощеренные зубы (губ не имелось) насмешливо улыбались. С жутким лицом странно контрастировала почти целая футболка-поло с хорошо различимой эмблемой «Наутика».

Узнать Михаила было невозможно. Но я точно помню, что Вика упоминала синюю майку, которой не оказалось в сумке несостоявшегося жениха.

— Это может быть он. Дивин... — пробормотала я.

— А почему ты не говоришь — «какой ужас!» — поинтересовался Синичкин.

— Я прекрасно знаю, как выглядит разложившийся труп, — максимально бодрым тоном ответила я. — Десять месяцев прошло. Этот еще хорошо сохранился. Там почва, насколько я помню, песчаная.

— Римма, ты такая смешная, когда пытаешься казаться циничной, — усмехнулся Павел.

— А причину смерти установили?

— Думаешь, это просто в такой стадии разложения?

— Ну, если в теле есть пуля...

— Нет. Никаких огнестрельных ранений. Эксперты, правда, сделали осторожный вывод, «что раздробленный второй нижний межреберный позвонок мог пострадать от проникновения в тело острого металлического предмета, предположительно, ножа». Но, как показывает практика, нож — только одна из миллиона причин. А остальные могут быть самого естественного характера: упал, например, или животные постарались...

— А следы ДНК?

— Кого? — жалостливо взглянул на меня Паша.

— Убийцы, конечно!

— Ты издеваешься? Труп был закопан на глубину два-три метра. Убийца мог хоть плюнуть на него, в земле слюна немедленно смешается еще с десятью тысячами ДНК окружающего мира.

— А где борсетка, телефон, деньги, паспорт? — не унималась я.

— При трупе ничего не нашли.

— Значит, тоже забрали. Если помнишь, с его карты на следующий день снимали деньги...

— Ты фоторобот еще не выбросила? — вдруг спросил Синичкин.

— Издеваешься? — хмыкнула я и тут же принесла картинку.

Он профессиональным взором окинул ее и изрек:

— Я не уверен на сто процентов, но душегуб похож на гостя с востока. Гастарбайтеры любят по лесам пошалить. Убил прохожего, взял телефон. Пять сотовых продал — уже на билет до Ферганы хватит.

— Да, — согласилась я. И горячо добавила: — До чего обидно, когда молодые, сильные, здоровые люди вот так глупо свою жизнь заканчивают! Как вообще можно убивать ради телефона и каких-то грошей?! Это же мелко!

— Я работаю почти двадцать лет, — пожал плечами Паша, — и встречал, от силы, пару-тройку, совершенных, если можно так сказать, по справедливости, то есть, за дело. Все остальное — подлость и мрак. Помнишь, в Мытищинском районе мать и ребенка месячного убили — только ради айфона?

Я не стала спорить. Хотя про себя грустно подумала: похоже, перспектив у моего дела нет. Гастарбайтер — чрезвычайно удобная версия. Тем более, что давно известно: осенью, когда заканчивается строительный сезон, многие «гости России», недовольные официальной зарплатой, выходят «подрабатывать». Грабят дачи, нападают на одиноких прохожих. Потом сбывают за копейки телефоны, сережки, кольца и улетают в родные пенаты с небольшим дополнительным доходом.

Но обычно свои преступления они исполняют грязно, лишь иногда удосуживаются слегка присыпать труп землей, а то и просто бросают. А тут — весь лес тщательным образом обшаривали добровольцы из поискового отряда и никакой свежей могилы не обнаружили. Значит, захоронение хорошо замаскировали. Завалили буреломом, возможно, насадили деревьев. Будет ли перепуганный своим деянием узбек заниматься подобным? Придет ли вообще ему такое в голову?!

И с Викиной карточкой по-прежнему непонятно. Вряд ли довольно крепкий парень Михаил по доброй воле сообщил своему убийце ПИН-код.

А еще имелись показания свидетеля — старичка, с чьих слов составили фоторобот. Тот уверял, что Михаил и неизвестный в шапочке шли и мирно беседовали. Ему, правда, слышались слова «деньги» и «кто вернет». Но говорили спокойно. Уже странно. С лихими людьми разговоров не ведут — те обычно налетают, как шакалы, со спины.

Но, несмотря на все сомнения в гастарбайтерской версии, сделать я ничего не могла. О доступе к оперативной информации можно было только мечтать. В России у частного детектива полномочий минимум. Даже следить разрешается — смешно! — только с согласия того, за кем наблюдаешь. А ведь у меня и лицензии не имелось! Обычная секретарша, вообще никаких прав.

Только и оставалось хлопать глазами и полагаться на милость оперов, следователей и свидетелей мужского пола.

Петра — после нашей единственной встречи в кофейне — даже дергать не приходилось, сам звонил, обо всем докладывал, причем обстоятельно и подробно.

С его помощью я вскоре после обнаружения трупа узнала, что у сестры покойного Лили взяли образец ДНК, в поликлинике запросили стоматологическую карту Михаила и достоверно установили личность погибшего.

Им, как я сразу и предположила, оказался Дивин.

Петр также сообщил, что завещания (как и особого наследства) у Михаила не обнаружилось. Машина с согласия родителей перешла сестрице. Коробки с одеждой и обувью покойного оставались на квартире Петра.

— Всем вообще на Миху плевать! — сокрушался он. — Лильке в полиции прямо так и сказали: искать преступника бесполезно. Только если кто сам признается.

Однако через пару дней Петр снова позвонил, и на этот раз он пребывал в чрезвычайном возбуждении:

— Меня в полицию вызывают!

— Куда?

— В прокуратуру Люберецкого района. Завтра. К двум. Можете со мной пойти — ну, как адвокат?

— Петя, зачем вам адвокат? — рассмеялась я.

— Для надежности.

— А где я возьму удостоверение?

Но он не отставал:

— Тогда просто вместе пойдем, — не отставал он. — Поддержите меня — я никогда в полиции еще не был. Да и вам как детективу полезно — вдруг что-то заметите, узнаете?

Я хотела сказать, что меня и в здание-то не пустят, не то что вместе с ним в кабинет, но прикусила язычок. Чай, не на Петровку 38 идти — тамошних зубров ничем не возьмешь. А в прокуратуре Люберецкого района запросто могут обнаружиться мужчины, уязвимые хлопаньем глаз и глупыми женскими вопросами.

Мы с Петром договорились встретиться на следующий день у метро «Выхино». Паше я наврала про зубного врача. Шеф, естественно, разворчался — но знай он, чем я собираюсь заняться на самом деле, разбушевался бы еще больше.

Когда я подъехала к станции «Выхино», Петр уже ждал меня, в отглаженной рубашке и ослепительно бликующих ботинках.

— Я все думаю, как нам вместе к следователю попасть. Может, сказать, что вы моя девушка? — смущенно проговорил он и уставился на руль своего старенького «мицубиси».

— Согласна, — ответила я с приветливой улыбкой. — Но у меня есть другая версия. Я с вами потому, что принимала участие в спасательной операции и тоже волнуюсь за судьбу Михаила. Что, кстати, чистая правда. Впрочем, планировать мы можем что угодно, но все зависит от следователя, захочет — пустит, но, скорее всего, пошлет куда подальше.

У кабинета номер пять сидело четверо хмурых мужчин. По меньшей мере двое из них выглядели настоящими головорезами. Петр (и без того худощавый) скукожился еще больше и пролепетал:

— Я к следователю Тростинкину. Мне на два часа назначено.

Бритоголовый мужик с россыпью золотых зубов цыкнул:

— Жди. Позовут. — И тут же широко мне улыбнулся: — Привет, красотка!

Я не испугалась ни капельки. Оперативное чутье подсказало: это не очередь из уголовников, тут, похоже, опознание затевается. И угрожающего вида личности на самом деле это помощники, дружинники и прочий абсолютно безопасный актив, призванный для отвода глаз. А опознавать будут — чистенького, гладенького и якобы никогда не бывавшего в полиции Петюню.

Дверь кабинета открылась, и очень молодой, но решительный следователь приказал всем ожидающим:

— Проходим!

На меня взглянул строго:

— А вы, барышня, здесь зачем?

— Я с Петей. Моральная поддержка.

— Кто вас сюда пустил? — буркнул Тростинкин.

— Ну... — не стала говорить, что просто помахала паспортом с якобы вложенной в него повесткой.

Следователь закрыл за всеми мужчинами дверь в кабинет и строго посмотрел на меня:

— Следуйте за мной!

Довел до выхода. Рывкнул на пожилого полицейского, который сторожил проходную:

— Матвеич, я тебе сколько раз говорил?! Паспорта и повестки у всех, кто входит, проверяй и в журнал записывай! Чтоб никаких мне больше посторонних! Развел тут бордель!

Матвеич печально вздохнул:

— Слушаюсь, — печально вздохнул Матвеич и, укорив: — Нехорошо обманывать, красавица, — выпихнул меня во двор.

Маячить у входа я не стала — отошла в тень, села на лавочку под нежно зеленовшей березой и задумалась. Опознание — дело серьезное, постановление следователь так просто не выдаст. Неужели есть какие-то основания подозревать в убийстве худосочного Петра? Или я ничего не понимаю в людях?! Но в любом случае неясен мотив. Никаких денег или доли в фирме мой

протеже не унаследовал, у них с Михаилом и бизнеса толком не было — у каждого собственное ИП с крошечным оборотом, одну девушку не делили.

Может, Михаил занял у Петра гораздо больше, чем сто тысяч, и отказывался отдавать? А тот психанул? Но мог ли этот худосочный товарищ справиться со своим коренастым, куда более крепким приятелем? Хотя в протоколе судмедэкспертизы что-то упоминалось про нож...

Во дворик прокуратуры то и дело заезжали машины, заходили люди. И вдруг я увидела, как к зданию прокуратуры не слишком уверенной походкой идет статный сероглазый мужчина.

Никаких сомнений: это был Викин папа.

Вика

Вика с детства вела себя не как все. Просто из принципа. Никогда не любила ходить строем и петь хором глупые песни.

Выскочку с самого раннего детства пытались поставить на место.

Когда в детском саду бунтовала против обязательной склизкой каши на завтрак — отправляли стоять в углу. В младшей школе съезжала по перилам — вызывали родителей. Впрочем, к наказаниям девочка быстро привыкла, и они ее не пугали. Главная беда заключалась в том, что в глубине души она боялась и стыдилась своих «подвигов». Выколола японский иероглиф, сделала пирсинг. Смотрела в зеркало — гордилась собой. Но потом перехватывала презрительный взгляд на колечко в носу или слышала ехидный комментарий в адрес татуировки на щиколотке — и понимала: лучше бы она не высывалась.

Только в Италии (где все и всем по барабану) Вика, наконец, осознала: танцевать на улице надо не с целью кого-то шокировать, а потому, что душа просит. Европейская толерантность плюс деньги (а их после своего солидного выигрыша в лотерею девушка не считала) быстро избавили ее от страхов и научили «отрываться» в полное свое удовольствие.

Вика пела партию старухи из «Пиковой дамы» в сопровождении джазового оркестра — и все аплодировали. Нагло каталась на арендованном «фиате» вокруг Duomo di Milano — и никто не бросал ее лицом на капот. Карабинеры, конечно, остановили — но даже не оштрафовали. Проявили снисходительность к «руссо туристо» и вежливо показали, где выезд из пешеходной зоны.

Вика, хотя и пела всегда, сколько себя помнит, до сих пор цену своим возможностям не знала. Родители называли ее голос «неплохим». Одноклассники вечно совали в руки гитару. Мишка — тот вообще клялся, что Кабалье и Нетребко даже рядом не валялись.

В итальянской оперной школе девушке быстро и необидно все объяснили.

— Вас с удовольствием возьмет в свой состав любой хор мира. Однако ваш голос не уникален. Поэтому, увы, исполнять главные партии вы не будете никогда. Хотите ли вы для себя подобной судьбы — все время стоять в толпе? Синьорита настолько оригинальна, что ей незачем стремиться в ряды многих на оперной сцене. Ищите себя, Виктория, и вы очень скоро станете заметным явлением на эстраде.

Что ж, пусть будет эстрада. На рок-концерты ходит куда больше народу, чем в оперный театр. Но только что исполнять? Придумывать музыку и стихи Вика не умела. Найти своего композитора и продюсера — задача архи-сложная.

Но однажды девушка, просто для смеха, переложила грустную песнь Аиды на залихватский мотив «Калинки-малинки». Когда спела в оперной школе на переменке, сбежалось человек сто. Хлопали, просили повторить.

«Вот как надо выделяться! А не нос себе прокалывать», — мелькнула в голове мысль.

С тех пор Вика все свободное время тратила на то, чтобы переложить классические тексты на современные мелодии и наоборот. Работа на самом деле кропотливая: то размер никак не укладывается, то настроения текста и музыки не совпадают (или, наоборот, похоже — а нужен контраст).

Но если проявить настойчивость, сочетания часто выходили удивительные. Особый успех у сокурсников имели ария Манон под музыку «Лед Зепелин» и Джастин Бибер под Чайковского.

Преподавателям оперной школы Виктория о своем хобби сказать стеснялась. Но однажды однокурсник — сын владельца ресторанчика рядом с «Ла Скала» — пригласил девушку выступить. И позвал — за счет заведения — ее педагога.

Вика начинала со страхом. Но публика была в ладоши, а преподаватель в восторге колотил себя по коленкам. Когда концерт закончился, шутливо перекрестил и дал напутствие:

— Нарушай правила, Вика. Продолжай нарушать. У тебя это прекрасно получается. Кто у тебя, кстати, родители?

— Обычные, — ответила, наморщив нос. — Папа — программист, мама — в ресторанном бизнесе.

— Странно. Ты больше походишь на дочку пиратов, — улыбнулся педагог. А Вика, опьяненная успехом, вдруг остро ощутила, насколько она устала от чужой страны. Чертовски захотелось поговорить по-русски. Зайти в наш ресторан. И обнять своих вечно квохчущих, правильных пэARENTсов.

Получать «корочки» оперной певицы больше не имело смысла, и она общилась папе с мамой, что возвращается в Россию.

Родители явились в аэропорт оба. Глядели слегка настороженно.

— Ты вынула кольцо из носа? — потрясенно спросила мама.

— Ага, — кивнула Вика. — И новых татуировок нет. И наркотиков в чемодане. — И волосы стали нормальные. — Голос чуть дрогнул.

А Вика продолжала поражать их всю дорогу до дома: что бросила курить (вредно для голоса). Что к мужчинам теперь вдвойне строга (если уж замуж, то навсегда). И что будет переводиться в эстрадное училище — после года успешной учебы в Милане проблем, она уверена, не возникнет.

Вечером подслушала, как родители шепчутся:

— Я тебе говорил? — триумфально шелестел отец. — Говорил, что она выправится?!

— Да, — соглашалась мама. — Совсем другая девочка стала... Еще бы уговорить эту татуировку с ноги свести...

Вика про себя хмыкнула: нет уж! Ее желание — делать, что взбредет в голову, — останется с ней навсегда. Но почему бы не сыграть роль послушной дочери? Родители расцвели на глазах, моральями больше не доставали. Семейные ужины теперь проходили весело, с шутками и смехом — будто не обычная жизнь, а рекламный ролик снимается. Достался и еще один бонус — симпатичная «ауди» в подарок от папы с мамой.

Вика слегка расстроилась несолидному облику и малой мощности автомобиля, но виду не подала. К тому же ее новая жизненная философия гласила: «Не машина делает человека, а человек машину».

Она давно хотела научиться водить экстремально. Теперь, когда в ее распоряжении оказалась вызывающе красная крошка-«единичка», мечта обратилась в жизненную необходимость. Иначе на столичных дорогах банально заклюют.

И девушка стала после занятий в эстрадном училище ходить в школу экстремального вождения.

Учиться там оказалось захватывающе. Занимались на полигоне, на специальных машинах с усиленной нижней частью корпуса — это называли броней. «Полицейский разворот» за серьезный трюк вообще не считали — показывали куда более интересные вещи: как сопровождать вип-лицо, уходить от вооруженной погони, сбивать преследователя с дороги. Вике очень хотелось оттачивать навыки на собственном авто, но в школе действовало строгое правило: «Один штраф — и вы отчислены». Поэтому красотке «ауди» и автолюбителям на дорогах ничего не грозило.

Рассказывать о новом хобби родителям Вика благоразумно не стала. Обычно в семьях мамы нервы берегут, но у них было наоборот.

Папа уже почти год к спиртному не прикасался. Даже в честь приезда дочки не пригубил, и она очень боялась стать (вольно или невольно) поводом для нового запоя.

В эстрадном училище оказалось куда скучнее, чем в Милане. Там Вика тоже попробовала поразить педагогов своим итальянским ноу-хау, но учителя

ее импровизации называли «редкостным дурновкусием». Прежде начала бы петь назло, напоказ — но теперь стала мудрее. Немедленно прекратила эксперименты в стенах консервативного учебного заведения.

Устраивала мини-концерты в общежитии или в кафешках. Однокурсникам нравилось. А один из ребят постарше — представительный бородач Артем — предложил Вике сотрудничать с ивент-агентствами.

— Нарасхват будешь! Народ на свадьбах смерть как любит всякие глупости, подурить, поржать. А Галкина пригласить не все потянут.

Через какое-то время ее пригласили на первую свадьбу. Гостям понравилось, Вике вручили чаевые, в агентство отправили лестный отзыв. На следующее мероприятие с ней приехал оператор, снял ее номер на видео. Викторию включили в каталог фирмы, и девушка скоро стала нарасхват — почти все вечера заняты.

Не зря, видно, Россия позвала домой. Трех месяцев не прошло, как вернулась, а у нее, помимо довольно скучной официальной учебы, появилось и потрясающее хобби и замечательный приработок. «Просто чума! — думала иногда Вика. — Живу, как хочу. И денег полно!»

Для полного счастья не хватало только романа.

Но после своей драматично завершившейся помолвки с Михаилом она стала очень осторожна. Тогда ее высшие силы спасли. А если бы бог в другую сторону смотрел — что бы сейчас было? В девятнадцать лет — замужем за неудачником. Торговцем овощами. Приезжим. Некрасивым. Прижимистым.

Она до сих пор боялась: вдруг Миша найдется и начнет снова звать ее под венец?! Теперь «клеить» ее пытались гораздо чаще. Особенно на свадьбах — сама любовная атмосфера способствовала. Приглашали танцевать, осыпали комплиментами, просили телефончик. Многие потенциальные женихи, на первый взгляд, выглядели куда достойнее Михаила. Но таких, чтобы голову потерять, пока не встречалось.

Да и планка у девушки повысилась, теперь ей нужно было не только сильного, красивого и богатого, но еще и непьющего — чтобы не возить супруга «на промывку», как регулярно делала с отцом мама. А на свадьбах-то трезвого человека встретить практически невозможно.

Отец постоянно переживал, что дочка возвращается за полночь, несмотря на то, что она всегда звонила, предупреждала, когда вернется. Но однажды домашний телефон не ответил, и Вика удивилась: у них с отцом эти звонки стали вроде ритуала. Она звонит ровно в двадцать один ноль-ноль, рассказывает, что у нее и как, а папа просит любимую дочку быть осторожной.

Набрать номер второй раз она не успела — гости начали скандировать: «Ви-ка! Ви-ка!»

Она исполнила еще несколько композиций, дала обещание вернуться, когда невеста будет бросать букет, и позвонила снова. Опять длинные гудки.

И мобильник отцовский не отвечал. Пришлось набирать маму. Та отозвалась плачущим голосом:

— Он опять наакался!

— Почему? — ахнула Вика.

— Все Михаил твой! — сердито буркнула мать.

— А что Михаил? Он... нашелся?

— Угу. Труп его. А отца теперь в убийстве подозревают. Сегодня на опознание вызывали.

Вике качнуло с такой силой, что она едва успела схватиться за лестничные перила.

— Какой труп? Где?

— Некогда сейчас объяснять, — торопливо ответила мама. — За отцом еду.

— Куда?

— Соседи позвонили — у метро валяется! — в голосе зазвенели слезы. — Сейчас его еще в вытрезвитель заберут. Позор-то какой!!

— Я подъеду, — решительно проговорила Вика.

— Викуля, здесь я сама справлюсь. — Мамин голос потеплел. — Дорожка проторена. К счастью. То есть, к сожалению. Виктору Андреичу я уже позвонила, он ждет. Ты лучше в Интернете пошуруй, когда освободишься. Адвокатов посмотри, отзывы — никого знакомых-то нет. А то вдруг посадят дурака?

— Но папа... Он не мог!! — выкрикнула Вика. И сразу вспомнила вечер, когда пропал Михаил. Отец тогда был дома. Но пришел незадолго до нее, то есть часов в одиннадцать. Пребывал в самом саркастическом настроении. И немедленно начал пить.

— Все, вижу, — прошептала мама. — На тротуаре стоит, на коленях. Рвет его. Боже мой, вот ужас! — И бросила трубку.

Вика тяжело опустилась на ступеньку. Мысли путались в голове. Мишку убили? И, может быть, ее папа, раз его в прокуратуру вызывали?! Что же делать?

Выход виделся один: прямо сейчас позвонить частному детективу Римме.

Но, взглянув на часы, она поняла: уже поздно, надо потерпеть до завтра. И приложить к словам деньги — самый убедительный аргумент.

Римма

— Сюрприз! — зажали мне глаза мягкие ладони.

Перепугаться я не успела — Петр отпустил, заулыбался:

— Меня через другую дверь вывели. Не знаю, зачем.

— Ну, рассказывай!

Глаза у молодого человека сияли:

— Римма! Там такое было! Прямо, как в кино! Нас всех посадили у стены, меня в центре. А потом какого-то дедка привели и велели ему смотреть внимательно.

Он каждого чуть не обнюхал — слепой, что ли? Я сначала ржал, но когда дед возле меня остановился и застыл минут на пять, даже как-то нехорошо стало. Но потом старикашка сказал: «Его здесь нет», и прямо от сердца отлегло.

Я быстренько вызвала в памяти фоторобот возможного убийцы. Скулы — да, узкие, как у Петра. Губы тонкие. И разрез глаз у моего добровольного помощника не совсем славянский, что-то в нем есть восточное. Но, в целом, молодой человек ни капли на человека с картинки не походил.

И уж тем более, не похож был на фоторобот Викин отец.

Ерунду какую-то затеял следователь Тростинкин.

На следующее утро Паша первым делом спросил с ехидством:

— Ну и как твои зубы?

— Удалили нерв, положили мышьяк.

— А ведь врешь, — подмигнул он мне и уже с металлом в голосе произнес: — На собеседование, что ли, ходила? Сбежать от меня хочешь?

— Ты что, Паша?! — искренне возмутилась я. — Куда я от тебя денусь?

— Ты после зубного всегда несчастная, как котенок паршивый. А сейчас сияешь вся.

Да, этот момент я упустила. Но трудно было притвориться печальной.

Петр вчера всю дорогу осыпал меня комплиментами и всячески уговаривал снова выпить кофе, сходить в кино. Даже домой к себе звал — под предлогом осмотра вещей гражданина Дивина. Я от всех предложений отбилась — сказала, не положено общаться неофициально, пока дело не закрыто. Но когда тебя обхаживают, это всегда приятно.

Тут звякнул мой телефон, и Синичкин буркнул себе под нос:

— Та-ак... «Поздравляем, вы приняты на работу»?!

— Паша, у тебя что, помрачение?

— Тогда показывай телефон!

Я протянула ему трубку, а мысленно возликовала: «Ага, боишься меня потерять! Там наверняка что-то вроде: «Вы самая потрясающая девушка в мире» от Петра. Пусть Паша позлится».

Он открыл входящие, с выражением прочитал:

— Поступление: пятьдесят тысяч рублей. От Виктории Юрьевны Ю. Ага, а вот и сообщение: «Римма, прошу вас снова заняться моим делом», — и, отложив телефон, пристально посмотрел на меня: — Это что еще такое?! А ну, колись!

Я поначалу опешила:

— Не знаю.

И только через пару секунд дошло: так это моя Вика! Неужели ее отцу обвинение предъявили?!

Паша взглянул в мое растерянное лицо и приказал:

— Давай рассказывай!

— Ну, это то дело, когда ты в Ницце был, — потупившись, начала я. — Труп пропавшего ведь нашли. В мае. Потом вроде опять все заглохло. Но вчера отца клиентки в прокуратуру вызывали. На опознание.

— Откуда знаешь?

Пришлось и о своем походе с Петей в прокуратуру рассказать.

— Значит, ты за моей спиной в прокуратуру таскалась, — покачал головой Павел.

— А что было делать? — парировала я. — Не могу допустить, чтобы мое первое дело осталось не раскрыто. Хочешь — присоединяйся. С удовольствием буду подчиняться и слушаться. Тем более и деньги пришли.

В разгар сезона Паша бы начал ломаться, говорить, что он сам назначает сумму, и вообще так не принято — детектива с помощью «эсэмэски» нанимать. Но — как очень часто летом — агентство простаивало, арендную плату нам снизить отказались, и он со вздохом согласился:

— Ладно. Вике пока не звони. Я предварительную работу проведу.

В тот же вечер Синичкин мне сообщил: строгий следователь Тростинкин на самом деле стажер. Работает первый месяц, ничего не знает и не умеет. Старшие товарищи его натаскивают. Темой сегодняшнего урока было — как опознание проводить. Дело Дивина из стопки приостановленных выбрали методом тыка.

Юный следователь сам решил, что пригласить нужно коллегу убитого, а также отца невесты. Лично писал повестки, лично рассаживал опознаваемых, наблюдал за их реакцией.

Старичок, с чьих слов составили фоторобот, ни на кого из мужчин не указал. Ничего подозрительного в поведении Петра и Юрия Тростинкин также не заметил.

«Это не они», — отрапортовал стажер. Руководители признали тему «опознание» сданной, и дело Дивина снова отправилось в «висяки».

— Впрочем, в прокуратуре есть большая надежда на узбеков, — оптимистично сообщил Синичкин. — Места глухие. Леса, обстановка криминогенная. Возьмут какого-нибудь душегуба с поличным и повесят на него все нераскрытые дела. В том числе и смерть Михаила.

— А что нам Вике сказать?

Паша задумался. Потом честно признал:

— По-хорошему я на пятьдесят штук не наработал. Ее отца ни в чем не подозревают, поэтому больше дергать не будут.

— А я считаю, что он замешан. Они оба замешаны, и папаня, и мать, — возразила я.

— Ты предлагаешь проверить их алиби? — усмехнулся Синичкин. — За деньги дочери искать доказательства вины ее родителей? Сама хоть понимаешь, что говоришь?

— А как же правда, справедливость?
— Римма, — мягко проговорил Паша, — ты рассказывала, что Вика обожает отца. Хочешь, чтобы его отправили в тюрьму?
— Ты, как всегда, прав, — вздохнула я. — Какие тогда наши действия?
— А никакие. Помаринуем их семейство денька четыре. Потом успокоим. И половину денег вернем.

Вика

Пусть отца ни в чем не заподозрили, пить он, однако, начал, и остановить его никак не получалось.

Волшебные капельницы и строгие увещевания Виктора Андреича, прежде работавшие безотказно, удерживали папу на плаву от силы пару дней, а потом он снова бросался вниз. На дно.

Искусно притворялся. Изощренно врал. Убегал из дома, доставал спиртное. И опять пил — дочерна, до полного отчаяния.

Мама ходила угрюмая. Вместе с Виктором Андреичем они пытались загнать Юрия в больницу, но тот отказывался категорически. Раньше охотно соглашался поваляться в комфорте платного отделения, сейчас — как отрезал:

— Не пойду! Дела.

Хотя ни Вика, ни ее мама не замечали, чтобы он был особо занят. За компьютер (официальная работа) садился от силы на два часа в день. Иногда исчезал — без объяснений, но не фатально, до полуночи всегда возвращался.

А еще — пьяный ли, трезвый — маниакально заботился о дочери. Постоянно ей звонил. Старательно и неуклюже пытался порадовать. Покупал конфеты, гляцевые журналы, билеты в оперный театр. Однажды утром — жалкий, с трясущимися руками — вдруг взял ведро с водой и отправился мыть ей машину. Вика увидела, бросилась вниз отговаривать. Но он все равно надраил ее «ауди», хотя соседи страшно ругались, что свинство — экономить на автомойке и разводить грязь во дворе.

Прежде папа любил и с удовольствием принимал поклонение «своих девочек». Но сейчас в его некогда стальных глазах появилось что-то дрожащее, неуверенное. Вике казалось, что отец чувствует себя виноватым перед ними, очень хочет покаяться, да никак не может решиться.

Однажды выбрала момент, когда он принял первые пару рюмок и пребывал в благодушии, прижалась к нему и спросила:

— Папуль! Что с тобой происходит?

— Не бери в голову, — вздохнул он. — Обычная депрессуха. Скоро пройдет.

— Может, это все-таки ты Мишку убил? — впиалась в него взглядом Вика.

Ожидала, что папа возмутится по-настоящему или наигранно, но он спокойно спросил:

— А если я, тогда что?

— Ничего. Спасибо скажу, — честно призналась она.

— Но, естественно, я ничего подобного не делал.

— Значит, тебя что-то еще беспокоит.

— Я пью от радости, что ты вернулась.

— Врешь! Ты начал пить после того, как тебя следователь вызывал.

— Никакой связи. Но Виктор Андреевич говорит, что я слаб, поэтому даже незначительное переживание может стать катализатором.

— Пап! Ну, скажи правду! — взмолилась Вика.

Но он лишь погладил ее по голове и прошептал:

— Я так люблю тебя, доченька! — И опрокинул в себя новую рюмку.

«Может, у него интриги на работе? Любовница? Рак, не дай бог?!» — гадала Вика.

А мама грустно говорила:

— Виктор Андреевич всегда предупреждал, что человека, который сам себя разрушает, невозможно поддерживать бесконечно. Видно, срок его вышел. Организм устал сопротивляться.

Сама Вика считала, что все в мире должно иметь объяснение или хотя бы повод. И логическую цепочку видела простейшую: именно визит к следователю, вопросы про Дивина столкнули отца в депрессию и запой. Значит, все-таки он убил? Но в очередной раз нанимать Римму, чтобы та доказывала вину родителя, девушка уж точно не собиралась.

Да и когда заниматься чужими моральными страданиями?

Дел с каждым днем становилось все больше — пришлось даже заводить органайзер. То курсовую пишешь, то в школе вождения зовут на соревнования — единственную из девушек, разве можно отказаться? Плюс стабильно три-четыре выступления в неделю. Свадьбы, юбилеи, а в последнее время и просто на сборные концерты стали приглашать. Пока в малоизвестные ночные клубы, но Вика готова была петь хоть в метро.

Маму новый образ жизни дочери, как и следовало ожидать, очень быстро начал нервировать.

— Дома вообще не бываешь! — недовольно ворчала она.

— На тебя не угодишь! — возмущалась Вика. — Кольцо из носа вынула. Учусь, работаю, денег у вас ни копейки не беру! Но ты опять недовольна.

— Чему мне радоваться? Что ты на свадьбах уголовников развлекаешь?

— Да о чем ты говоришь? У нас вполне приличные заказчики. Средний класс.

Но мама только головой качала:

— Я с шестнадцати лет в ресторанах. И прекрасно знаю, кто певичек любит послушать.

— Твои сведения давно устарели, — отмахивалась Вика.

Мама небось еще малиновые пиджаки помнит. И бритоголовых ребят в кожанках. А современный бандит — холеный, воспитанный и, очень вероятно, учился в Оксфорде. Даже отсидевшие срок давно уже не устраивают перестрелок, а ведут цивилизованные переговоры.

Однажды Вику специально предупредили: на очередном мероприятии будут воры в законе. Гонорар двойной, но можно отказаться.

Вика, конечно, согласилась — когда еще выдастся возможность лично проверить, насколько реальный авторитет похож на актеров Панина и Джигарханяна?

Надела юбку подлиннее, накрасилась скромно. Но никаких поползновений, как иногда случается на обычных свадьбах, не последовало. И вообще бандиты оказались скучными. Сидели голова к голове, тихо переговаривались. На нее почти не смотрели. Только один раз, когда девушка исполнила «Воровскую судьбу» на мотив из «Битлз», отвлеклись на сцену, заулыбались, похлопали. Единственная среди криминалитета женщина — в возрасте, седая, с грустными глазами — подозвала бродившую по ресторанному залу цветочницу. Но сама дарить букет не стала — сто одну розу Вике вручил официант.

— Спасибо! — проникновенно прошептала она в микрофон.

Но дарительница в ее сторону даже не обернулась.

...В тот же вечер (точнее, уже ночь) изрядно пьяный отец устроил допрос:

— От кого цветы?

— Не поверишь, — хмыкнула Вика. — Тетка какая-то подарила. Старая.

— Ох, Вика. Ехала бы ты лучше отсюда! — прошептал отец.

— Куда?

— Да без разницы. Лучше всего — замуж. За иностранца.

— Пап! Почему ты меня гонишь?!

Но он опять ничего объяснять не стал. Лишь пробормотал неразборчиво:

— Я так перед тобой виноват!

— В чем?

Но в его глазах настолько отчетливо светилось безумие, что Вика поняла: разумного объяснения она не дождется.

Мама тоже ничего дельного не рассказывала. Только ворчала:

— Поменьше с ним цацкайся. И не слушай пьяный бред.

«Эх, другую бы ему жену!» — жалостливо подумала Вика. Сейчас, когда отец выглядел жалким и слабым, особенно отчетливо виделось, насколько цепкая, жесткая, приземленная мама не соответствует его утонченной натуре. Хотя, сойдись папа с какой-нибудь эфемерной и амбициозной поэтессой или актриской, может, спился бы еще раньше.

Вика за несколько месяцев столько разных людей повидала, столько свадеб и судеб, что всерьез решила: она обязательно когда-нибудь напишет мемуары.

В ее коллекции уже имелись: офисный планктон всех видов, богатые папики и наглые фотомodelьки, бизнесмены, депутаты, полицейские, частные врачи и учителя (бюджетники себе позволить услуги ивент-агентства не могли).

И вот, наконец, ее менеджер Артем торжественно объявил: Вику приглашают на свадьбу дочери олигарха.

Молодой человек искренне ликовал:

— Это тебе не какой-то «купи-продай»! На нефтяной трубе сидит! В списке Форбса в начале второй сотни! Вичка, ты становишься популярной!

— А гонорар?

— Две тысячи условных единиц в американской валюте. Только лично тебе. Неплохо?

Да, подобных сумм раньше и близко не было.

— Ты уж постарайся! — просительно произнес Артем. — Чтобы в голосе была, все старые хиты спой или новенькое что-нибудь забойное придумай!

— Не волнуйся, — заверила его Вика, — буду неподражаема. Это и в моих интересах тоже.

Когда оказалась дома, первым делом полезла в сеть. Проверять, правда ли заказчик такой уж богатей. Вбила в поисковик фамилию, которую назвал Артем, — Пищелев. Убедилась — действительно мультимиллионер. Ничего себе! Это ведь на свадьбе наверняка и гости соответствующие будут! Неужели не найдется среди них хотя бы одного для нее — симпатичного да холостого?!

По коридору зашаркали шаги, в дверь комнаты робко стукнули.

— Заходи, пап! — весело выкрикнула Вика и тут же привычно расстроилась, когда увидела, что он опять пьян. Белки глаз — в красных нитках кровоизлияний, руки дрожат, спина сутулится. Но вид решительный.

Отец приблизился к ней и строгим тоном проговорил:

— Вика, помнишь, я тебя кодировал на будущий успех?

— Конечно, помню, — улыбнулась она.

— И что очень скоро случилось?

— Я выиграла десять миллионов.

— Значит, ты мне веришь?

— Ну... да, — произнесла Вика.

Когда читали волшебную мантру, отец почти не пил. Да и насчет выигрыша девушка теперь уверена не была. Дела у мамы шли хорошо, сбережения имелись. Она вполне могла таким хитрым образом отправить дочь подальше от Москвы и от Мишки.

Папа пытался говорить веско, но голос то и дело срывался:

— Ты ни в коем случае не должна идти на свадьбу дочери олигарха Пищелева!

— А откуда ты вообще про это знаешь? — опешила Вика.

— Мне было видение! — изрек отец. — Истолковать его можно однозначно. Тебе нельзя там быть. Категорически.

— Но почему?

— Виктория! Мои видения не дают всех деталей. Но если они приходят, то им нужно строго следовать. Я приказываю тебе: не ходи! Иначе большую беду наживешь. — И он топнул ногой. Впервые в жизни.

«Бедный папа!» — подумала Вика. Но все-таки попробовала надавить:

— В чем беда, хоть намекни!

— Я выполняю все твои прихоти, — сурово сдвинул брови отец. — Сделай хотя бы раз, безо всяких капризов, то, что требую я. Или тебе настолько нужны деньги?

— Нужны. Две тысячи долларов пообещали за выступление. Впервые в жизни так много.

— Я... я тебе дам... — Отец полез в карман, вытащил несколько смятых сотенных бумажек и забормотал: — У меня еще есть...

— Бедненький ты мой папуля! — ласково погладила его по щеке Вика. — Не надо мне никаких денег. Конечно, я не пойду, раз ты просишь. У меня и так заказов полно.

— Ты ей сказал?

— Да, но...

— Что — «но»? Она отказалась?!

— Нет. Обещала, что не пойдет. Но я не исключаю, что все равно по-своему поступит.

— Ты ей отец или кто? Прикажи, заставь!

— Я стараюсь. Но Вика... Она не всегда воспринимает меня всерьез.

— Юрий! Ты опять пьян?

— Ну... выпил. Совсем чуть-чуть.

— Черт тебя дери! Ничего поручить нельзя! Ты можешь, в конце концов, просто запереть ее дома?

— У нас второй этаж. Если втемяшится — выпрыгнет в окно, и я ее не остановлю.

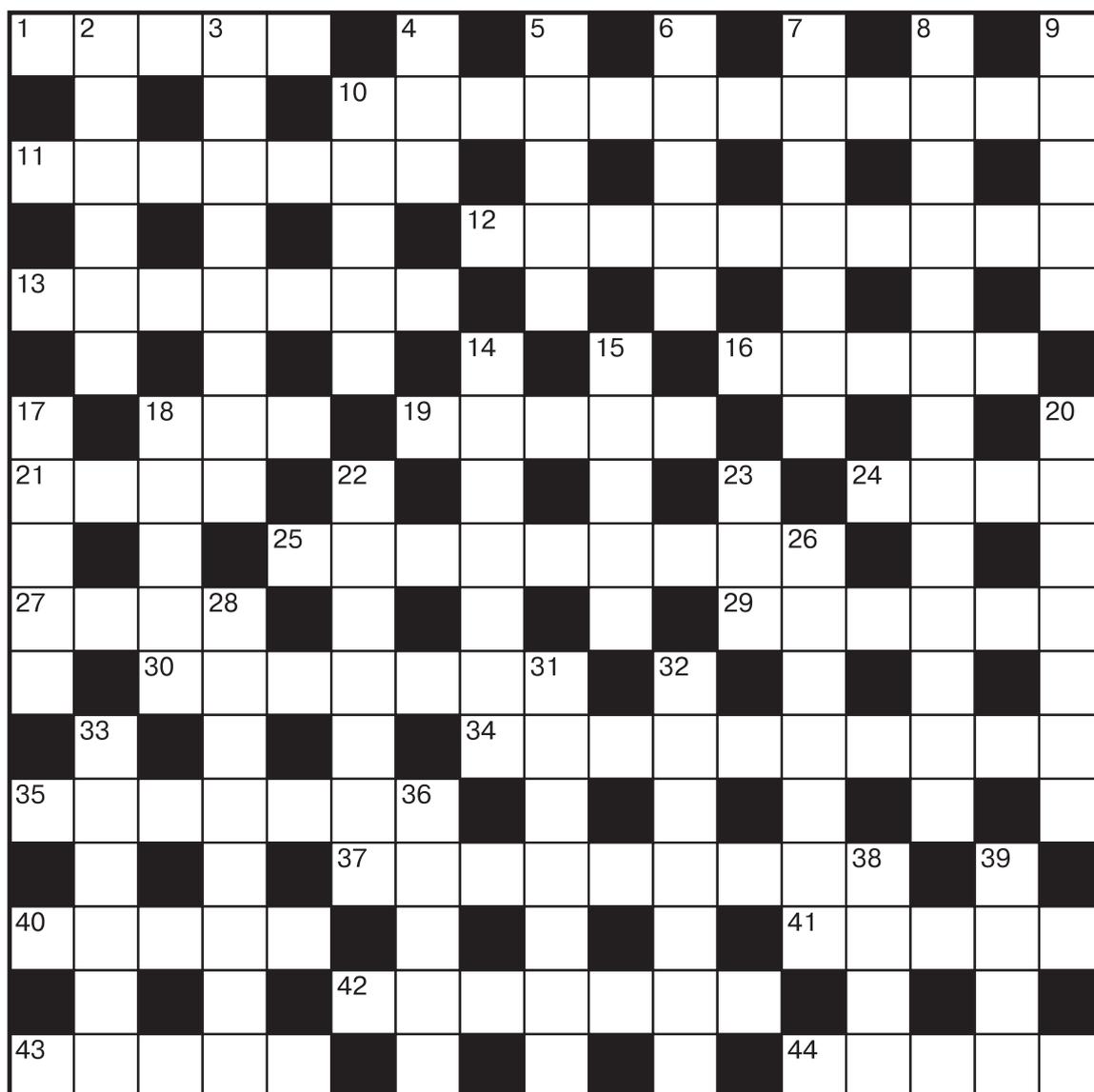
— Понятно, на тебя надежды нет. Все сделаю сама. Выступить она не будет.

— Точно?

— Обещаю! □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Какой зверь открывает каждый новый цикл китайского календаря? **10.** Кто наигрывает колоколами песню «Подмосковные вечера» в комедии «Иван Васильевич меняет профессию»? **11.** Великий шансонье, чей отец был сыном повара императора Николая II. **12.** «Походная сберкнижка». **13.** Финансово-промышленная групп-

па. **16.** Какой ветер превращает автомобиль в «самолет»? **18.** «Чем интеллектуализировать пролетариат, легче опролетарить интеллигенцию» (итальянский классик). **19.** «О, как мало знают те, которые никогда не любили» (чеховский рассказ). **21.** «Колбаска» по японскому рецепту. **24.** Очень полезная при бронхите пряность. **25.** Домовой двадцатого

века. **27.** Живность с подворья. **29.** Какая муза вдохновляет шахматистов? **30.** Кто находится на подпольном положении? **34.** «КГБ румынской сборки». **35.** В какой «американской» игре ничьих не бывает? **37.** Знать из Древнего Рима. **40.** Кто из героев Александра Демьяненко изобрел «машину времени»? **41.** Кто в историях про Винни-Пуха искренне считает, что «делает все лучше всех»? **42.** В какую «обитель снегов» мифы индусов поселили бога Шиву? **43.** Какой танец в XIX веке делили на меланхолический, огненный, нежный, живой, пастушеский и военный? **44.** «И ..., красна и горяча, бежала в драке из плеча».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Болезненный процесс, когда амурсы пытаются выдернуть свои стрелы. **3.** Японская версия «американских горок». **4.** Глубоководный аппарат, послуживший для съемок культового фильма «Титаник». **5.** Что можно увидеть, если смотреть в торец прямой линии? **6.** Искусство начинать знакомство любовными искушениями. **7.** Команд-

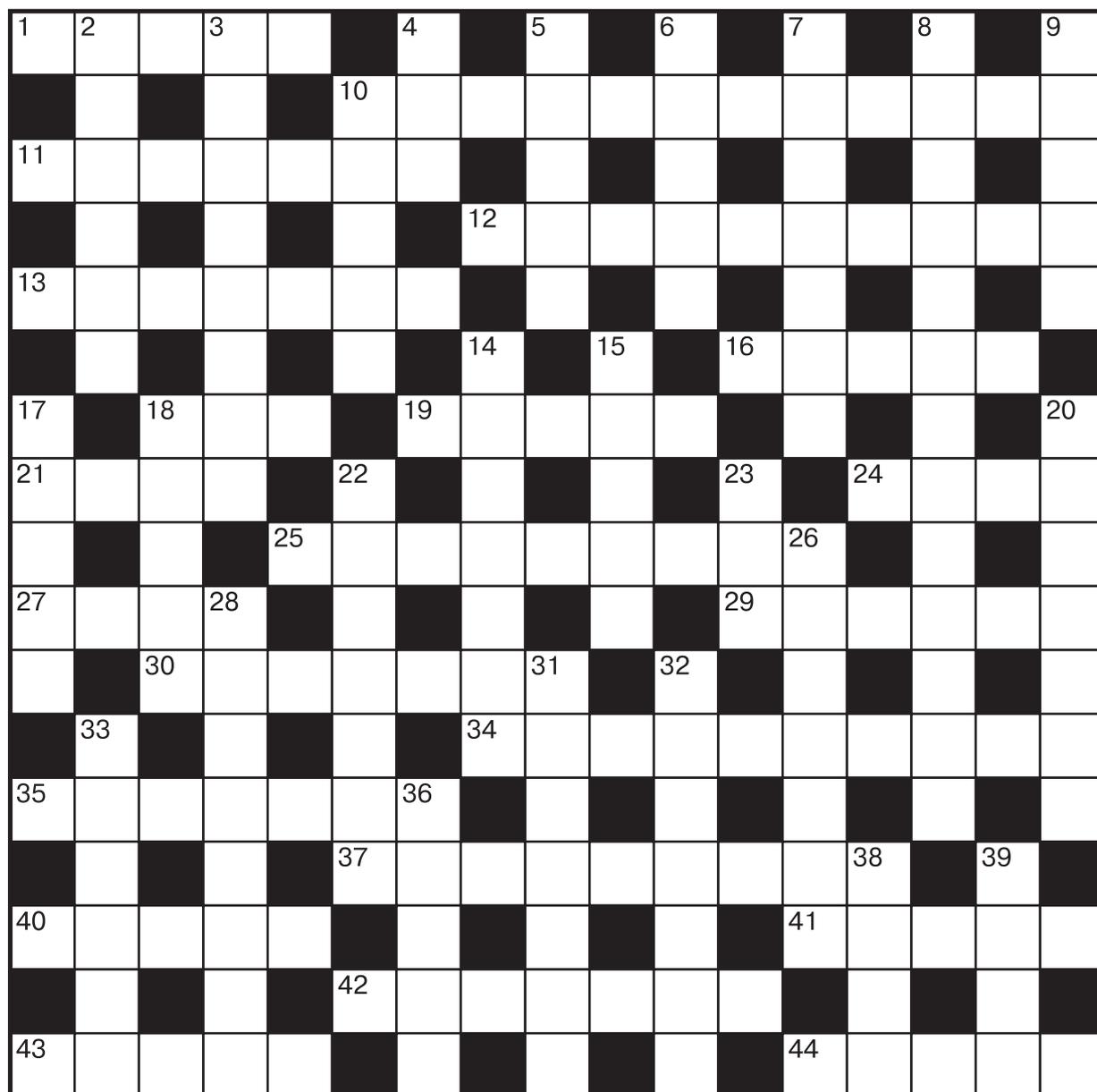
ная игра со скачущими на метлах игроками. **8.** Где родился поэт Александр Галич? **9.** Американский штат, превосходящий по площади Португалию. **10.** Любимая супруга финского Деда Мороза. **14.** Любовный виртуоз. **15.** Какой гриб служит ценнейшим источником белка для тех, кто строго соблюдает церковные посты? **17.** Каким знаком помечен жребий из фильма «Обыкновенное чудо»? **18.** Британский певец ... Джон. **20.** Великий сюрреалист Сальвадор Дали по пятому пункту. **22.** Лидер «классовой борьбы». **23.** Носитель ненужной припеки. **26.** Украшение всякой коллекции. **28.** Товар ткацкой фабрики. **31.** Кто из русских художников специально написал пейзаж, стоявший на камине в доме Антона Чехова? **32.** Самая маленькая страна Южной Америки. **33.** Рыба, чья икра может стоить до 25 тысяч долларов за килограмм! **36.** Вегетарианское рагу у грузин. **38.** «... бережет свою шкуру, а человек — имя» (японская пословица). **39.** «Как ржавчина съедает железо, так завистников — их собственный ...»

Ответы на кроссворд, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Горки. **7.** Обыск. **10.** Сериал. **12.** Бессмертник. **13.** Маскарад. **14.** Головач. **17.** Ренессанс. **18.** Кепи. **19.** Рот. **22.** Блейк. **23.** Приговор. **24.** Моруа. **26.** Кандидатура. **28.** Талия. **30.** Сорт. **31.** Гарбо. **32.** Ясли. **34.** Гол. **36.** Диплом. **38.** Генетика. **39.** Водолей. **40.** Банк. **41.** Аджика. **42.** Асфальт.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Астма. **2.** Браслет. **3.** Каравелла. **5.** Обед. **6.** Космос. **8.** Батрак. **9.** Смит. **11.** Герой. **12.** Бассейная. **14.** Гну. **15.** Четверостишие. **16.** Вихрь. **17.** Родос. **20.** Брадобрей. **21.** Агути. **22.** Булат. **25.** Идеал. **26.** Кио. **27.** Усадьба. **28.** Трепанг. **29.** Гималаи. **31.** Голова. **33.** Ров. **35.** Кейдж. **37.** Мопс. **38.** Гель.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** У кхмеров их 72, у немцев их на 4 больше, чем у англичан, а меньше всего у туземцев острова Бугенвиль. Что она такое? **10.** Кто «способен видеть» призраки? **11.** Победа игрока в бабки. **12.** Какой слой создает «солнечный ветер»? **13.** Мать «Черного принца». **16.** Сын Николая Гумилева, рож-

денный от него актрисой Ольгой Высотской. **18.** Пенка от соевого молока. **19.** Пролетарский поэт, живший в пушкинской квартире на Мойке. **21.** «Домашнее имя» супруги «солнца русской поэзии» в семье Гончаровых. **24.** Половина фоллиса из Византии. **25.** Кто нес в бой золотого орла у древних римлян? **27.** «Я

считаю, что принца ждать не нужно, идеала нет, лучше искать человека, который поможет вам расти над собой и развиваться» (звезда французского кино). **29.** Самая быстрая элементарная частица, которую физики предсказали еще в марте 1974 года. **30.** Дневка уток на лесном озере. **34.** Кто впервые исполнял романсы Микаэла Таривердиева? **35.** Жирная вяленая рыба на русском Севере. **37.** Вымышленный город из фильма «Кошмар на улице Вязов». **40.** Бесшовный бюстгальтер. **41.** Ветвь Плантагенетов. **42.** Сборщик морских водорослей. **43.** «Утренняя звезда» в перуанских мифах. **44.** В городке Татсуно есть музей «самой тонкой лапши» Японии. Как она называется?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** «Официальная причина смерти» американского писателя Джека Лондона. **3.** Какой чешский прозаик стал гостем Первого всесоюзного съезда советских писателей? **4.** Китайская дубинка. **5.** «Недвижимая драгоценность» среди масонских символов. **6.** Куда сбежал пророк Мухаммед со своими приверженцами в сентябре 622 года?

7. Блуждание в безначальном круговороте существований. **8.** Какая аквариумная рыбка прослыла «самой веселой и подвижной»? **9.** Он сражался против Зевса, и лишь один раз сумел свое наказание переложить на плечи Геракла. **10.** Кто слыл лучшим художником Ломбардии до приезда Леонардо да Винчи в Милан? **14.** Кубок кубков. **15.** В какой столице Галина Прозуменщикова завоевала первую для нашей сборной золотую олимпийскую медаль в плавании? **17.** «Бразильская вишня». **18.** Доспех на Алеше Поповиче с васнецовской картины «Богатыри». **20.** Сплав для изготовления камертона. **22.** Какой смычковый инструмент в два раза выше человеческого роста? **23.** Позиция питчера в бейсболе. **26.** Овощной гарнир из Прованса. **28.** «Фламское полотно». **31.** Американский воробей. **32.** Что собирались построить под сенью пальм героини новеллы «Дверь и мир» О. Генри? **33.** «Божья благодать» в Исламе. **36.** Замена сливочному маслу без холестерина. **38.** Какого голубя свиньи под корень извели? **39.** Приступ болезни.

Ответы на эрудит, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Эпопт. **7.** Харан. **10.** Вольто. **12.** Дипломатика. **13.** Шаркунок. **14.** Мунтжак. **17.** Кархезион. **18.** Нони. **19.** Люс. **22.** Мулга. **23.** Лебкухен. **24.** Льюис. **26.** Франческоли. **28.** Терри. **30.** Меир. **31.** Пегас. **32.** Вода. **34.** Шап. **36.** Ксорот. **38.** Митилена. **39.** Гомерон. **40.** Наиб. **41.** Антука. **42.** Пикассо.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Авеша. **2.** Клариас. **3.** Стоунхаус. **5.** Пшик. **6.** Ползун. **8.** Астлан. **9.** Анкх. **11.** Амати. **12.** «Додзигири». **14.** Мод. **15.** Конхилиолегул. **16.** Риина. **17.** Кювьё. **20.** Верещагин. **21.** Икако. **22.** Мизер. **25.** Анреп. **26.** Фра. **27.** Смокинг. **28.** Тирозин. **29.** Галахад. **31.** Пакеха. **33.** Гог. **35.** Биант. **37.** Топи. **38.** Мосс.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на текущие номера 2019 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 121 рубль 00 копеек	За 1 номер — 145 рублей 20 копеек
За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 871 рубль 20 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
132 рубля 00 копеек	264 рубля 00 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 октября открыта подписка на 1-е полугодие 2019 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовая подписка online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Мы не одиноки в этом мире, нас на протяжении жизни окружают родные, родственники, друзья, коллеги по работе... Но среди них всегда есть один самый-самый... Тот, кто никогда не предаст, протянет руку в трудную минуту, найдет для тебя нужные и теплые слова, одним словом, искренне поможет и словом, и делом. Ведь, что ни говори, миром все равно правит доброта, и добрых, отзывчивых людей вокруг нас очень много.

Вот мы и решили в 2019 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Близкие люди».**

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 20 октября 2019 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2020 года. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

